

«Истину можно найти. Но для ее поиска нет формулы. Вы должны отправиться в путь по морю, не отмеченному на карте, и это не отмеченное на карте море и есть ваш совет. Вы должны отправиться в путь, чтобы найти себя...»

Джидду Кришнамурти

Джидду Кришнамурти (1895—1986) — философ и духовный учитель, почитаемый во всем мире миллионами людей.

Он никогда не искал учеников и последователей, а просто приглашал своих слушателей присоединиться к нему в поиске истины и духовного пути.

Избранные лекции Дж. Кришнамурти, представленные в этой книге, дают возможность расширить границы личности, прикоснуться к духовности и избавиться от иллюзий.

«В моей собственной жизни Кришнамурти оказал на меня огромное влияние и помог мне лично прорваться за пределы моих, самостоятельно наведенных себе, ограничений к свободе».

— Дилак Чогра

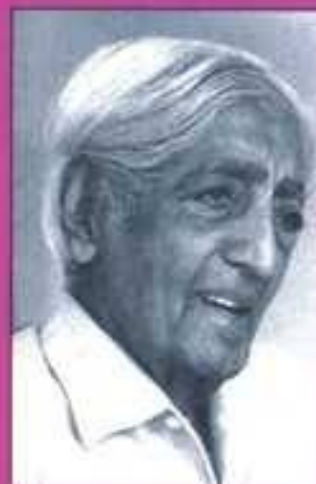
ШЕНИКС

ISBN 5-722-08968-9

9785722089689

БЕСЕДЫ
С КРИШНАМУРТИ
Джидду
Кришнамурти

БЕСЕДЫ С КРИШНАМУРТИ

избранное

Джидду Кришнамурти (1895–1986) — философ и духовный учитель, почитаемый во всем мире миллионами людей.

Он никогда не искал учеников и последователей, а просто приглашал своих слушателей присоединиться к нему в поиске истины и духовного пути.

Избранные лекции Дж. Кришнамурти, представленные в этой книге, дают возможность расширить границы личности, прикоснуться к духовности и избавиться от иллюзий.

Джидду Кришнамурти
Беседы с Кришнамурти

Отождествление

Почему вы отождествляете себя с другими, с обществом, со страной? Почему вы называете себя христианином, хинду, буддистом или почему вы являетесь членом одной из многочисленных сект? Религиозно или политически человек отождествляет себя с той или иной группой по традиции или по привычке, по внутреннему побуждению или предубеждениям, подражая кому-то или из-за лени. Такое отождествление прекращает всякое творческое понимание, и тогда человек становится простым инструментом в руках партийного босса, начальника, священника или духовного лидера.

На днях один человек сказал, что он «кришнамуртиец», хотя состоял в это время в другом обществе. Когда он так говорил, это было совершенно бессознательное применение такого отождествления. Ни в коей мере его нельзя было назвать глупцом, напротив, он был хорошо начитан и образован. Не был он ни эмоционален, ни сентиментален в этом вопросе, наоборот, он был четок и понятен.

Почему он вдруг стал последователем Кришнамурти? До этого он являлся членом иных обществ и организаций, и тут вдруг выяснилось, что он «кришнамуртиец». Из того, что он рассказал, казалось, что его искания окончились. Вот здесь, в итоге, он остановился.

Свой выбор он сделал, и ничто не могло поколебать его. Теперь он спокойно осядет и будет следовать всему, что было сказано и что будет сказано.

Когда мы отождествляем себя с кем-то другим, является ли это отождествлением из-за любви? Разве отождествление означает переживание и не влечет за собой угасание любви переживания? Отождествление — это овладение чем-то, утверждение в чем-то, отстаивание права собственности, а собственность отрицает любовь, не так ли? Владеть — значит быть в безопасности, обладание — это защита, неуязвимость. В отождествлении также есть доля грубого сопротивления, либо утонченного. А разве любовь является способом самозащиты? Присутствует ли любовь там, где есть защита?

Любовь — ранимая, мягкая, уступчивая. Она представляет собой высшую форму чувствительности, а отождествление приводит к бесчувственности. Отождествление и любовь не могут быть рядом, так как первое уничтожает вторую. Отождествление — это в основном умственный процесс, с помощью которого ум оберегает себя. В процессе отождествления с кем-то он должен сопротивляться и защищаться, он должен обладать и избавляться. В этом процессе становления ум или «я» делается выносливее и способнее. Но это не любовь. Отождествление уничтожает свободу, а наивысшая форма чувствительности рождается только в свободе.

Чтобы переживать, нужно ли отождествление? Разве сам акт отождествления — не конец исследования и открытия? Счастье истины не бывает без переживания в процессе самопознания. Отождествление препятствует открытию. Это все лишь еще один вид лени. Отождествление — следование опыту другого человека, следовательно, это абсолютно искусственный опыт.

Чтобы переживать, надо отбросить все отождествления. Чтобы переживать, нельзя бояться. Страх мешает познанию. Из-за страха мы прибегаем к отождествлению с другими, с обществом, с идеологией и тому подобным. Страх должен препятствовать и сдерживать. Можно ли отважиться на путешествие по морю, не отмеченному на карте, если вы ожидаете нападения? Истину или счастье нельзя постичь без путешествия по дорогам собственного «я». Вы не уплывете далеко, если бросили якорь. Отождествление — это убежище. Убежище нуждается в защите. А то, что требует защиты, рано или поздно будет разрушено. Отождествление несет в себе разрушение, отсюда возникают постоянные конфликты.

Чем больше мы сражаемся за или против отождествления, тем сильнее противодействие пониманию. Если человек осознал весь процесс отождествления, внешний и внутренний, если он понял, что внешнее выражение отражает внутреннюю потребность, тогда открывается возможность для познания и счастья. Тот, кто отождествил себя с кем-то или чем-то, никогда не познает свободы, в которой только и существует полная истина.

Домыслы и тревоги

Как забавно схожи домысел и тревога. Оба они являются продуктом деятельности неустанного размышления. У неутомимого ума должен быть арсенал чередующихся выражений и поступков. Он должен занимать себя постоянно нагнетающимися чувствами и меняющимися интересами. Все это составляющие домыслов.

Домысел — это полное противопоставление ясности и искренности. Распространять слухи означает убежать от себя, а бегство от реальности — причина беспокойства. По своей сути уход от действительности — это и есть беспокойство. Озабоченность делами других кажется естественной для большинства людей, что проявляется в массовом чтении газетных и журнальных статей, распространяющих слухи об убийствах, разводах и т. п. Как нам интересно, что другие думают о нас, так и нам хочется знать все о других. Отсюда возникает неявная, едва заметная, вкрадчивая форма цинизма и поклонения авторитету. Таким образом, мы становимся все более и более подвержены влиянию внешних факторов, а внутри опустошаемся. Чем больше внимания мы уделяем внешнему миру, тем больше чувств и увлечений у нас появляется. Все это играет на руку уму, не знающему покоя, который не способен на глубокий поиск и открытие.

Домысел — это проявление беспокойного ума. Если вы молчите, это еще не означает спокойствие ума. Спокойствие не возникает вместе с воздержанием или ограничением, оно возникает в результате понимания того, что *есть*. Чтобы понять то, что *есть*, необходимо быстрое осознание, так как то, что *есть*, не является неподвижным. Если бы не беспокойство, большинство из нас, наверное, не чувствовали бы себя живыми. Быть страдаемым какой-то проблемой для большинства из нас показатель существования. Мы не можем представить жизнь без проблем. Чем сильнее мы загружаем свои умы проблемами, тем более бдительными, как нам кажется, мы становимся. Постоянное напряжение из-за проблем, созданных самой же мыслью, только оглушает ум, делая его невосприимчивым и истощенным.

Тогда зачем же эта непрекращающаяся поглощенность мыслями проблемами? Разве тревога решит проблему? Или все-таки решение проблемы придет, когда наш ум успокоится? Но для большинства людей спокойный ум — что-то пугающее. Они боятся спокойствия, потому что одному Богу известно, что они могут обнаружить внутри себя, а беспокойство избавляет от этого. Ум, который вечно боится открытий, вынужден защищаться, а тревога и есть защита.

Из-за постоянного напряжения в силу привычки и влияния внешних факторов часть нашего сознания стала возбужденной и беспокойной. Современная жизнь поддерживает в нас такое состояние. Она отвлекает наше внимание, что является лишь способом самозащиты. Защита — это сопротивление, мешающее пониманию.

Тревога, как и домысел, имеет сходство с напряжением и важностью, но если присмотреться, то можно понять, что тревога берет свое начало в увлечении, а не искренности. Увлечения постоянно меняются, поэтому объекты тревоги и домыслов тоже изменчивы. Перемена — это всего лишь видоизмененное продолжение. Волнениям и домыслам можно положить конец только тогда, когда вы осознаете причину беспокойства вашего ума. Простое воздержание, контроль или дисциплина не приносят спокойствия, а только отупляют ум, делают его нечувствительным и ограниченным.

Любопытство — это не путь к пониманию. Понимание приходит с самопознанием. Тот, кто страдает, не любопытен, но простое любопытство с его ярким оттенком предположения является помехой к самопознанию. Предположение, как и любопытство, есть показатель беспокойства ума, и каким бы гениальным он ни был, он разрушает понимание и счастье.

Мысль с ее эмоциональным и чувственным содержанием, не является любовью. Мысль постоянно отрицает любовь. Мысль основана на воспоминаниях, а любовь — это не воспоминание. Когда вы думаете о том, кого вы любите, ваша мысль не является любовью. Вы можете вспомнить привычки вашего друга, его поведение, черты характера, вспомнить приятные и неприятные моменты в ваших взаимоотношениях. Но возникающие картинки и мысли не есть любовь. По своей природе мысль разделяющая. Ощущение времени и пространства, разлуки и скорби порождаются в процессе мышления, а любовь возникает только тогда, когда процесс мышления останавливается.

Мысль неизбежно возвращает чувство собственности. Чувство собственности, сознательное или неосознанное, культивирует ревность. Там, где ревность, нет любви, это очевидно. И все-таки большинство людей воспринимают ревность как показатель любви. Ревность — это продукт мысли, это ее отклик эмоционального содержания. Когда чувство владения или того, что вами владеют блокируется, возникает такая пустота, что зависть уступает место любви. Все трудности и горести возникают оттого, что мысль играет роль любви.

Если бы вы не думали о ком-то, вы бы сказали, что не любите этого человека. Но разве это любовь, когда все же вы думаете о нем? Если бы вы перестали думать о любимом человеке, то это, скорее всего, испугало вас, не так ли? Если бы вы перестали думать о друге, который умер, вы бы считали себя предавшим его, не любящим. Вы будете воспринимать такое состояние как бессердечное, равнодушное и, таким образом вы станете думать о нем. У вас в руках или в вашей голове появятся фотографии или картинки. Но если вот так заполнять свое сердце воспоминаниями ума, то не останется места для любви. Когда вы рядом с вашим другом, вы не думаете о нем. Только в его отсутствие мысль начинает воссоздавать сцены и переживания, которые уже мертвы. И это возрождение прошлого называют любовью. Поэтому для большинства из нас любовь есть смерть, отрицание жизни. Мы живем с прошлым, с мертвецами, поэтому мы сами мертвы, хотя называем это любовью.

Процесс мышления извечно отрицает любовь. Это мысль эмоционально запутанна. Мысль — величайшая помеха любви. Мысль создает разделение между тем, что *есть*, и тем, что *должно быть*, на этом разделении основана этика (нравственный закон). Но ни моральное, ни аморальное не знают любви. Структура морали, созданная умом, чтобы укрепить социальные взаимоотношения, не является любовью, а всего лишь скрепляющим веществом, похожим на цементный раствор. Мысль не ведет к любви, не возвращает ее, потому что любовь нельзя вырастить в саду, как растение. Само желание культивировать любовь — результат работы мысли.

Если вы полностью это осознали, то поняли всю важность роли мысли в нашей жизни. У мысли есть определенные задачи, но они никоим образом не связаны с любовью. То, что связано с мыслью, может быть понято ею, а то, что не связано, ум не может уловить. Вы спросите, что же такое любовь? Любовь — состояние бытия, где нет мысли. Но сама попытка дать определение любви является мыслительным процессом, и значит, это уже не любовь.

Нам необходимо понять саму мысль, а не пытаться уловить любовь посредством мысли. Отрицание мысли не приведет к любви. Освобождение от мысли приходит только после полного осознания ее глубинного значения, а для этого необходимо очень тщательное самопознание, а не показное, поверхностное суждение. Погружение в себя, а не повторение, осознание, а не определение, открывают пути мысли. Без осознания и понимания путей мысли не может быть любви.

Одиночество и уединение

Солнце село, и на фоне темнеющего неба деревья стали черными, с четкими формами. Широкая могучая река была тихой и спокойной. Луна только что появилась над горизонтом. Еще не создавая теней, она поднималась между двумя большими деревьями.

Мы шли вдоль крутого берега реки и вышли на дорогу, огибавшую зеленевшие пшеничные поля. Эта дорога была очень древней: по ней прошли тысячи людей. Блуждая среди полей и манговых деревьев, тамариндов и брошенных могил, она была знаменита преданиями и тишиной. Вдоль нее расположились сады, поля, и сладкий запах гороха аппетитно наполнял воздух ароматом. Птицы умолкли, усаживаясь на ветках деревьев, готовились к ночи, а в большом пруду уже отражались первые звезды. Сад погрузился в вечернюю тишину. На велосипедах проехали несколько жителей деревни, оживленно о чем-то разговаривающих, и снова наступила глубокая тишина.

Такое уединение — не болезненное, пугающее одиночество. Это состояние полноты и насыщенности, когда ты наедине с собой. У тамариндового дерева нет иного существования, кроме как быть собой. Это и есть уединение. Каждый становится сам собой, как огонь, как цветок. Мы не осознаем чистоту этого состояния, его необъятность. Общаться по-настоящему можно только тогда, когда ты сам с собой. Быть самому в себе не означает отречение или замкнутость. Быть самому в себе означает очищение от всех побуждений, повседневных дел и целей. Уединение — это не желаемая цель ума. Нельзя пожелать уединения. Такое желание — это лишь побег от боли из-за неспособности к общению.

Одиночество со страхами и болью — это отстранение, неизбежный поступок вашего «я». Причина отстранения, неважно какого масштаба, берет свое начало в смущении, конфликте, горе. Отстранение не может породить уединение. Нужно избавиться от первого, чтобы позволить второму быть. Уединение — неделимое, а одиночество — это отделение себя. Тот, кто уединился, восприимчив, поэтому легко переносит все. Только уединившийся может общаться с тем, что беспричинно и безмерно. Для уединившегося жизнь вечна, для уединившегося нет смерти. Уединившийся никогда не прекратит свое существование.

Луна только всходила над вершинами деревьев, и тени были четкими и черными. Когда мы миновали маленькую деревушку и возвращались назад вдоль реки, залаяла собака. Река была тихой, в ее воде, как в зеркале отражались звезды и огни длинного моста. Высоко на берегу слышался смех детей, и плач маленького ребенка. Рыбаки приводили в порядок сети. Тихо пролетела ночная птица. На противоположном берегу реки звучала песня, и ее слова были понятными и трогательными. И снова охватившее все вокруг уединение жизни.

Мы ждали поезд, а он опаздывал. Платформа была заполнена многолюдной толпой ожидающих, шумной и грязной, а воздух — едким. Плакали дети, мать кормила грудью малыша, торговцы рекламировали громко свой товар, продавались чай и кофе — в общем, это было беспокойное и оживленное место. Мы прохаживались вдоль платформы, наблюдая за жизнью вокруг нас. К нам подошел мужчина приятной внешности, с выразительными глазами и доброй улыбкой. Он заговорил на английском с акцентом. Сказал, что мы вызвали симпатию, и ему захотелось побеседовать с нами. В ходе беседы он рассказал, что он необразованный рикша, но решил вести правильную жизнь и с этого момента больше не курить.

Через некоторое время подошел поезд. В вагоне нам представился попутчик: мужчина в возрасте, был известным лингвистом, владел многими языками и свободно общался на них. Много знал, был состоятелен и амбициозен. Рассказывал о медитации, но создавалось впечатление, что он не основывается на собственном опыте. Его Бог — книги. У него было традиционное и устоявшееся отношение к жизни, верил в ранний и заранее спланированный брак и в строгие нормы жизни. Он чувствовал принадлежность к своей касте или классу и осознавал разницу интеллектуальных способностей каст. Его переполняла гордость за свои знания и положение.

Садилось солнце, поезд мчался по прекрасной сельской местности. Домашние животные, поднимая клубы золотистой пыли, возвращались с пастбищ домой. На горизонте виднелись огромные черные тучи, а вдалеке слышались раскаты грома. Сколько радости вмещает в себя зеленый луг, и как мила эта деревня в обрамлении гор! Наступала ночь. Грациозный олень пасся на лугу, и даже не поднял голову, когда поезд прогрохотал мимо.

Знание — это вспышка света в промежутках между тьмой. Но знание не может подняться над тьмой или выйти за ее пределы. Знание имеет значение для техники, как топливо для машины, но оно не может проникнуть за пределы неизвестного. Неизвестное нельзя поймать в сеть известного. Знание нужно отодвинуть в сторону, чтобы возникло неизвестное, но как же это трудно сделать!

У нас есть память о нашем прошлом, наши мысли основаны на прошлом. Прошлое — это известное, отголосок прошлого вечно отбрасывает тень на настоящее, на неизвестное. Неизвестное относится не к будущему, а к настоящему. Будущее есть результат того, как прошлое прокладывает свой путь сквозь неясное настоящее. Этот промежуток, этот интервал наполнен скачкообразными вспышками знаний, прикрывающих пустоту настоящего. Но в этой пустоте содержится чудо жизни.

Привязанность к знаниям схожа с любой другой привязанностью. Она предлагает уход от страха перед пустотой, одиночеством, разочарованием, страхом быть ничем. Свет знаний — это покрывало, под которым темнота, непостижимая для ума. Ум боится неизвестного, поэтому он прибегает к знаниям, теориям, надеждам, воображению. Все эти знания — препятствие для понимания неизвестного. Избавиться от знаний означает впустить страх, а не отречься от ума, который является единственным инструментом восприятия у человека, означает стать уязвимым для грусти и радости. Но отстраниться от знаний непросто. Быть невеждой — не означает быть свободным от знаний. Невежество — это нехватка знаний о себе самом, неосведомленность. А знание — это невежество из-за отсутствия понимания путей, проходимых собственным «я». Понимание своего «я» — это ключ к свободе от знания.

Свобода от знаний возникает тогда, когда понят процесс собирания информации и желания вобрать в себя информацию. Желание накопить ее есть желание безопасности, уверенности.

Такое желание определенности через отождествление, через осуждение и оправдание — это причина страха, разрушающего общность. Когда есть общность, нет необходимости накопления. Накопление — это замкнутое в себе противостояние, усиленное знаниями. Преклонение перед знаниями — лишь способ идолопоклонства, оно не избавит от страдания и противоречий в жизни. Покров знаний скрывает, но никогда не избавляет нас от усиливающихся сомнений и печали. Пути ума не приведут к истине и счастью. Знать значит отрицать неизвестное.

Этот человек утверждал, что не жаден, что довольствуется малым и что жизнь была благосклонна к нему, хотя и на его долю выпадали обыкновенные человеческие страдания. Он отличался скромностью, спокойствием и надеялся, что его ничто не потревожит на жизненном пути. Он сказал, что не был честолюбив, в своих молитвах благодарил Бога за все, что есть в его жизни: за семью, уклад его жизни, что не погряз в конфликтах и проблемах, как его друзья и родственники. Очень быстро он стал уважаем и был счастлив, что был одним из «избранных». Его не влекло к другим женщинам, так как у него была тихая, спокойная семейная жизнь. Не было у него и особых пороков, он много молился и восхвалял Бога. «Что со мной не так, — спросил он, — у меня же нет проблем?» Не дожидаясь ответа, он довольно улыбнулся, но как-то мрачно продолжил рассказ о своем прошлом: чем он занимался, какое образование он дал своим детям, что не был расточителен, экономил в меру. Он был уверен: чтобы занять свое место под солнцем, нужно бороться.

Уважение — это проклятие, разъедающее ум и сердце. Оно подкрадывается незаметно и разрушает любовь. Быть уважаемым — значит уметь успех, обеспечить себе положение в этом мире, выстроить вокруг себя стену одобрения, той уверенности, которая приходит с деньгами, властью, успехом, возможностями. Эта исключительная уверенность возвращает в обществе ненависть и противостояние человеческих отношений. Уважаемые — всегда сливки общества, поэтому и являются причиной споров и несчастий. Уважаемые, как и презируемые, всегда в зависимости от милости обстоятельств. Для них очень важно влияние окружающего мира и имеют значение традиции, поскольку они скрывают их внутреннюю бедность. Уважаемые всегда боятся, подозрительны и готовы защищаться. В их сердцах страх, а в их добродетели злость. Их благие дела и набожность — это их защита. Они словно барабаны, пустые внутри, но звонкие, если по ним ударить. Уважаемые, как и презируемые, никогда не в состоянии открыться реальности, они замкнулись в уверенности в собственном совершенстве. Им не дано счастье, так как они избегают истины.

«Быть неалчным» и «быть нерасточительным» — в этом есть тесная взаимосвязь. Оба эти процесса предполагают замкнутость в себе, сконцентрированность на себе с отрицательной частицей «не». Чтобы быть жадным, нужно быть активным. Направлять свою деятельность вовне. Вы должны бороться, соперничать, быть агрессивным. Если у вас нет такого побуждения, это не означает, что вы свободны от алчности, просто она у вас спрятана внутри. Ваша внешняя деятельность — это расстройство, болезненная борьба. Проще скрыть это в себе, прикрывшись словом «неалчный». Быть щедрым на руку — это одно, но быть щедрым от сердца — другое. Щедрость от руки ясна и проста и зависит от условий культурного достижения. А вот щедрость от сердца имеет гораздо более широкое и глубокое значение, требуя расширенного осознания и понимания. Быть нерасточительным — опять же приятно, но это слепая замкнутость в себе, внешняя бездеятельность. В этом состоянии поглощения собой есть внутренняя деятельность, как у спящего, но она никогда не пробудит вас. Процесс пробуждения болезненный, поэтому, молоды вы или стары, вы предпочитаете быть наедине с собой, чтобы стать уважаемым, чтобы умереть.

Как и щедрость сердца, щедрость руки — это поступок, направленный вовне, но часто он болезненный, обманчивый, саморазоблачающий. Щедрость руки легко доступна, а щедрость сердца непросто взрастить, это свобода от накопления. Чтобы простить, должна быть нанесена обида, чтобы оказаться обиженным, надо скопить в себе гордыню. Щедрость сердца отсутствует, пока память тихо шепчет «мне» и «мое».

Добродетель

Море было синим, а на белом песке едва виднелась зыбь. Вдоль широкого залива, к северу, стоял город, а к югу, почти у самой воды, росли пальмы. Едва видимые за горизонтом, появились первые акулы, за ними — рыбацьи лодки, представлявшие собой несколько бревен, связанных вместе канатом. Они направлялись южнее пальм в маленькую деревню. Закат был великолепен, но не там, где его ожидали, а на востоке. Это был закат наоборот. Тучи, массивные и объемные, были залиты всеми цветами радуги. В реальности это выглядело весьма фантастически, и переживалось почти болезненно. Вода поймала яркие краски и соткала из них путь из света к горизонту.

Из деревни в город возвращались несколько рыбаков, и пляж был почти пуст и тих. Над облаками появилась единственная звезда. На обратном пути к нам присоединилась женщина и заговорила о серьезных вопросах. Она сказала, что состоит в каком-то обществе, члены которого медитируют и исповедуют важные добродетели. Каждый месяц выбиралась одна добродетель, и в течение последующих дней ее придерживались и практиковали. Из речи и манер нашей спутницы было видно, что она была строга к себе и была нетерпима к тем, кто не разделял ее настрой и цели.

Добродетель исходит от сердца, а не от ума. Развитие добродетели означает хитрый расчет, самозащиту, умное приспособление к окружающему миру. Самосовершенствование — это отрицание добродетели. Откуда же взяться добродетели, если есть страх? Страх от ума, а не от сердца. Страх скрывается под различными видами: добродетель, уважение, приспособленность, служение и т. п. Страх всегда будет существовать во взаимоотношениях и деятельности ума. Ум неотделим от своей деятельности, но он обособляется, таким образом наделяя себя продолжением и постоянством. Как ребенок играет на пианино, так и ум искусно играет на добродетели, чтобы стать более сильным и главенствующим во встрече с жизнью, чтобы достичь наивысшего в его понимании. Во встрече с жизнью должна присутствовать чуткость, а не почетная стена замкнутой в себе добродетели. Высшего нельзя достичь, к нему нет пути, нет математической прогрессии. Истина должна прийти, вы не можете пойти к ней, и ваша искусственная добродетель не приведет вас к ней. То, чего вы достигнете, — не истина, а вами же выдуманное желание. А счастье только в истине.

Искусное умение ума приспособляться в собственном увековечивании поддерживает страх. Нужно глубоко осмыслить именно этот страх, а не то, как стать добродетельным. Мелочный ум учится добродетели, но остается мелочным. Добродетель становится уходом от его собственной мелочности, а сама добродетель превращается в мелочную. Если не понять эту мелочность, как можно переживать реальность? Как может мелочный, но добродетельный ум быть открытым для неизмеримого?

Добродетель возникает при понимании умственного процесса, своего «я». Добродетель — это не накопленное сопротивление, это спонтанное осознание и понимание того, что *есть*. Ум не может понять, он может перевести в действие то, что понято, но он не способен к пониманию. Чтобы понять, должна быть теплота, мягкость познания и принятия, которую может дать только сердце, когда ум замолкает. Но молчание ума — это не хитрый расчет. *Желание* этого молчания есть проклятие достижения с его бесконечными противоречиями и болью. Стремление *быть* хорошим или плохим — это отрицание добродетели сердца. Добродетель — это не противоречие и достижение, повторяющееся упражнение и результат, а состояние бытия, не являющееся результатом проекции желания. Там нет бытия, где идет борьба за него. В борьбе за бытие присутствует сопротивление и отрицание, умерщвление и отречение,

но преодоление этого — не добродетель. Добродетель — это спокойствие и свобода от жажды быть, спокойствие от сердца, не от ума. Посредством упражнения, принуждения, сопротивления ум может успокоить себя. Но такая дисциплина разрушает добродетель сердца, без которой нет мира, нет благословения, ибо добродетель сердца — это понимание.

Любовь во взаимоотношениях

Тропинка, петляющая через лес, по которой ходили олени и другие дикие животные, оставлявшие свои следы в мягкой земле, проходила мимо чистой и ухоженной фермы и поднималась на склон, откуда открывался вид на здания, где находились коровы с телятами, лошади, цыплята, и множество сельхозтехники. В тихие минуты с фермы доносились голоса, смех и песни. Иногда слышались громкие голоса, ругающие непослушных детей. Вдруг из дома вышла женщина, резко хлопнув дверью. Она вошла в хлев и стала бить корову палкой.

Как легко уничтожать то, что мы любим! Как быстро между нами возникает барьер — одно слово, жест, улыбка! Здоровье, хорошее настроение и желание отбрасывают свои тени, и то, что было ярко, становится тусклым и обременительным. Из-за использования мы изнашиваемся, и тот, кто был понятен и ясен, становится утомленным и запутанным. Из-за постоянного трения, из-за надежды и расстройств тот, кто был прекрасен и прост, становится напуганным и выжидающим. Взаимоотношения сложны и трудны, и немногие могут выйти из них без ущерба для себя. Хотя нам бы хотелось, чтобы они были постоянными, длящимися вечно, непрерывными, но взаимоотношения — это движение, процесс, который должен быть глубоко и полностью понят, а не превращен в соответствие внутреннему или внешнему образцу. Соответствие, являющееся составляющей социальной структурой, теряет свое значение и власть только тогда, когда есть любовь. Любовь во взаимоотношениях — это процесс очищения, поскольку она раскрывает пути для нашего «я». Без этого раскрытия отношения имеют малое значение.

Но как мы боремся против этого раскрытия! Борьба имеет множество форм: господство или подчинение, страх или надежда, ревность или принятие и так далее. Трудность состоит в том, что мы не любим, а если мы действительно любим, то хотим, чтобы это происходило специфическим способом, мы не даем этому свободу. Мы любим нашими умами, а не сердцами. Ум может изменяться, но любовь не может. Ум может делать себя неуязвимым, но любовь не может; ум может всегда отступать, быть исключительным, индивидуализироваться или обезличиваться. Любовь нельзя сравнивать, нельзя от нее отгородиться. Наша трудность скрывается не в том, что мы называем любовью, а в том, что в действительности исходит от ума. Мы заполняем наши сердца твореньями ума и поэтому держим наши сердца вечно пустыми и выжидающими. Это ум, который цепляется, завидует, удерживает и уничтожает. Наша жизнь — во власти материальных основ и ума. Сами мы не любим, и это нас устраивает, но жаждем быть любимыми. Мы даем, чтобы получить, что является щедростью ума, а не сердца. Ум вечно ищет уверенность, безопасность. А можно ли с помощью ума сделать любовь безопасной? Может ли ум, чья сущность временна, уловить любовь, которая является самой вечностью?

Но даже любовь сердца имеет свои собственные уловки из-за того, что мы так сильно развратили наши сердца, что они колеблются и запутываются. Вот это и делает жизнь настолько болезненной и Утомительной. В одно мгновение мы думаем, что испытываем любовь, а в следующий миг она уходит. И вот возникает неведомая сила, не исходящая от ума, запасы которого не могут быть поняты. Эта сила снова разрушается умом, поскольку в этом сражении ум кажется неизменным победителем. Этот конфликт внутри нас нельзя решить с помощью хитрого ума или колеблющегося сердца. Нет никакого средства, никакого способа положить конец этому конфликту. Сам поиск средства — еще одно убеждение ума, что он хозяин, что он избавляет нас от противоречия, чтобы быть умиротворенными, иметь любовь, стать кем-то.

Наша самая большая трудная задача состоит в том, чтобы ясно и глубоко осознать, что нет средства для любви, как ни желал бы того ум. Когда мы поймем это по-настоящему и глубоко,

тогда есть возможность получить что-то свыше. Без контакта с этим высшим делайте что хотите, а никакого длительного счастья в отношениях не может быть. Если вы получили это благословение, а я нет, естественно, вы и я окажемся в противоречивом положении. Вы можете не быть в конфликте, но я буду, и из-за своей боли и горя. Горе так же разлучает, как и удовольствие, и пока существует та любовь, которая не является моим собственным творением, отношения приносят боль. Если есть благословение той любви, вам ничего не остается, как любить меня, кем бы я ни был, так как тогда вы не измеряете любовь согласно моему поведению. Неважно, какие уловки ум может применить, вы и я разделены. Хотя мы можем соприкоснуться друг с другом в некоторых точках, объединение происходит не с вами, а внутри меня самого. Такое объединение не порождается в любое время умом, оно возникает только тогда, когда ум совершенно замолкает, достигнув конца его собственной развязки. Только тогда отношения не причиняют никакой боли.

Известное и неизвестное

Длинные вечерние тени ложились на неподвижные воды, река к концу дня успокаивалась. Играла мелкая рыба — выпрыгивая над водой. Птицы прилетали на ночлег, усаживаясь на ветвях деревьев. На серебристо-синем небе не было ни облачка. По реке плыла лодка, с поющими людьми. Вдалеке мычала корова. В вечернем воздухе стоял аромат. Гирлянда из ноготков, искрясь в лучах заходящего солнца, плыла по воде. Все было прекрасно: река, птицы, деревья и сельские жители.

Мы сидели под деревом, любуясь рекой. Среди деревьев стоял маленький, чистенький храм, в окружении ухоженных, политых, цветущих кустарников. Какой-то человек пел вечерние молитвы, и его голос был печален. Освещенная последними лучами солнца вода имела оттенок только что распустившихся цветов. Прохожий присел к нам и начал говорить о своей жизни. Он рассказал, что посвятил много лет жизни поиску Бога, жил строго и отказался от многих вещей, которые были ему дороги. Оказал значительную помощь в социальной работе, постройке школы и так далее. Он интересовался многими вещами, но его всепоглощающим стремлением было найти Бога, и теперь, после многих лет, он услышал его голос и руководствовался им как в мелких, так и в значимых делах. У него не было собственной воли, он следовал внутреннему голосу Бога. Он никогда не подводил его, хотя его смысл часто искажался. Его молитва всегда была молитвой за очищение сосуда.

Может ли быть найдено кем-то, что неизмеримо? Может то, что не имеет времени, быть найденным тем твореньем, которое соткано из времени? Может ли старательная строгость к себе привести нас к неизвестному? Есть ли средство достижения того, что не имеет ни начала, ни конца? Может ли та действительность быть поймана в сети наших желаний? То, что мы можем ухватить, — это проекция известного. Но неизвестное не может быть поймано известным. То, что имеет название, — это не то, что нельзя назвать, а, называя, мы только пробуждаем обусловленные отклики. Эти отклики, хотя благородные и приятные, не имеют отношения к реальности. Мы реагируем на раздражители, но действительность не предполагает никакого раздражителя — она просто *есть*.

Ум перемещается от известного к известному, и он не может дотянуться до неизвестного. Вы не можете думать о том, чего вы не знаете, это невозможно. То, о чем вы думаете, выходит из известного, прошлого, пусть это давнее прошлое или минувшая секунда. Это прошлое одумывается, сформировывается и поддается многим влияниям, изменяясь согласно обстоятельствам и оказываемому давлению, но вечно оставаясь процессом времени. Мысль может только отрицать или утверждать, она не способна обнаружить или найти новое. Мысль не может натолкнуться на новое, но когда мысль затихает, тогда может появиться новое, которое немедленно преобразовывается мыслью в старое, в пережитое. Согласно образцу опыта, мысль вечно формирует, изменяет, окрашивает. Функция мысли — связывать одно с другим, но не находиться в состоянии переживания. Когда переживание прекращается, тогда мысль принимает это и дает ему название в пределах категории известного. Мысль не может проникнуть в неизвестное, поэтому она никогда не сможет обнаруживать или переживать действительность.

Строгость к себе, отречение, отрешенность, ритуалы, практика добродетели — все эти проявления, хотя и будучи благородными, являются процессом мысли. А мысль может только работать ради завершения, ради достижения, которое всегда является известным. Достижение — это безопасность, защищающая себя уверенность известного. Искать безопасность в том, что является неназванным, означает отрицать это. Безопасность, которая будет найдена, есть только

в проекции прошлого, известного. По этой причине ум должен полностью молчать, но молчание не может быть куплено через жертву, возвеличивание или подавление. Молчание наступает, когда ум больше не ищет, не охвачен больше процессом становления кем-то. Это молчание не является приобретенным с опытом, оно не может быть достигнуто путем практики. Это молчание должно быть столь же неизвестно уму как бесконечное. Если ум переживает молчание, тогда есть переживающий, результат прошлых переживаний, тот, кто помнит о прошлом молчании. И то, что испытывает переживающий, — это просто им самим спроектированное повторение. Ум никогда не может переживать новое, поэтому он должен быть молчалив.

Ум может быть молчалив, когда он не переживает, то есть не называет или не дает определения, не записывает и не сохраняет в памяти. Такое обозначение и регистрация — это постоянный процесс в различных отделах сознания, не только высшего разума. Но когда поверхностное сознание молчит, более глубокое сознание может проявить свои признаки. Когда же все сознание тихо и спокойно, свободно от извечного становления, что возникает спонтанно, только тогда возникает неизмеримое. Желание сохранить эту свободу придает продолжение памяти становящегося, что является помехой для действительности. Действительность не имеет никакого продолжения, она длится от мгновения до мгновения, вечно новая, вечно цветущая. То, что имеет продолжение, никогда не может быть созидательным.

Высший разум — это только инструмент общения, он не может измерить то, что неизмеримо. О действительности нельзя говорить, а когда так происходит, тогда это больше не действительность.

Это размышление.

Человек и общество

Мы шли по многолюдной улице. Тротуары отяжелели под людской массой, а наши ноздри наполнял запах выхлопа автомобилей и автобусов. Магазины демонстрировали множество дорогостоящих и дешевых вещей. Небо было бледно-серебристым, и когда мы вышли из оживленной улицы, в парке оказалось приятно. Мы пошли в глубь парка и сели.

Он говорил, что это государство, с его милитаризацией и законодательством, поглощало человека как индивидуальность почти всюду и что поклонение государству теперь занимало место поклонения Богу. В большинстве стран государство проникало в личную жизнь свои граждан. Им указывали, что читать и что думать. Государство шпионило за своими гражданами, присматривая за ними свысока, продолжая функцию церкви. Оно стало новой религией. Раньше человек был рабом церкви, а теперь стал рабом государства. До этого церковь, а теперь государство контролировали его образование, и никто из них не был заинтересован в освобождении человека.

Каково отношение человека к обществу? Очевидно, общество существует для человека, а не наоборот. Общество существует на благо человека. Оно существует, чтобы дать свободу индивидууму, чтобы у него была возможность пробудить в себе наивысший интеллект. Этот интеллект — не простое культивирование техники или знания; он должен соприкоснуться с той творческой действительностью,

которая не дана поверхностному уму. Интеллект — это не совокупный результат, а свобода от прогрессивного достижения и успеха. Интеллект никогда не находится в бездействии, его нельзя скопировать и подогнать под стандарты и, следовательно, нельзя преподавать. Интеллект нужно искать в свободе.

Коллективная воля и ее проявление, которое является обществом, не дают индивидууму эту свободу, так как общество, не будучи живым существом, находится вечно в статике. Общество составлено, сведено воедино для удобства человека. Оно не имеет никакого собственного независимого устройства. Люди могут захватить общество, руководить им, формировать его, тиранствовать над ним в зависимости от их психологического состояния. Но общество — это не хозяин человека. Оно может влиять на него, но человек всегда ломает его. Конфликт между человеком и обществом существует потому, что человек в конфликте с собой. А конфликт происходит между тем, что является неподвижным, и тем, что живет. Общество — внешнее выражение человека. Конфликт между человеком и обществом есть конфликт в нем самом. Этот конфликт, внутри и снаружи, будет вечно существовать, пока не пробужден наивысший интеллект.

Мы социальные объекты, так же как индивидуумы, мы граждане, так же как люди, и в горе и в удовольствии. Если мы хотим мира, мы должны понять, что значит «правильные отношения между человеком и гражданином». Конечно, государство предпочло бы, чтобы мы были полностью гражданами, но это глупость правительств. Сами мы хотели бы передать человека во власть гражданину, потому что быть гражданином легче, чем быть человеком. Быть хорошим гражданином — значит функционировать эффективно в пределах норм данного общества. От гражданина требуются продуктивность и соответствие нормам, поскольку они закаляют его, делают его безжалостным. После этого он способен принести человека в жертву гражданину. Хороший гражданин не обязательно хороший человек. Но хороший человек обязан быть законопослушным гражданином, и не только какого-то одного общества или страны. Поскольку он прежде всего хороший человек, его действия не будут антиобщественными, он не пойдет против другого. Он будет жить в сотрудничестве с другими хорошими людьми. Он не будет

искать авторитет, поскольку для него нет никакого авторитета. Он будет способен к продуктивной деятельности без жестокости. Гражданин будет пытаться принести человека в жертву, но человек, ищущий наивысшие знания, естественно, избежит глупости гражданина. Таким образом, государство ополчится против хорошего человека, человека с интеллектом. Но этот человек свободен от всех правительств и государств.

Интеллектуальный человек создаст хорошее общество. Но хороший гражданин не положит начало обществу, в котором появится человек с высочайшим интеллектом. Конфликт между гражданином и человеком неизбежен, если преобладает гражданин. И любое общество, которое преднамеренно унижает человека, обречено. Согласие между гражданином и человеком появляется только тогда, когда психологический процесс в человеке понят. Государство, существующее общество заинтересованы не во внутреннем мире человека, а только во внешнем его проявлении, в гражданине. Оно может отрицать внутреннего человека, но он всегда одолевает внешнего, нарушая ловко разработанные гражданином планы. Государство жертвует настоящим ради будущего, вечно охраняя себя для будущего. Оно расценивает будущее, а не настоящее, как существенно важное. Но для человека с высочайшим интеллектом настоящее, «сейчас», а не «завтра», имеет самое важное значение. То, что есть сейчас, можно понять только после исчезновения «завтра». Понимание того, что есть, приводит к преобразованию в непосредственном настоящем. Именно это преобразование имеет наивысшее значение, а не то, как примирить гражданина с человеком. Когда такое преобразование получается, конфликт между человеком и гражданином прекращается.

Напротив сидел человек, имеющий положение и власть. Он хорошо осознавал это, поскольку его внешность, жесты, поведение говорили о том. В правительстве он занимал высокий пост, и люди преклонялись перед ним. Грубо отчитывал кого-то, за то, что потревожили его по проблеме подчиненных. Он громко говорил о делах, и попутчики поглядывали на него с опаской. Мы летели высоко над облаками, на высоте восемнадцать тысяч футов. Сквозь облаках виднелись синее море, горы, покрытые снегом, острова и широкие открытые заливы. Красиво смотрелся пейзаж из маленьких деревень, реки, берущей начало с гор и спускающейся к морю. Она несла свои воды мимо очень большого города, покрытого дымом и грязью, где и сама становилась грязной, но вдали от города она вновь была прежней: чистой и искрящейся. Через несколько кресел от меня сидел офицер в форме, уверенный и высокомерный, его грудь была украшена наградами. Он принадлежал к привилегированному классу. Почему происходит так, что мы жаждем быть признанными, повышенными по службе, награжденными? Почему мы являемся такими снобами? Почему цепляемся за исключительность нашего имени, положения, достижений? Разве анонимность приводит к деградации и быть неизвестным презренно? Почему мы гонимся за известностью, популярностью? Почему не принимаем себя такими, какие мы есть? Почему боимся и стыдимся себя, каковы мы есть. Почему положение и достижения становятся настолько существенными? Любопытно, насколько сильно желание быть признанным, встреченным аплодисментами. В восторге сражения свершаются невероятные вещи, за которые следует вознаграждение. За убийство такого же человека, как и мы, становятся героями. Благодаря привилегии, уму, способности и трудоспособности оказываешься где-ни- будь около вершины, хотя вершина никогда не является таковой, поскольку опьянение от успеха захватывает все больше и больше. Страна или бизнес — это вы сами. От вас зависят важные явления, вы — это власть. Организованная религия подсовывает положение, престиж и почеть. В ней вы — важная персона, обособленная и значительная. Или, опять же, вы становитесь учеником какого-нибудь учителя, гуру или мастера, или сотрудничаете с ними в их деле. Вы все еще значимы, представляете их интересы, разделяете с ними их ответственность, вы даете, а другие получают. Хотя, действуя от их имени, вы всего лишь пешка. Можно надеть набедренную повязку или одежду монаха, но это вы делаете красивый жест, это вы отрекаетесь.

Так или иначе, скрыто или явно, «я» подпитывается и поддерживается. Помимо его антиобщественных и вредных воздействий, зачем «я» еще должно самоутверждаться? Хотя мы и так живем в суматохе и печали, с мимолетными удовольствиями, зачем «я» цепляется за внешнее и внутреннее удовлетворение, за поиски его, которые неизбежно приносят боль и страдание? Жажда активной деятельности, как и пассивной, заставляет нас стремиться *быть*. Наше стремление заставляет нас чувствовать, что мы живы, что в нашей жизни есть цель, что мы постепенно избавимся от причин конфликта и горя. Мы чувствуем, что если бы наша деятельность остановилась, мы были бы ничем, жили бы напрасно, вообще жизнь не имела бы никакого значения. Так что мы продолжаем вовлекаться в конфликты, в беспорядки, в антагонизм. Но мы также осознаем, что есть кое-что больше, что есть еще и иное, которое выше и вне всего этого страдания. Таким образом, мы находимся в постоянном сражении внутри нас самих.

Чем больше внешняя показная пышность, тем больше внутренняя бедность. Но свобода от этой бедности — не набедренная повязка. Причина этой внутренней пустоты — желание стать, и делайте, что хотите, но эту пустоту никогда не заполнить. Вы можете убежать от нее грубым

способом или с изяществом, но она, словно ваша тень, рядом с вами. Вы можете не хотеть заглянуть в эту пустоту, но, однако, она там. Декорации и отрицания, которые «я» использует, никогда не смогут скрыть эту внутреннюю бедность. Своими действиями, внутренними и внешними, «я» пробует заполнить себя, называя это опытом или давая этому иное название для собственного удобства и выгоды. «Я» никогда не будет анонимным, оно может надеть новую одежду, взять себе другое имя, но отождествление с чем-либо — в самой его сущности. Этот процесс отождествления мешает осознанию его собственной природы. Совокупный процесс отождествления создает «я», хорошее или плохое, и деятельность его всегда замкнута в себе, как бы обширна она ни была. Каждое стремление «я» быть или не быть — это отдаление от того, что есть. Кроме его имени, признаков, особенностей, имущества, что же является «я»? Останется ли что-нибудь от «я», самости, если убрать все его свойства? Именно это опасение быть ничем приводит «я» в деятельность. Но это *есть* ничто, это пустота.

Если мы способны встать перед лицом той пустоты, быть с тем болезненным одиночеством, тогда страх полностью исчезает и происходит фундаментальное преобразование. Для того чтобы это случилось, нужно переживать это небытие, чему препятствует переживающий. Если есть желание пережить эту пустоту, чтобы преодолеть ее, подняться выше, за пределы ее, тогда нет никакого переживания, так как «я» имеет продолжение как идентичность. Если переживающий имеет опыт, состояния переживания не достичь. Именно переживание того, что *есть*, без определения его названия, дает свободу от того, что *есть*.

Мы находились высоко в горах. Дождя не было в течение многих месяцев, и небольшие ручьи пересохли. Сосны стали коричневого цвета, а некоторые уже погибли, и среди них гулял ветер. К горизонту цепь за цепью тянулись горы. Большая часть диких зверей спустилась с гор и поселилась ближе к пастбищам, где легче прокормиться и было прохладнее. В горах остались только белки, сойки, и другие виды птиц, но они уже не наполняли лес своим пением. Усохшая много лет назад сосна стала белой. Она была красива даже в своей смерти: изящная и сильная. Без влаги земля потрескалась, а тропинки стали каменистыми и пыльные.

Наша собеседница рассказала, что принадлежала нескольким религиозным обществам и наконец-то остановилась на одном. Работала в этом обществе в качестве лектора и пропагандиста, практически по всему миру. Ради организации оставила семью, комфорт и много чего другого. Она приняла ее верования, доктрины и предписания, следовала за его лидерами и пробовала медитировать. Ее высоко ценили как члены организации, так и ее лидеры. Однажды услышав, что я сказал о верованиях, организациях, опасности самообмана и тому подобном, она ушла из этой организации и прекратила свою работу. Ее больше не интересовало спасение мира, все время она отдавала теперь своей семье и ее проблемами и лишь слегка интересовалась вопросами внешнего мира. В ней проглядывала жестокость, хотя внешне была доброй и щедрой. Она жалела о том, что ее жизнь потрачена впустую. После ее энтузиазма и дел где оказалась она? Что случилось с ней? Почему бывшая активистка стала унылой и утомленной жизнью и озабоченной такими тривиальными вещами?

Как легко мы уничтожаем тонкую чувствительность нашего существа! Непрерывная борьба и спор, беспокойство и страхи очень скоро притупляют ум и сердце. А хитрый ум быстро находит замену чувствительности к жизни. Развлечения, семья, политика, верования и боги занимают место ясности и любви. Ясность потеряна из-за знаний и веры, а Какова необходимость в верованиях, и разве они не загружают и без того переполненный ум? Понимание того, что *есть*, требует не веры, а лишь прямого восприятия, которое должно быть напрямую осознано, без вмешательства желания. Это желание создает беспорядок, а вера — распространение желания. Желание проникает в нас скрытыми путями, и без их понимания вера только усиливает конфликт, беспорядок и антагонизм. Другое название для веры — это доверие, а доверие — это также пристанище желания.

Мы обращаемся к вере как средству для взаимодействия. Вера дает нам ту специфическую силу, которой обладает исключительность, поскольку большинство из нас заинтересовано во взаимодействиях, вера становится потребностью. Мы чувствуем, что не можем действовать без веры, потому что вера дает нам то, ради чего можно жить и работать. Для большинства из нас жизнь не имеет никакого другого смысла, кроме того, который придает любовь — из-за ощущений. Разве вера привносит ясность? Разве крепкие стены веры приводят к пониманию? вера. Вера приобретает большее значение, чем жизнь. Мы думаем, что жизнь нужно прожить в рамках веры, поскольку как можно действовать без неких норм? Поэтому наши действия базируются на идее или на ее результате. И тогда действие не столь же важно, как идея. Могут плоды ума, даже блестящие и утонченные, придать когда-либо полноту взаимодействию, привести к полному преобразованию в бытии личности и в социальном устройстве? Действительно ли идея — это средство для взаимодействия? Идея может вызвать некоторую последовательность действий, но это просто деятельность. А деятельность полностью отличается от действия. Именно в этой деятельности каждый пойман в ловушку, и, когда по какой-либо причине деятельность останавливается, тогда личность теряется, и жизнь

становится бессмысленной и пустой. Мы осознаем эту пустоту, сознательно или подсознательно, и, таким образом, идея и деятельность становятся наиболее существенными. Мы заполняем эту пустоту верой, и деятельность становится опьяняющей потребностью. Ради этой деятельности мы будем отрекаться, приспосабливаться к любому неудобству, к любой иллюзии. Деятельность веры является запутывающей и разрушительной. Сначала она может казаться организованной и созидательной, но в ее следах остаются конфликт и страдание. Каждый вид веры, религиозной или политической, мешает пониманию взаимоотношений, а без этого понимания не может быть никакого взаимодействия.

Машина была мощной и хорошо отлаженной. Она с легкостью пересекала холмы, ехала без дребезжания, и датчики были в порядке. Дорога круто поднималась из долины и проходила между апельсиновыми садами и высокими, широко раскинувшимися Деревьями грецкого ореха. С обеих сторон дороги сады простирались на полные сорок миль, до самого подножия гор. Выпрямляясь, дорога проходила через несколько маленьких городков, и затем продолжалась по открытой сельской местности, которая казалась ярко-зеленой от люцерны. И снова, извиваясь по многочисленным холмам, дорога наконец уходила в пустыню.

Дорога стала прямой, гул двигателя — тихим, а уличное движение было очень слабым. Возникло удивительное осознание сельской местности, изредка проезжавшего мимо автомобиля, дорожных знаков, чистого синего неба, собственного тела, сидящего в автомобиле. Ум затих. Но это не было спокойствием после утомления или расслаблением, а внимательное умиротворение. Не было никакого умысла в молчании ума. Не было никакого наблюдателя этого спокойствия, переживающий полностью отсутствовал. Хотя отрывками велась беседа, в этой тишине не возникало никакого колебания. Слышался рев ветра, когда автомобиль несся вперед, и все-таки это спокойствие было неотделимо от шума ветра, от звука автомобиля и от произнесенного слова. У ума не было никакого воспоминания о предыдущем спокойствии, о той тишине, которую он знал до этого. Он не сказал: «Это есть спокойствие». Не было никакого словесного определения, которое является только признанием и подтверждением некоторого подобного опыта, поскольку не было никакого словесного определения этому, мысль отсутствовала. Никакой записи об этом не было, и поэтому мысль оказалась неспособна уловить эту тишину или подумать о ней, так как слово «тишина» не означает тишину. Когда нет подходящего слова, ум не может работать, поэтому переживающий не может зарегистрировать это как средство для дальнейшего удовольствия. В этом ощущении не было никакого процесса сбора информации и даже поиска приближенного значения или уподобления. Движение ума полностью отсутствовало.

Автомобиль остановился у дома. Лай собаки, разгрузка автомобиля и общее волнение никоим образом не затрагивали эту необыкновенную тишину. *Не было* никакого волнения, и спокойствие продолжалось. Среди сосен гулял ветер, тени становились длинными, вдали среди кустарников кралась дикая кошка. В этой тишине происходило движение, и оно не было отвлечением. Отсутствовало какое-либо фиксированное внимание, чтобы быть отвлеченным. Отвлечение возникает, когда интерес перемещается с главного. Но в этой тишине отсутствовала заинтересованность, и не было никакого далекого ухода от действительности. Движение не происходило вне тишины, а было *внутри* нее. Это была неподвижность, вызванная не смертью, не затуханием, а жизнью, в которой полностью отсутствовали противоречия. Большинству из нас борьба между болью и удовольствием, побуждение к деятельности придают смысл жизни. А если это побуждение убрать, мы были бы в растерянности и скоро распались бы. Но эта неподвижность и ее движение составляли творчество, вечно обновляющее себя. Это движение не имело ни начала и ни конца. Это была вечность. Движение подразумевает время. Но здесь не существовало никакого времени. Время — это больше и меньше, близко и далеко, вчера и завтра. Но в этой неподвижности всякое сравнение прекращалось. Это не была тишина, которая заканчивается, чтобы начаться снова. Не было никакого повторения. Множественные уловки хитрого ума полностью отсутствовали.

Если бы эта тишина была иллюзией, она имела бы какое-то отношение к уму. Ум либо отклонил бы ее, либо уцепился бы за нее, логически опроверг бы ее или с тонким

удовлетворением отождествил бы себя с ней. Но так как он не имеет никакой взаимосвязи с этой тишиной, ум не способен принять или отвергнуть ее. Ум может оперировать только собственными проецированиями, тем, что находится в нем самом. Но у него нет никакой взаимосвязи с вещами, не его собственного происхождения. Эта тишина не принадлежала уму, поэтому ум не способен искусственно воссоздать ее или отождествить себя с ней. Содержание этой тишины нельзя измерить словами.

Отказ от богатства

Мы сидели в тени большого дерева, любуясь зеленой долиной. Суетились дятлы, муравьи выстроившись длинной очередью сновали туда-сюда между двумя деревьями. С моря дул ветер, принося издали запах дыма. Горы выглядели синими и сонными. Они казались такими близкими, хотя находились далеко. Маленькая птица пила из небольшой лужи, натекшей из прохуdivшейся трубы. Две серых белки с большими густыми хвостами гонялись друг за другом вверх и вниз по дереву. Они — то поднимались на вершину, то спускались вниз, несясь с безумной скоростью почти до земли, и затем поднимались снова.

Когда-то этот человек был очень богатым, но отказался от богатства. У него был свой бизнес и он наслаждался грузом своей ответственности. Поскольку он был добрый сердцем и щедрым на поступки, то давал без ограничений и забывал о том. Был добр к своим сотрудникам, заботился об их благе и легко получал прибыль. Он отличался от тех, чьи счета в банке и инвестиции значительнее их самих, от тех, кто одинок и боится людей и их нужд, кто изолирует себя в атмосфере собственного богатства. Он жил для своей семьи, но и не был расточителен, имел много друзей, но не потому что был богат. Однажды его осенило, какой совершеннейшей глупостью были его бизнес и богатство, и он отрекся от своего имущества. Теперь у него было только самое необходимое, он пробовал жить просто, чтобы понять жизнь, узнать, есть — пи кроме потребностей физических еще что-то.

Довольствоваться немногим сравнительно легко, быть свободным от бремени земных вещей нетрудно, когда находишься в путешествии, в поисках чего-то. Необходимость внутреннего поиска избавляет от волнения о собственном имуществе, но быть свободным от внешних вещей не означает простую жизнь. Внешняя простота и порядок не обязательно означают внутреннее спокойствие и простодушие. Хорошо быть простым внешне, поскольку это действительно дает некоторую свободу, это жест прямоты. Но почему мы неизменно начинаем с внешней, а не с внутренней простоты? Для того чтобы убедить себя и других в нашем намерении? Почему мы должны убеждать себя? Освобождение от вещей требует интеллектуального развития, а не жестов и убеждений. Если осознать все значение многочисленных материальных благ, то это самое осознание освобождает, и тогда нет никакой потребности в драматических утверждениях и жестах. Так происходит, когда интеллектуальное осознание не функционирует так, что мы прибегаем к дисциплине и отрешенности. Акцент делается не на «много» или «мало», а на интеллект. И интеллектуальный человек, довольствуясь малым, освобождается от материального бремени.

Но довольство малым — это одно, а простота — совсем другое. Желание довольствования малым или желание простоты опутывает. Желание порождает сложность. Довольство малым приходит с осознанием того, что *есть*, а простота со свободой от того, что *есть*. Хорошо быть внешне простым, но намного более важно быть внутри простым и ясным. Ясность не проникает через полный условностей и целеустремленный ум, ум не может достичь ее. Он может приспособиться, может организовать и привести свои мысли в порядок, но это — не ясность или простота.

Действие воли приводит к замешательству, потому что воля, как бы ни была она возвышенна, —

это все-таки инструмент желания. Воля быть, стать, даже разумная и благородная, может указать направление, может очистить путь среди беспорядка. Но такой процесс ведет к изоляции, а ясность не может проникнуть через изоляцию. Действие воли может временно осветить ближайший передний план, необходимый для простой деятельности. Но оно никогда

не сможет прояснить внутренние причины, так как сама воля — это результат этих самих внутренних причин. Внутренние причины растят и питают волю, а воля может усилить их, повысить их потенциальные возможности, но очистить вас от внутренних причин она никогда не сможет. Простота не исходит от ума. Запланированная простота есть лишь хитрое приспособление, защита против боли и удовольствия. Это деятельность в виде самозащиты, которая порождает различные формы конфликта и беспорядка. Именно конфликт приводит к неясности как в нем самом, так и вне. Конфликт и ясность не могут сосуществовать вместе. Только свобода от конфликта дарит простоту, а не преодоление конфликта. То, что завоевано, нужно завоевывать снова и снова, таким образом, конфликт становится бесконечным. Понимание конфликта — это понимание желания. Желание может проявить себя как наблюдатель, тот, кто понимает. Но такое возвышение над желанием — только откладывание его на потом, а не понимание. Явление «наблюдатель» и «наблюдаемый» — не двойственный процесс, а единый. И только в переживании этого факта, процесса единения, наступает освобождение от желания, от конфликта. Никогда не должен возникать вопрос о том, как переживать этот факт. Это должно произойти, и это происходит только тогда, когда есть состояние наблюдательности и пассивное осознание. Вы не можете иметь реального опыта встречи с ядовитой змеей, воображая или размышляя об этом, в то время как вы удобно сидите в вашей комнате. Чтобы встретиться со змеей, вам нужно решиться выйти за пределы асфальтированных улиц и искусственных огней.

Мысль может увековечиться в памяти, но она не может переживать свободу без конфликта, поскольку простота или ясность не даны уму.

В тени деревьев на зеленой лужайке сидела группа людей. Солнце палило нещадно, но небо было очень синее и нежное. Из-за забора тоскливо смотрела корова на зеленую лужайку — трава манила ее. Хотя давно уже не шли дожди, и земля была коричневого цвета, но трава была еще жива. На стволе дуба ящерица ловила мух и других насекомых. Вдалеке виднелись горы покрытые туманом, и манили своей прохладой.

В группе людей была женщина, которая хотела послушать речь учителя учителей. Она была порядочной, и очень упрямой. Свое упрямство она скрывала за улыбкой и разумной терпимостью, той терпимостью, которая была очень тщательно продумана на и выпестована. Она была порождением ума и могла превратиться во вспышку сильной, яростной нетерпимости. Она была полной и сладкоречивой, но за этим скрывалось осуждение, подпитанное ее убеждениями и верованиями. Задавленная и жесткая, отдала всю себя братству и его доброму делу. После паузы собеседница добавила, что узнала бы, когда бы заговорил учитель, потому что она и ее группа владели каким-то таинственным способом узнать это, что было не дано другим. Удовольствие от исключительности их знания было настолько очевидно в ее жестах и наклоне головы, когда она говорила об этом.

Исключительное, частное знание дает глубоко удовлетворяющее удовольствие. Знать кое-что, что другие не знают, — это постоянный источник удовлетворения, это дарит чувство связи с чем-то более глубоким, дает престиж и авторитет. Вы находитесь непосредственно в контакте, у вас есть что-то, чего нет у других, и поэтому вы значимы, не только сами для себя, но и для других. Другие смотрят на вас снизу вверх, немного с опаской, потому что они хотят разделить это с вами, но вы отдаете, всегда зная больше. Вы лидер, авторитет, и это положение принимается легко, поскольку люди хотят, чтобы им приказывали, вели их. Чем больше мы осознаем, что растеряны и смущены, тем желанней для нас, чтобы нами управляли и приказывали нам. Таким образом, власть создана во имя государства, во имя религии, во имя мастера или лидера партии.

Поклонение авторитету, в значительной степени или не очень, является злом, особенно в религиях. Между вами и действительностью нет никакого посредника, а если есть, то он извратитель, интриган, не имеет значения, *кто* он, самый ли возвышенный спаситель, ваш последний *гуру* или учитель. Тот, кто знает на самом деле, не знает, он может знать только свои собственные убеждения, им самим придуманные верования и чувственные потребности. Он не может знать истину, неизмеримое. Положение и авторитет можно создать, искусственно культивировать, но только не смирение. Добродетель дарит свободу, но искусственно возвращенное смирение — это не добродетель, простое ощущение и поэтому вредное и разрушительное. Это рабство, из которого вновь и вновь освобождаются. Важно узнать, ни кто мастер, святой или лидер, а за чем вы следуете. Вы следуете, чтобы стать кое-кем, извлекать пользу, чтобы быть определенным. Кто-то другой не может дать ясность. Сомнение находится в нас: мы вызвали его, и мы должны избавиться от него. Мы можем достигнуть удовлетворяющего нас положения, внутренней безопасности, места в иерархии организованной веры, но все это самоограничивающая деятельность, ведущая к противоречию и страданию. Вы можете почувствовать себя на мгновение счастливыми в вашем достижении, вы можете убедить себя, что ваше положение неизбежно. Это ваш выбор. Но пока вы хотите стать кем-то, на любом уровне вам приходится страдать и расстраиваться. Быть никем не есть отрицание. Активное или пассивное действие воли, что является желанием, обостренным и усиленным, всегда приводит к конфликту и борьбе. Это не способ понимания. Установление власти и следование ей есть отказ

от понимания. Когда есть понимание, то есть свобода, которую нельзя купить или принять от других. Что куплено, можно потерять, а что дается, могут отобрать. Таким образом, пестуется авторитет и страх перед ним. От страха нельзя избавиться мольбой перед свечами. Он заканчивается при прекращении желания стать кем-либо.

Даже на высоту полета самолета проникала жара. Стекла иллюминаторов на ощупь были теплыми. Постоянный гул двигателей самолета действовал успокаивающе, и многие пассажиры дремали. Земля была далеко внизу, мерцая от жары, бесконечно коричневая, с редкими участками зеленого. Когда мы приземлились, жара стала невыносимой. Она была буквально болезненной, и даже в тени здания ощущалось, как будто макушка головы загоралась. Лето было в самом разгаре, и местность была почти пустыней. Мы вновь взлетели, и самолет поднимался выше в поисках прохладных ветров. Два новых пассажира сидели напротив друга друга и громко разговаривали. Невольно мы слышали их разговор. Начали они достаточно спокойно, но скоро раздражение, негодование закралось в голоса. В злобе они, казалось, забыли о присутствующих. Они были столь недовольны друг другом, что в гневе не замечали никого вокруг. Гнев имеет специфическое свойство изолировать. Подобно печали, он отсекает человека от внешнего мира. Гнев имеет временную силу и живучесть для изолировавшего себя. В гневе присутствует странное отчаяние, так как изоляция — это отчаяние. Гнев разочарования, ревности, желания ранить порождает мощный взрыв, удовольствие от которого — в самооправдании. Мы осуждаем других, и то самое осуждение есть оправдание нас самих. Без некоторого вида отношений, самодовольства или самоуничижения, что есть мы? Мы используем каждое средство, чтобы поддержать себя, и гнев, подобно ненависти, является одним из самых легких путей. Просто гнев — внезапная вспышка, о которой быстро забывают, это одно, но гнев, который преднамеренно создан, который созрел, который стремится покалечить и уничтожить, — это совсем другое. Простой гнев может иметь некоторую физиологическую причину, которую можно заметить и исправить. Но гнев, который является результатом психологической причины, намного изощренней, и справиться с ним намного труднее. Большинство из нас не против посердиться, мы находим этому оправдание. Почему нам не рассердиться, если кругом жестокость по отношению к другим или нам самим? Поэтому мы сердимся справедливо. Мы не только говорим, что мы сердиты и на этом останавливаемся, мы прибегаем к сложным объяснениям причины этого. Мы не просто говорим, что мы ревнуем или озлоблены, но оправдываем или объясняем это. Мы спрашиваем, как может быть любовь без ревности, или говорим, что чьи-либо действия сделали нас ожесточенными, и так далее.

Это объяснение и пустословие раздувают гнев, затаенный или проявленный, придают ему масштаб и глубину. Объяснение, высказанное или нет, действует как щит против раскрытия нас, таких, какие мы есть. Мы хотим, чтобы нас похвалили или польстили, мы ждем чего-то. Но когда это не происходит, мы разочарованы, становимся ожесточенными или ревнивыми. Тогда яростно или мягко мы обвиняем кого-то. Мы говорим, что другой ответственен за нашу горечь. Вы приобретаете большую значимость, потому что мое счастье, мое положение или престиж зависит от вас. Благодаря вам я действую, так что вы важны для меня. Я должен охранять вас, я должен обладать вами. Благодаря вам я убегаю от себя. И когда я отброшен назад в себя, пугаясь своего собственного состояния, я гневаюсь. Гнев принимает множественные формы: разочарование, возмущение, горечь, ревность и так далее.

Сохранившийся гнев в виде возмущения требует противоядия в виде прощения, но сохранение гнева имеет большее значение, чем прощение. Прощение не нужно, когда нет никакого накопления гнева. Прощение необходимо, если есть возмущение. Но свобода от лести и ощущения уязвленности, не породив черствого безразличия, приносит сострадание и милосердие. Усилием воли не избавиться от гнева, так как воля — это частично насилие. Воля — это Результат желания, жажда быть, а желание по природе своей агрессивное,

доминирующее. Подавлять гнев с помощью желания означает отставить гнев на иной уровень, дав ему другое название, но он все-таки часть насилия. Для того, чтобы быть свободным от насилия, не посредством отказа от него, должно быть понимание желания. Нет никакой духовной замены желанию, его нельзя подавить или возвысить. Должно быть молчаливое и лишенное выбора осознание желания. Это пассивное осознание есть прямое переживание желания, когда переживающий не дает этому название.

Психологическая безопасность

Собеседник сказал, что очень тщательно вник в данный вопрос, настолько глубоко, насколько смог, изучив все, что было написано о предмете. Он был убежден, что в различных частях мира существовали определенные мастера. Они не проявляли себя физически, кроме как их особым ученикам, но были в контакте с людьми иными способами. Они оказывали благотворное влияние и вели лидеров всемирной мысли и дел, хотя сами лидеры не осознавали этого. Они творили революцию и мир. Наш спутник был убежден, что у каждого материка есть группа мастеров, формирующая их судьбу и дающая им свое благословение. Он знал нескольких учеников этих мастеров, по крайней мере, они сказали ему, что существуют, добавил он сдержанно. Он был полностью серьезен и желал знать больше об этих мастерах. Было ли возможно получить опыт напрямую, вступить в контакт с ними? Как тиха была река! Две блестящие небольшие королевские рыбки плавали вверх и вниз, близко к берегу, прямо у поверхности. Летало несколько пчел, собирая воду для своих ульев, и рыбацкая лодка стояла посередине русла реки. Деревья вдоль реки были богаты листвой и отбрасывали обильные и темные тени. В полях недавно посаженный рис ярко зеленел, и кричала рисовая птичка. Это был очень умиротворяющий пейзаж, и жаль было обсуждать наши мелкие, незначительные проблемы. Вечернее небо было голубого цвета. Шумные города остались далеко. Через реку стояла деревня, и выходящая дорожка тянулась, извиваясь, вдоль берега. Какой-то мальчик пел чистым, высоким голосом, который не нарушал спокойствия места.

Мы — странные люди, блуждаем в поиске чего-то в отдаленных местах, когда это все так близко к нам. Красота всегда где-то там и никогда не здесь. Истина никогда не находится в наших домах, а находится в каком-то отдаленном месте. Мы отправляемся на другую сторону планеты, чтобы найти мастера, господина, и забываем о слуге. Мы не понимаем обычные вещи в нашей жизни, каждодневную борьбу и радость, все же пытаемся уловить таинственное и скрытое. Мы не знаем себя, но желаем служить тому или следовать за тем, кто обещает вознаграждение, надежду, утопию. Пока мы запутанны, то, что мы выбираем, также запутанно. Мы не можем видеть ясно, пока остаемся полуслепыми, и если мы что-то видим, то оно неполное и нереальное. Мы знаем все это, но все-таки наши желания, стремления настолько сильны, что ведут нас к иллюзиям и бесконечным страданиям.

Вера в мастера создает мастера, а опыт формируется верой. Вера в особый образец взаимодействия, или в идеологию, действительно дает то, чего очень хочется, но какой ценой и в каком страдании! Если индивидуум способный, то вера становится мощью в его руках, оружием куда более опасным, чем ружье. Для большинства из нас вера имеет большее значение, чем действительность. Понимание того, что *есть*, не требует веры. Наоборот, вера, идея, предубеждение являются определенной помехой для понимания. Но мы предпочитаем наши верования, наши догмы, они согревают нас, обещают, вдохновляют. Если бы мы поняли суть наших верований и почему мы цепляемся за них, одна из главных причин антагонизма исчезла бы.

Желание извлекать пользу, личную или для общества, ведет к невежеству и иллюзии, к разрушению и страданию. Это желание не только все большего и большего физического комфорта, но и власти: власти денег, знаний, отождествления. Тяга к большему — это начало конфликта и страдания. Мы пытаемся спастись от этого страдания через любую форму самообмана, через подавление, подмену и возвеличивание. Но тяга продолжается, возможно, на ином уровне. На любом уровне эта тяга есть конфликт и боль. Одно из наиболее легких спасений — это гуру, мастер. Некоторые спасаются через политическую идеологию с ее

деятельностью, другие — с помощью ощущений от ритуалов и дисциплины, третьи — через мастера. Тогда способ спасения становится существенным, а страхи и упрямство стоят на страже этого способа. Тогда неважно, кто *вы* важен только мастер. Вы важны только как слуга, неважно, какой, или как ученик. Чтобы стать одним из них, вы должны выполнять определенные вещи, соответствовать определенным условиям, пройти через определенные трудности. Вы охотно делаете все это, так как отождествление дарит удовольствие и силу. Именем мастера удовольствие и сила стали уважаемыми. Вы больше не одиноки, не смущены и растеряны, вы принадлежите ему, партии, идее. Вы в безопасности.

В конце концов, именно этого большинство из нас хочет быть в безопасности, быть защищенным. Быть в растерянности вместе со многими — это форма психологической безопасности, быть отождествленным с группой или с идеей, светской или духовной, значит чувствовать себя в безопасности. Именно поэтому большинство из нас примыкают к националистам, даже притом, что это увеличивает разрушение и страдание, именно поэтому организованная религия так сильно удерживает людей, даже если это вызывает разногласия и возвращает антагонизм. Тяга к личной или групповой безопасности навлекает разрушение, а безопасность в психологическом отношении порождает иллюзию. Наша жизнь — это иллюзия и страдание, с редкими минутами просветления и Радости, поэтому все, что обещает нам рай, мы с Удовольствием принимаем. Некоторые видят тщетность политических утопий и поэтому переключаются на религиозность, что, опять же, для того чтобы найти безопасность и надежду в мастерах, в догмах, в идеях. Поскольку вера формирует опыт, мастера становятся неизбежной действительностью. Единожды испытав удовольствие от отождествления, ум твердо убежден, и ничто не сможет его поколебать, поскольку его критерий — это опыт.

Но опыт — это не действительность. Действительность не может быть пережита. Она есть. Если переживающий думает, что он переживает действительность, то он знает только иллюзию. Все знание действительности — это иллюзия. Знание или опыт должны прекратиться, чтобы существовала действительность. Опыт не может встретиться с действительностью. Опыт формирует знание, а знание обращается к опыту. Они оба должны умолкнуть для того, чтобы настала действительность.

Искренность

Был виден небольшой участок зеленой лужайки с великолепными цветами. Она была заботливо ухожена. Поскольку солнце прилагало все усилия, чтобы сжечь лужайку и высушить цветы, было видно, что ей уделялось большое внимание. За этим восхитительным садом, в стороне от домов, начиналось синее море, искрящееся на солнце, и с белеющим вдали парусом. Из окна комнаты были видны сад, здания и вершины деревьев. Ранним утром и вечером открывался красивый вид из окна на море. В течение дня вода в нем становилась яркой и жесткой, но даже в жаркий полдень там всегда виднелся парус. Скоро солнце опустится в море, создавая ярко-огненную дорожку, и сумерек не будет. Вечерняя звезда будет парить над горизонтом и исчезнет. Узкую полоску молодой луны подхватит вечер, но и она также исчезнет в беспокойном море, и темнота воцарится над водой.

Наш спутник говорил о Боге, о его утренних и вечерних молитвах, постах, клятвах, горячих желаниях. Он выражался очень ясно и определенно, не было никакого сомнения в выборе правильного слова. Его ум был хорошо натренирован, поскольку его профессия требовала это. Этот человек был ясноглазым и настороженным мужчиной, хотя в нем присутствовала некоторая жесткость. То, как он держал осанку, показывало упорство в цели и отсутствие гибкости. Им, очевидно, двигала необычно мощная воля, и, хотя он непринужденно улыбался, его воля была всегда начеку, осторожная и господствующая. Он был очень правилен в повседневной жизни, и ломал установившиеся привычки лишь приказом воли. Без воли, по его мнению, не могло быть никакой добродетели. Воля необходима, чтобы сразить зло. Сражение между добром и злом было извечным, и одна воля подавляла зло. В нем присутствовала нежность, глядя на лужайку, на красивые цветы он улыбался, но никогда не позволял своему уму блуждать вне пределов воли и ее воздействия. Хотя он усердно избегал резких слов, гнева и любого проявления нетерпения, его воля сделала его по-странному жестоким. Если красота вписывалась в рамки его цели, он принимал ее. Но в нем всегда скрывался страх чувственности, боль от которой он пробовал сдерживать. Он был хорошо начитан и учтив, но его воля следовала за ним, подобно тени.

Искренность никогда не может быть проста. Искренность — это нерестилище воли, а воля не может раскрыть пути своего «я». Самопознание — не плод воли, самопознание возникает благодаря пониманию, мгновения за мгновением, посылов движения жизни. Воля отключает эти спонтанные послы, единственно которые показывают строение «я». Воля — это сама суть желания, и для понимания желания она становится помехой. Воля в любой ее форме, высший ли это разум или глубоко укоренившиеся желания, никогда не может быть пассивной. А только в пассивности, во внимательном молчании может явиться истина. Конфликт происходит всегда между желаниями, на каком бы уровне они ни находились. Усиление одного желания в противопоставлении другому только благоприятствует дальнейшему сопротивлению, а это сопротивление есть воля. Понимание никогда не сможет проникнуть через сопротивление. Что является важным — это понять желание, а не преодолеть одно желание с помощью другого.

Желание достигать, извлекать пользу лежит в основе искренности, и это побуждение, поверхностное или глубокое не имеет значения, приводит к желанию приспособиться, которое является началом страха. Страх ограничивает самопознание пережитым, так что нет никакой возможности пойти выше пережитого. Таким образом, ограниченное самопознание только искусственно культивирует сильнее и глубже самосознание, «я», увеличивающееся все больше и больше на различных уровнях и в различные периоды. Поэтому противоречие и боль продолжают. Вы можете преднамеренно забыть или уйти с головой в какую-нибудь

деятельность, вырастить сад или поддерживать идеологию, разжечь в целом народе пылающий жар войны. Но теперь вы — это страна, идея, деятельность, Бог. Чем больше отождествления, тем больше они укрывают ваши конфликты и боль, и так происходит постоянная борьба за отождествление с чем-то. Это желание быть единым с избранным объектом порождает конфликт искренности, который совершенно отрицает простоту. Вы можете сыпать пепел на свою голову или носить простую одежду, или бродить как нищий, но это не простота.

Простота и искренность никогда не смогут быть компаньонами. Тот, кто отождествил себя на любом уровне с чем-то, может быть искренним, но он не прост. Воля быть — противопоставление простоте. Простота возникает со свободой от жадного пробуждения желания достигнуть. Достижение есть отождествление, а отождествление есть воля. Простота — это живое, пассивное осознание, в котором переживающий не запоминает переживание. Самоанализ предотвращает это пассивное осознание. У анализа всегда есть мотив: быть свободным, понимать, извлекать пользу — и это желание только подчеркивает самосознание. Аналогично собственные умозаключения сковывают самопознание.

Полное удовлетворение

Она была замужем, но не имела детей. В житейском отношении была счастлива. Деньги, машины, дорогие гостиницы, путешествия — не были проблемой. Ее муж был успешным деловым человеком, главный интерес которого состоял в том, чтобы ублажать свою жену, создавать ей комфорт и удовлетворять все ее желания. Они оба были весьма молоды и жизнерадостны. Она интересовалась наукой, искусством и баловалась религией. Но теперь, она поняла, частички душевного отодвигали все остальное на задний план. Она была знакома с учением различных религий, но будучи неудовлетворенной их устоявшейся умелой спланированностью, их ритуалами и догмами, она хотела серьезно заняться поиском реальных вещей. Она была сильно недовольна, побывала у учителей в различных частях мира, но ничто не принесло ей длительного удовлетворения. Ее недовольство, сказала она, не являлось результатом того, что у нее не было детей. Она довольно тщательно вникала во все, что ее интересовало. И при этом недовольство не было вызвано никакими социальными расстройствами. Она потратила свое время на одного из видных аналитиков, но эта внутренняя боль и пустота все еще оставались. Искать удовлетворения означает впустить расстройство. Нет никакого удовлетворения «я», но только укрепление «я» через обладание тем, что оно жаждет. Владение, на любом уровне, дает «я» почувствовать себя мощным, богатым, активным, и это ощущение называют удовлетворенностью, но, как это происходит со всеми ощущениями, оно скоро исчезает или заменяется на еще одно удовлетворение. Все мы знакомы с этим процессом замены или замещения, и это игра, которой довольны большинство из нас. Хотя некоторые, однако, хотят более длительного удовлетворения, такого, которое будет длиться всю нашу жизнь, и, найдя его, они надеются, что их покой никогда не нарушится снова. Но существует постоянный, подсознательный страх лишения, и тогда создаются искусные формы сопротивления, в которых ум находит убежище, но страх смерти неизбежен. Удовлетворенность и страх смерти — это две стороны одного процесса: укрепление «я». В конце концов, полное удовлетворение — это отождествление с чем-либо: с детьми, с собственностью, с идеями. Дети и собственность довольно опасны, идеи же предлагают большую безопасность и сохранность. Слова, которые являются идеями и воспоминаниями, вместе с их ощущениями становятся важны, и тогда удовлетворенность или чувство полноты превращаются в слово.

Нет никакой самореализации, есть только само-увечивание, с его постоянно усиливающимися конфликтами, антагонизмом и бедствиями. Искать Длительное удовлетворение на любом уровне наше го существа означает вызвать беспорядок и горе, поскольку удовлетворение никогда не может быть постоянным. Вы можете вспомнить опыт, который доставил вам удовольствие, но опыт мертв, только память о нем остается. Память сама по себе не имеет никакой жизни, а жизнь ей придается благодаря вашей неадекватной реакции на настоящее. Вы живете мертвым, как делает большинство из нас. Незнание возможностей «я» ведет к иллюзии, и, будучи когда-либо пойманным в сети иллюзии, чрезвычайно трудно вырваться из них, трудно узнать иллюзию, поскольку, создав ее, ум не может осознать ее. К ней нужно приближаться пассивно, косвенно. Пока возможности «я» не поняты, иллюзия неизбежна. Понимание приходит не благодаря применению воли, но только когда ум молчит. Ум нельзя заставить замолчать, так как сам заставляющий есть результат ума, желания. Должно быть осознание этого целостного процесса, — осознание, не основанное на выборе. Тогда только есть возможность не увеличивать количество иллюзий. Иллюзия очень удовлетворяет, отсюда и наша привязанность к ней, иллюзия может принести боль, но эта самая боль показывает нашу неполноту и заставляет нас быть полностью отождествленными с

иллюзией. Таким образом, иллюзия имеет очень большое значение в наших жизнях. Она помогает скрывать то, что *есть*, не внешнее, а внутреннее. Это внутреннее игнорирование того, что *есть*, ведет к неправильной интерпретации внешнего того, что *есть*, что вызывает разрушение и страдание. Укрытие того, что *есть*, вызвано страхом. Страх никогда нельзя преодолеть силой воли, поскольку воля — это результат сопротивления. Только через пассивное, но все же наблюдательное понимание приобретает свобода.

Одиночество

У этой женщины недавно умер сын, и она сказала, что не знает, что ей делать теперь. У нее появилось так много свободного времени, ей было так скучно, тоскливо и печально, что она была готова умереть. Она воспитала его с любовью и заботой. Он ходил в одну из лучших школ и колледжей. Мать не баловала сына, хотя он имел все необходимое. Она вложила в него всю свою веру и надежду и отдала ему всю свою любовь. У нее не было больше никого, кому она могла ее дать, поскольку давно развелась со своим мужем. Ее сын умер из-за неправильного диагноза и операции, хотя, добавила она, улыбаясь, доктора сказали, что операция прошла «успешно». Теперь несчастная женщина осталась одна, и жизнь казалась такой пустой и бессмысленной. Она рыдала, когда он умер, но слезы выплаканы, осталась только тоскливая и томящая пустота. У нее были планы относительно их обоих, а теперь она была совершенно в растерянности.

С моря дул бриз, прохладный и свежий, и под Деревом было спокойствие. Горы играли яркими красками, и синие сойки казались очень шумными. Брела корова, за ней — ее теленок, а белка носилась по дереву, издавая громкие звуки. Она сидела на ветке и трещала, и это трещание продолжалось в течение долгого времени, а ее хвост подпрыгивал то вверх, то вниз. У нее были искрящиеся, яркие глаза и острые когти. Ящерица выползла погреться на солнышке и поймала муху. Вершины деревьев мягко колебались, а усохшее дерево на фоне неба смотрелось прямо и красиво. Оно побелело от солнца. Рядом с ним было еще одно мертвое дерево, потемневшее и искореженное, недавно сгнившее. Несколько тучек покоились на далеких горах.

Какая странная штука одиночество, и как оно пугает! Мы никогда не позволяем себе приближаться близко к нему. И если случайно так происходит, мы быстро убегаем от него. Мы сделаем все что угодно, лишь бы избежать одиночества, чтобы спрятаться от него. Наша сознательная и подсознательная забота, кажется, состоит в том, чтобы избежать или преодолеть его.

Побег от одиночества и преодоление его одинаково бесполезны. Даже подавленная или забытая боль или проблема находится все еще в вас. Вы можете затеряться в толпе и все же быть совершенно одиноким. Вы можете быть чрезмерно деятельны, но одиночество будет потихоньку надвигаться на вас. Отложите книгу, и оно тут как тут. Одиночество нельзя утопить в выпивке или с помощью развлечений. Вы можете на время уклониться от него, но когда смех и воздействие алкоголя закончатся, страх одиночества возвратится. Вы можете быть честолюбивы и успешны, у вас может быть огромная власть над другими, вы можете быть богаты знаниями, поклоняться и забываться в глупости ритуалов — делайте все что угодно, но боль одиночества продолжится. Вы можете существовать только ради вашего сына, ради мастера, ради проявления вашего таланта, но одиночество наступает на вас, подобно темноте. Вы можете любить или ненавидеть, убегать от него в соответствии с особенностями вашего характера и психологическими потребностями. Но одиночество уже здесь, ждущее и наблюдающее, отступающее только затем, чтобы приблизиться снова.

Одиночество — это осознание полной изоляции. А разве наши действия не самоогораживающие? Хотя наши мысли и эмоции направлены наружу, являются ли они не исключаютными и разделяющими? Разве мы не ищем господства в наших отношениях, в наших правах и владениях, таким образом создавая сопротивление? Разве мы не расцениваем дело как «ваше» и «мое»? Разве мы не отождествляемся с коллективным, с целой страной или с каким-нибудь меньшинством? Разве не все наше намерение состоит в том, чтобы изолировать себя, отделить и отделиться? Сама деятельность «я» на любом уровне является способом изоляции. Одиночество есть осознание себя без какой-либо деятельности. Деятельность, физическая или

психологическая, становится средством самопроявления, и когда нет никакой деятельности, появляется осознание пустоты «я». Именно эту пустоту мы стремимся заполнить, и в заполнении ее мы проводим нашу жизнь благородным или позорным образом. Может показаться, что в заполнении этой пустоты благородным образом нет никакого социального вреда, но иллюзия порождает невыразимое страдание и разрушение, которое не сразу проявится. Жажда заполнить эту пустоту или сбежать от нее, что в принципе одно и то же, не может быть возвеличена или подавлена. Так что же это за объект, который нужно подавить или возвысить? Разве этот объект — не иная форма этого влечения? Объекты влечения могут меняться, но разве не все увлечения похожи? Можно поменять объект вашего увлечения с выпивки на воображение, но без понимания процесса увлечения этим иллюзия неизбежна.

Нет никакого объекта, отделенного от увлечения им. Есть только увлечение, нет того, кто увлечен. В разные времена и в зависимости от интересов страстное увлечение наряжается в различные маски. Память об этих меняющихся интересах сталкивается с новым, что вызывает конфликт. Таким образом, рождается тот, кто выбирает, укрепляя себя как субъект, отделенный и отличный от его увлечения. Но субъект не отличается от своих свойств. Субъект, который пытается заполнить себя или убежать от своей пустоты, ущербности, одиночества, не отличается от того, чего он избегает, он и *есть* это. Он не может убежать от себя самого, все, что он может сделать, — это понять себя. Он *есть* его собственное одиночество, его пустота. И пока данный субъект расценивает это как что-то отдельное от себя, он будет пребывать в иллюзии и бесконечном противоречии. Когда он непосредственно прочувствует, что он и есть его собственное одиночество, тогда только может возникнуть свобода от страха. Страх существует только во взаимоотношениях с идеей, а идея — это отклик памяти в виде мысли. Мысль — это результат опыта, и хотя она может обдумывать пустоту, иметь ощущения по отношению к ней, она не может познать пустоту напрямую. Слово «одиночество» с его воспоминаниями о боли и страхе мешает пережить это состояние заново. Слово — это память, и когда слово больше не имеет значения, тогда взаимоотношения между переживающим и переживаемым совершенно другие. Тогда эти взаимоотношения являются прямыми, а не через слово, через память. Тогда переживающий и *есть* переживаемое и так освобождается от страха.

Любовь и пустота не могут пребывать вместе. Когда есть чувство одиночества, нет любви. Вы можете скрыть пустоту под словом «любовь», но когда объекта вашей любви больше нет или он не реагирует на вас, тогда вы осознаете пустоту, расстраиваетесь. Мы используем слово «любовь» как средство побега от нас самих, от нашей собственной ущербности. Мы цепляемся за то, что любим, мы ревнуем, тоскуем без этого, когда оно отсутствует, мы совершенно потеряны, когда оно умирает. А затем мы ищем утешение в какой-нибудь другой форме, в некой вере, в некой замене. Разве все это любовь? Любовь — это не идея, не результат ассоциации, любовь — не то, что можно использовать как спасение от наших собственных несчастий. И когда мы *действительно* так используем ее, мы создаем проблемы, которые не имеют решений. Любовь — не абстракция, но ее суть может быть пережита только тогда, когда идея, ум больше не являются наивысшими факторами.

Стимулирование

«Горы заставили меня замолчать, — призналась она. — Я взбиралась на Ингадайн, и ее красота сделала меня совершенно молчаливой. Я безмолвно стояла, любясь чудом всего этого. Это было великолепное переживание. Жаль, что я не могу удержать эту тишину, это проживание, яркую, движущуюся тишину. Когда вы говорите о тишине, я предполагаю, что вы подразумеваете этот необычайный опыт, который я пережила. Я действительно хотела бы знать, ссылаетесь ли вы на эти же самые свойства тишины, какие я испытала. Впечатление от этой тишины длилось в течение долгого периода, и теперь я возвращаюсь к нему, я пробую вновь уловить ее и прожить в ней».

Вас сделала молчаливой Ингадайн, кого-нибудь другого — красивые человеческие формы, а третьего — мастер, книга или выпивка. Из-за внешнего побуждения личность сжимается до ощущения, которое называют тишиной и которое чрезвычайно радостно. Задача красоты и великолепия состоит в том, чтобы отогнать ежедневные проблемы и противоречия, быть отдушиной. Из-за внешнего влияния временно ум заставляют замолчать. Это возможно благодаря новому переживанию, новому восхищению, а ум потом возвращается к нему как к воспоминанию, когда он больше не испытывает это. Остаться в горах, естественно, невозможно, поскольку нужно вернуться на работу. Но искать то состояние покоя *действительно* можно в некоей иной форме стимулирования, в выпивке, в человеке или в идее, что и делает большинство из нас. Эти различные формы возбуждения — это средства, благодаря которым ум заставляют замолчать. Так что средства становятся существенными, важными, и мы привязываемся к ним. Поскольку средства дают нам наслаждение тишиной, они становятся доминирующими в наших жизнях, они — наш приобретенный интерес, психологическая потребность, которую мы защищаем и ради которой, если необходимо, мы уничтожаем друг друга. Средства занимают место переживания, которое теперь является только воспоминанием.

Стимуляторы могут варьироваться, каждый приобретает значимость согласно состоянию человека. Но есть схожесть во всех стимуляторах: желание убежать от того, что *есть*, от нашей повседневной Рутины, от взаимоотношений, которые уже изжили себя, и от знаний, которые всегда застаиваются. Вы выбираете один вид спасения, а я — другой, и мой особый метод всегда принимается за более разумный, чем ваш. Но любое бегство в виде идеала, кино или церкви является вредным, приводящим к иллюзии и обману. Психологическое бегство гораздо более вредно, чем открытое, будучи более изоциренным и запутанным и поэтому более трудным для обнаружения. Тишина, которая вызвана стимулированием, которая выпестована дисциплиной, контролем, противлением, активным или пассивным, является результатом, следствием, и поэтому она не творческая. Она мертвая.

Существует тишина, которая не является реакцией, откликом, тишина, которая не есть результат стимулирования, ощущения, тишина, которая не воссоздана из памяти, не есть умозаключение. Она возникает, когда понят процесс мышления. Мысль — это отклик памяти, определенных выводов, осознанных или бессознательных. Такая память диктует поступки в зависимости от получаемых удовольствия или боли. Таким образом, действие управляется идеями, и, следовательно, между действием и идеей существует конфликт. Этот конфликт всегда внутри нас, как только он усиливается, появляется побуждение избавиться от него. Но до тех пор пока этот конфликт не понят и не разрешен, любая попытка освободиться от него есть бегство. Пока действие приближено к идее, конфликт неизбежен. Только когда действие свободно от идеи, противоречия прекращаются по-настоящему.

«Но как действие вообще может когда-либо быть свободно от идеи? Конечно же, не может

быть никакого действия, не возникни оно вначале в воображении. Действие следует за идеей, и я никак не могу представить себе действие, которое не является результатом идеи».

Идея — это плод памяти. Идея — это вербальное оформление памяти. Идея — это неадекватная реакция на брошенный вызов, на жизнь. Адекватный ответ на жизнь — это действие, а не воображение. Мы отвечаем в воображении, чтобы оградить нас от действия. Идеи ограничивают действие. В пространстве идей есть безопасность, а в действии — нет, поэтому действие сделалось подвластным идее. Идея — это самозащитный ограничитель для действия. При остром переломном моменте, кризисе проявляется прямое действие, освобожденное от идеи. Именно против этого спонтанного действия ум держит себя в строгости. И так как у большинства из нас ум является доминирующим, идеи выступают как тормоз для действия, и, следовательно, существует трение между действием и воображением.

«Я обнаруживаю, что мой ум витает где-то в том счастливом переживании на Ингадайн. Действительно ли это побег, чтобы вновь пережить тот опыт в памяти?»

Конечно. Настоящая ваша жизнь — в настоящем: эта переполненная улица, ваше дело, ваши теперешние отношения. Если бы они были приятны и давали удовлетворение, Ингадайн исчезла бы. Но поскольку реальное является запутанным и болезненным, вы обращаетесь к переживанию, которое является завершённым и мертвым. Вы можете помнить тот опыт, но он окончен. Вы возвращаете ему жизнь только через память. Это похоже на накачивание жизни в мертвое существо. Как только настоящее становится унылым, бессмысленным, мы обращаемся к прошлому или вглядываемся в самоспроецированное будущее. Это бегство от настоящего неизбежно ведет к иллюзии. Увидеть настоящее, каким оно фактически является, без осуждения или оправдания, означает понять то, что *есть*, и тогда появляется действие, которое вызывает преобразование в том, что *есть*.

Проблемы и бегство от них

«У меня много острых проблем, и я, кажется, делаю их более мучительными и болезненными, пробуя решить их. Я в тупике и не знаю, что сделать. Вдобавок ко всему этому я глухая и должна использовать эти дурацкие штуки как помощь для своего слуха. У меня есть дети и муж, который оставил меня. Я по-настоящему беспокоюсь о своих детях, поскольку я хочу, чтобы они избежали всех бедствий, через которые я прошла».

Как стремимся мы найти ответ на наши проблемы! Мы так жаждем найти ответ, что не можем изучить проблему. Это мешает нашему спокойному наблюдению за проблемой. Важна проблема, а не ответ. Если мы ищем ответа, мы найдем его, но проблема сохранится, поскольку ответ неуместен для проблемы. Наш поиск — это спасение от проблемы, а решение — внешнее избавление, так что здесь нет никакого понимания проблемы. Все проблемы возникают из одного источника, и при непонимании источника любая попытка решить проблемы будет только вести к дальнейшему замешательству и страданию. Нужно сначала четко определиться, что ваше намерение понять проблему является серьезным, что освобождение от всех проблем является необходимостью. И только тогда можно приблизиться к тому, что порождает проблемы. Без освобождения от проблем не будет спокойствия. А спокойствие важно для счастья, которое само по себе не есть цель. Как затихает водоем, когда прекращается ветер, так и ум затихает с прекращением проблем. Но ум нельзя *заставить* успокоиться, если это сделать, он загнивает, становится похож на застоявшийся водоем. Когда это становится ясным, тогда можно наблюдать то, что порождает проблемы. Наблюдение должно быть спокойным, а не согласно какому-то намеченному плану, основанному на удовольствии и боли.

«Но вы просите невозможного! Наше образование учит наш ум различать, сравнивать, судить, выбирать, и очень трудно не осуждать или не оправдывать то, что мы наблюдаем. Как можно освободиться от этих условий и спокойно наблюдать?»

Как вы понимаете, это спокойное наблюдение, пассивное осознание необходимо для понимания, ведь тогда истинность вашего восприятия освобождает вас от заднего фона. Только когда вы не понимаете непосредственную потребность пассивного и все же внимательного осознания, возникают вопрос «как» и поиск средства избавления от заднего фона. Освобождает истина, а не средство или система. Нужно постичь суть, что только лишь спокойное наблюдение дает понимание. Лишь тогда только вы свободны от осуждения и оправдания. Когда вы видите опасность, вы не спрашиваете, как вам избежать ее. Вы спрашиваете «как», потому что вы не видите необходимости в том, чтобы быть пассивно осознающим. Почему вы не видите потребность в этом?

«Я хочу, но я никогда не задумывалась над этим прежде. Все, что я могу сказать, это то, что я хочу избавиться от моих проблем, потому что они — настоящая пытка для меня. Я хочу быть счастливой, как любой другой человек».

Сознательно или подсознательно мы отказываемся видеть существование того, чтобы быть пассивно осознающим, потому что мы в действительности не хотим отпустить наши проблемы. Чем же мы будем без них? Мы предпочитаем цепляться за то, что мы знаем, как бы ни было это болезненно, чем рисковать поиском чего-то, что может привести Бог знает куда. С проблемами, по крайней мере, мы знакомы, но мысль о поиске их создателя, незнание того, куда это может привести, создает в нас страх и уныние. Ум растерялся бы без беспокойства из-за проблем, он питается проблемами, будь они мировые или бытовые, политические или личные, религиозные или идеологические. Таким образом, наши проблемы делают нас мелочными и ограниченными. Ум, который поглощен мировыми проблемами, является столь же мелочным, как и ум, который

волнуется о своем духовном продвижении. Проблемы обременяют ум страхом, поскольку проблемы усиливают «я», «мне» и «мое». Без проблем, без достижений и неудач нет «я».

«Но без «я» как можно существовать вообще? Это источник всех действий».

Пока действие является результатом желания, памяти, страха, удовольствия и боли, оно неизбежно будет порождать противоречие, беспорядок и антагонизм. Наше действие — это результат нашего состояния на любом уровне. А наш отклик на брошенный вызов, будучи неадекватным и неполным, должен вызвать противоречие, чем и является проблема. Противоречие — это сама структура «я». Можно жить полностью без противоречий, конфликтов, жадности, страхов, успеха. Но эта возможность будет просто теоретической, а не фактической, пока конфликт не будет обнаружен прямым переживанием. Существовать без жадности возможно только тогда, когда поняты мотивы «я».

«Вы думаете, что причина моей глухоты — мои страхи и подавленность? Доктора уверили меня, что нет в моем организме никаких отклонений. А есть ли какая-нибудь возможность восстановления моего слуха? Всю свою жизнь я была так или иначе подавлена, я никогда не делала ничего, что бы мне действительно хотелось сделать».

Внутреннее и внешнее легче подавить, чем понять. Понимать трудно, особенно для тех, кто прошел через тяжелые условия в детстве. Хотя подавление и напрягает, но оно становится привычным делом. Понимание никогда невозможно превратить в привычку» рутину, оно требует постоянной настороженности, внимательности. Чтобы понимать, необходимы гибкость, чувствительность, теплота, которая не имеет никакого отношения к сентиментальности. Подавление в любой форме не ускоряет осознания. Это самый легкий и самый глупый способ справляться с первыми реакциями. Подавление — это соответствие идее, образцу, и оно предлагает внешнюю безопасность, уважение. Понимание освобождает, а подавление всегда ограничивает, замыкает в себе. Боязнь авторитета, ненадежности собственного мнения создает идеологическое убежище с его физиологическим союзником, к помощи которого обращается ум. Это убежище, на каком бы уровне оно ни находилось, вечно удерживает страх, и из-за страха проявляются подмена ценностей, возвеличивание или строгость к себе, которые являются формами сдерживания. Сдерживание должно найти выход, это может быть физическая болезнь или какая-нибудь идеологическая иллюзия. Цену каждый платит в соответствии со своим характером и особенностями.

«Я заметила, что всякий раз, когда мне приходится слышать кое-что неприятное, я нахожу убежище в этом своем приспособлении, которое, таким образом, помогает мне убежать в свой собственный мир. Но как освободиться от сдержанности многих лет? Разве не потребуется долгое время?»

Это не вопрос времени, копания в прошлом или тщательного анализа. Это вопрос понимания сути сдержанности. Если быть пассивно осознающим весь процесс сдержанности, без необходимости какого-либо выбора, суть его становится тут же ясна. Суть сдержанности нельзя обнаружить, если мы думаем понятиями «вчера» и «завтра», истину нельзя постигать с помощью временного подхода. Истина — это не то, что достигается. Ее замечают или не замечают, ее нельзя постичь постепенно. Воля к освобождению от сдерживания — это помеха для понимания его сути, поскольку воля — это желание, положительное или отрицательное, а при желании не может быть пассивного осознания. Именно желание или стремление вызвало сдерживание. И это то самое желание, хотя теперь названное волей, никогда не сможет освободить себя от своего собственного создания. Опять же, суть воли должна быть воспринята через пассивное и все-таки внимательное осознание. Анализирующий является частью анализируемого, хотя он может отделить себя от этого. А поскольку находится в зависимости от того, что анализирует, он не может освободить себя от этого. Снова суть этого должна быть

понята. Именно истина освобождает, а не воля и усилие.

Солнце ярко освещало белую стену напротив, и ее слепящий свет делал лица неясными. Маленькая девочка без материнского наставления подошла и села рядом. Она удивлялась всему происходящему широко открытыми глазами. Она недавно искупалась и оделась, и в ее волосах были какие-то цветы. Она внимательно наблюдала за всем, как это делают дети, не запоминая слишком много. Ее глаза искрились, и она совсем не знала, что сделать, плакать ли, смеяться или подскакивать. Вместо этого она взяла мою руку и смотрела на нее с поглощающим интересом. Теперь она забыла обо всех людях в комнате, расслабилась и уснула, положив свою голову на мои колени. Ее голова имела правильную форму и хорошо держалась, она была безупречно чиста. Ее будущее было столь же запутанным и столь же несчастным, как и у других в этой комнате. Противоречие и горе для нее были столь же неизбежны, сколь и то солнце на стене. Для того чтобы быть свободным от боли и страдания, необходим высочайший интеллект, а ее образование и оказываемое на нее влияние позаботятся о том, чтобы у нее не было этого интеллекта. Любовь так редка в этом мире, как огонь без дыма. Дым все одолевает, все удушает, приносит мучения и слезы. Из-за дыма редко увидишь огонь. И когда дым становится наиважнейшим, огонь умирает. Без этого огня любви жизнь не имеет никакого значения, она становится унылой и утомительной. Но не может быть огня в чернеющем дыме. Эти двое не могут существовать вместе. Дым должен прекратиться, чтобы возникло яркое пламя. Огонь — не соперник дыма, у огня нет соперника. Дым — это не огонь, он не может содержать в себе огонь. И при этом дым не указывает на присутствие пламени, поскольку пламя независимо от дыма.

«Разве любовь и ненависть не могут существовать вместе? Разве ревность — это не признак любви? Мы держимся за руки, а затем в следующую минуту ругаемся. Мы говорим жестокие вещи, но вскоре обнимаемся. Мы ссоримся, затем поцелуемся — и мы помирились. Разве все это не любовь? Само проявление ревности — признак любви. Кажется, что они идут вместе, подобно свету и темноте. Вспышка ярости и нежность — это разве не полнота любви? Река является и бурной, и спокойной, она течет через тень и солнечный свет, и в этом есть прелесть реки».

Что это, что мы называем любовью? Это все пространство ревности, разврата, резких слов, ласки, сплетенных рук, ссор и примирений. Это явления той сферы так называемой любви. Злость и ласка — ежедневные явления в этой сфере, разве не так? И мы пытаемся установить отношения между разными явлениями или сравниваем одно явление с другим. Мы используем одно явление, чтобы в пределах той же самой сферы осуждать или оправдывать другое, или пробуем установить отношения между явлением в пределах этой сферы и чем-то вне ее. Мы не рассматриваем каждое явление отдельно, а пробуем найти взаимосвязь между ними. Почему мы делаем это? Мы можем понять явление, только когда не используем другое явление в той же самой сфере как посредника для понимания, что просто порождает противоречие и беспорядок. Но почему мы сравниваем различные явления в одной и той же сфере? Почему мы переносим значение одного явления, чтобы компенсировать или объяснить другое?

«Я начинаю улавливать то, что вы имеете в виду. Но почему мы делаем это?»

Понимаем ли мы явление через призму идеи, через призму памяти? Я понимаю ревность, потому что я держал вас за руку? Держание руки — это явление, и ревность — тоже явление. Но понимаю ли я процесс ревности только потому, что у меня есть воспоминание, как я держал вашу руку? Действительно ли память является помощницей понимания? Память сравнивает, изменяет, осуждает, оправдывает или отождествляет, но она не может принести понимание. Мы

подходим к явлениям в сфере так называемой любви через идею, через умозаключение. Мы не принимаем явление ревности таким каким оно есть, и не наблюдаем за ним молча, а хотим вертеть явлением, равняясь на образец, на умозаключение. И мы подходим к нему таким способом, потому что мы в действительности не желаем понимать явление ревности. Ощущения от ревности столь же стимулирующие, как и от ласки. Но мы хотим стимулирования без боли и дискомфорта, которые неизменно следуют за ревностью. Поэтому в пределах этой сферы, которую мы называем любовью, существуют конфликт, смущение и противостояние. Но разве это любовь? Действительно ли любовь — это идея, ощущение, стимулирование? Любовь — это ревность?

«Разве действительность не содержится в иллюзии? Разве тьма не охватывает или не скрывает свет? Разве в неволе нет Бога?»

Это просто идеи, мнения, так что они не имеют под собой никакого основания. Такие идеи только порождают вражду, они не содержат в себе реальность. Где есть свет, нет тьмы. Тьма не может скрыть свет, если же она скрывает его, то света нет. Где есть ревность, там нет любви. Идея не может охватить любовь. Чтобы стать общностью, должна быть взаимосвязь. Любовь не взаимосвязана с идеей, и поэтому идея не может иметь общность с любовью. Любовь — это пламя без дыма.

Сознательное и подсознательное

Этот человек был одновременно и бизнесменом, и политическим деятелем, очень успешным и там, и тут. С улыбкой говорил, что бизнес и политика составляли отличную комбинацию. И в то же самое время он был искренним человеком, немного странным и суеверным. Всякий раз, когда у него появлялось свободное время, он частенько читал Священные Писания и повторял множество раз определенные слова, что, как он считал, принесут исцеление. И это приносило его душе покой. Преуспевающий политик и бизнесмен был престарелого возраста и очень богат, но не был щедр ни рукой, ни сердцем. Было ясно, что он хитер и расчетлив, и все же было в нем чувствовалось стремление к чему-то большему, чем материальный успех. Жизнь едва касалась его, поскольку он очень тщательно охранял себя от всякого притязания. Он сделал себя неуязвимым в физическом, так же как и в психологическом отношении. В психологическом отношении он отказывался видеть себя таким, каков он был, и мог вполне это себе позволить. Но такое поведение начинало сказываться на нем. Когда он не был бдителен, у него появлялся взгляд загнанного в тупик человека. Материально был в безопасности, по крайней мере, пока оставалось существующее правительство и не было революции. Он также хотел сделать свой вклад ради собственной безопасности в так называемом духовном мире и именно поэтому играл с идеями, принимая их за что-то духовное, реальное. Он никого и ничего не любил, разве что только его многочисленное имущество. Он цеплялся за него, как ребенок цепляется за свою мать, потому что у него ничего иного не было. До него медленно доходило, что он был очень несчастным человеком. Даже осознания этого он избегал как можно дольше. Но жизнь давила на него.

Когда проблема сознательно неразрешима, разве подсознательное берется за нее и помогает решать ее? Что такое сознательное и что такое подсознательное? Есть четкая граница, где конец одного и начало другого? Есть ли у сознательного предел, за который оно не может пойти? Может ли оно ограничить себя своими собственными границами? Является ли подсознательное чем-то отделенным от сознательного? Действительно ли они несхожи? Когда одно неэффективно, начинает ли функционировать другое?

Что является тем, что мы называем сознательным? Чтобы понять, из чего же оно состоит, мы должны понаблюдать, как мы сознательно подходим к проблеме. Большинство из нас пробует искать ответ на проблему. Мы заинтересованы в решении, а не в проблеме. Мы хотим получить вывод, мы ищем выход из проблемы. Мы хотим избежать проблемы через ответ, через решение. Мы не наблюдаем непосредственно саму проблему, а нащупываем удовлетворяющий ответ. Все наше сознательное беспокойство в целом состоит из поиска решения, удовлетворяющего умозаключения. Часто мы действительно находим удовлетворяющий нас ответ, и тогда мы думаем, что решили проблему. Фактически то, что мы сделали, это скрытие проблемы под умозаключением, удовлетворяющим ответом. Но проблема осталась под грузом умозаключения, которое временно сгладило ее. Поиск ответа — это уклонение от проблемы. Когда нет никакого удовлетворяющего ответа, сознательное или высшее мышление прекращает искать его. И затем так называемое подсознательное, более глубинное мышление приступает к делу и находит ответ.

Сознательное мышление, очевидно, ищет выход из проблемы, а выход — это удовлетворяющее умозаключение. Разве само сознательное мышление не состоит из умозаключений, активных или пассивных, и разве оно способно искать что-то другое? Разве поверхностный разум — это не склад умозаключений, являющихся остатками опытов, отпечатками прошлого? Конечно, сознательное мышление состоит из прошлого, оно основано

на прошлом, поскольку память — это материал для умозаключений. И с этими умозаключениями ум находит подход к проблеме. Он неспособен к рассмотрению проблемы без призмы собственных умозаключений. Он не может изучать, молча осознавать саму проблему. Он знает только умозаключения, приятные или неприятные, и он способен только присоединить к себе последующие умозаключения, последующие идеи, последующие устоявшиеся мысли. Любое умозаключение — это идея-фикс, и сознательное мышление неизбежно будет искать умозаключение.

Когда ум не может найти удовлетворяющее умозаключение, сознательное мышление прекращает поиск, и, таким образом, оно становится спокойным. И успокоенному поверхностному уму подсознательное подсовывает ответ. Наконец, действительно ли подсознание, глубинное мышление отличается по своей характеристике от сознательного мышления? Разве подсознательное также не состоит из расовых, групповых и социальных умозаключений, воспоминаний? Конечно, подсознательное — это также результат прошлого, времени, только оно подавлено и находится в ожидании. И когда его призывают, оно подбрасывает свои собственные скрытые умозаключения. Если они удовлетворительны, поверхностный ум принимает их, он устало откладывает проблему, которая постепенно разъедает ум. За этим следуют болезнь и безумие.

Поверхностное и глубинное мышление не различаются. Оба они состоят из умозаключений, воспоминаний, оба они есть результат прошлого. Они могут добыть ответ, умозаключение, но неспособны разрешать проблемы. Проблема разрешается только тогда, когда и поверхностное, и глубинное мышление затихают, когда они не проецируют положительные или отрицательные умозаключения. Освобождение от проблемы возникает, только когда целостный ум совершенно спокоен, непринужденно осознавая проблему, поскольку только тогда нет того, кто порождает проблемы.

Чувство собственности

Он привел с собой свою жену, так как сказал, что у них общая проблема. У супруги были яркие глаза, и она была маленькой, бодрой и довольно-таки встревоженной. Это были простые, дружелюбные люди. Он хорошо говорил по-английски, а она только старалась понять и задавать несложные вопросы. Когда что-то было ей неясно, она обращалась к мужу, и он объяснялся с ней на их языке. Он рассказал, что они женаты уже более двадцати пяти лет, у них несколько детей, и что их проблема — не дети, а противоречия между собой. Он объяснил, что у него была работа, приносящая скромный доход, и продолжил, рассказывая, как трудно жить спокойно в этом мире, особенно когда вы женаты. Рассказчик добавил, что не жалуется, но это именно так. Он делал все, что должен был делать настоящий муж, по крайней мере, надеялся, что это так, но не всегда это было легко.

Они не знали как начать говорить о главном, и поэтому рассказывали о несущественном в их проблеме: об образовании детей, о браках дочерей, о трате денег на церемонии, о недавней смерти в семье и так далее. Они чувствовали себя непринужденно и не торопились, поскольку было приятно поговорить с кем-то, кто будет слушать и кто, возможно, в состоянии понять.

Кто захочет слушать о неприятностях другого? У нас так много собственных проблем, что мы совершенно не имеем времени на проблемы других. Чтобы заставить другого слушать, вам придется заплатить или деньгами, или молитвой, или верой. Профессионал выслушает, это его работа, но не принесет никакого длительного облегчения. Мы хотим освободиться от собственного груза свободно, непринужденно, без каких-либо сожалений впоследствии. Очищение путем признания зависит не от того, кто слушает, а от того, кто желает открыть свое сердце. Открыть сердце важно, и оно найдет кого-то, возможно, даже нищего, которому сможет излить себя. Разговор с целью углубления в себя никогда не сможет открыть сердце. Он замыкает, зажимает и совершенно бесполезен. Быть открытым — значит слушать не только себя самого, но и каждое влияющее явление, каждое движение внутри вас. Это возможно, а может, и нет — сделать что-то осязаемое по поводу того, что вы слышите, но сам факт того, что вы открыты, приводит к естественному взаимодействию. Такое слушание очищает ваше собственное сердце, отмывая его от продуктов ума. Слушать умом — это домысел, в этом случае ни для вас, ни для другого никакого облегчения не будет. Или это просто продолжение боли, что является глупостью.

Неторопливо они добивались-таки до сути.

«Мы пришли, чтобы поговорить о нашей проблеме. Мы ревнуем, я — нет, но она — да. Хотя она раньше не была так открыто ревнива, как теперь, но намек на это был всегда. Я не считаю, что я когда-либо давал ей какую-нибудь причину ревновать, но она находит причину».

Вы думаете, что есть какая-нибудь причина для того, чтобы ревновать? Есть ли причина для ревности? И исчезнет ли ревность, когда причина станет известна? Разве вы не заметили, что даже когда знаете причину, ревность продолжается? Давайте не будем искать причину, а начнем понимать саму ревность. Как вы говорите, можно уцепиться почти за что угодно, чтобы стать завистливым. Зависть — вот что нужно понять, а не то, из-за чего она появляется.

«Ревность была во мне долгое время. Я не очень хорошо знала своего мужа, когда мы поженились, ну, вы знаете, как это все происходит. Ревность постепенно появлялась, подобно дыму на кухне».

Ревность — один из способов удержать мужчину или женщину, не так ли? Чем больше мы ревнуем, тем больше чувство обладания. Обладание чем-то делает нас счастливыми. Назвать что-то или кого-то, даже собаку, исключительно нашей собственностью означает почувствовать

себя приятно и комфортно. Быть единственными в нашем обладании придает нам гарантию и уверенность в нас самих. Иметь что-либо значит для нас быть важным. Именно за эту важность мы цепляемся. Мысль о том, что Мы владеем не карандашом или домом, а челове-к^{ом}, заставляет нас чувствовать себя еще более сильными и удивительно удовлетворенными. Зависть возникает не из-за кого-то другого, а из-за ценности, важности нас самих.

«Но я не важна, я никто, мой муж — это все, что у меня есть. Даже мои дети не в счет».

У всех нас есть только одно, за что мы держимся, хотя оно принимает различные формы. Вы держитесь за мужа, другие — за детей, а третьи — за веру. Но намерение то же самое. Без объекта, за который мы держимся, мы чувствуем себя безнадежно потерянными, не так ли? Мы боимся почувствовать себя в полном одиночестве. Этот страх и есть ревность, ненависть, боль. Между завистью и ненавистью нет большого различия.

«Но мы любим друг друга».

Тогда как вы можете ревновать? Мы не любим, и это неприятная часть во всем. Вы используете вашего мужа, как и он использует вас, чтобы быть счастливыми, иметь сотоварища, не чувствовать себя одиноко. Вы можете не обладать многим, но, по крайней мере, у вас есть кто-то, кто вам нужен. Эту взаимную потребность и использование мы называем любовью.

«Но это ужасно».

Это не ужасно, только мы никогда не присматриваемся к этому. Мы называем это ужасным, даем этому название и быстро отворачиваемся, что вы и делаете.

«Я знаю, но я не хочу понимать. Я хочу, чтобы во мне все продолжалось так, как есть, даже притом, что это означает остаться ревнивой, потому что я не могу в жизни понять ничего другого».

Если бы вы поняли еще кое-что, вы больше не ревновали бы вашего мужа, не так ли? Но вы бы уцепились за другую вещь так, как сейчас цепляетесь за вашего мужа, так что вы ревновали бы тоже. Вы хотите найти замену вашему мужу, а не освободиться от ревности. Все мы такие: прежде, чем мы бросаем одну вещь, мы хотим быть полностью уверенными относительно другой. Когда вы совсем неуверенны, тогда только нет места для зависти. Зависть появляется тогда, когда есть уверенность, когда вы чувствуете, что у вас есть что-то. Исключительность — это чувство уверенности. Иметь — значит быть завистливым. Чувство собственности порождает ненависть. Мы на самом деле ненавидим то, чем обладаем, что проявляется в ревности. Где есть обладание, там никогда не может быть любви. Обладать — значит уничтожить любовь.

«Я начинаю понимать. На самом деле я никогда не любила своего мужа, верно? Я начинаю понимать». И она зарыдала.

Чувство собственного достоинства

Женщина пришла с тремя друзьями. Все они были серьезные и держались с достоинством интеллигентов. Один быстро все схватывал, другой был слишком нетерпелив, а третий заинтересован, но его заинтересованность не была постоянной. Они составили хорошую компанию, поскольку все разделяли проблему своей подруги, никто ей не давал совета и не высказывал своего мнения. Они все хотели помочь ей сделать то, что она считала правильным, а не просто действовать согласно традиции, общественному мнению или личной склонности. Трудность состояла в том, чтобы определить, как поступить правильно. Сама она не была в себе уверена, чувствовала себя обеспокоенно и была запутанна. Но действовать надо было немедленно. Решение надо было принимать, и она не могла дольше откладывать это. Это был вопрос освобождения от определенных взаимоотношений. Она хотела быть свободной и несколько раз повторила это.

В комнате стояла тишина. Сильное волнение спало, им нетерпелось вникнуть в проблему без ожидания результата и определения правильного поступка. Как только проблема раскроется, правильное решение придет само собой, естественно и во всей полноте. Было важно открыть суть проблемы, а не найти единственно верное решение, поскольку любой ответ был бы только следующим умозаключением, еще одним мнением, еще одним советом, которые никоим образом не решат проблему. Нужно понять саму проблему, а не как отреагировать на проблему или что делать с ней. Важен был правильный подход к проблеме, потому что сама проблема содержала в себе правильное решение.

Вода в реке танцевала по созданной солнцем дорожке света. Белый парус пересек эту дорожку, но танец не нарушился. Это был танец искрящегося восторга. В деревьях было полно птиц, щебечущих, чистящих свои перышки и улетающих только для того, чтобы возвратиться снова. Несколько обезьян отрывали нежные листья и набивали ими свои рты. Под их весом тонкие ветви сгибались в вытянутые дуги, но все же обезьяны держались с легкостью и не боялись. С какой непринужденностью они передвигались с ветки на ветку! Хотя они и перепрыгивали, этот прыжок туда-сюда был мгновенным движением. Вот они тут же вновь сидели со свешивающимися хвостами и тянулись за листьями. Животные находились далеко наверху и не замечали проходящих внизу людей. Когда наступила темнота, прилетело около сотни попугаев, чтобы усесться на ночь среди густой листвы. Было видно, как они прилетали и исчезали в листве. Молодая луна была едва видна. Вдалеке гудел поезд, пересекая длинный мост через изгиб реки. Эта река была священна, и люди приезжали издалека, чтобы смыть свои грехи, искупавшись в ней. Любая река прекрасна и священна. А красота этой была в ее широте, крутых изгибах и островах песка на глади воды, в тихих белых парусниках, которые каждый день ходили по реке.

«Я хочу освободиться от определенных отношений», — сказала она.

Что вы подразумеваете под желанием освободиться? Когда вы говорите: «Я хочу освободиться», вы подразумеваете, что вы не свободны. Каким образом вы не свободны?

«Физически я свободна. Я свободно прихожу и Ухожу, потому что физически я больше не жена. Но я хочу быть полностью свободной. Я не хочу иметь ничего общего с тем самым человеком». Каким образом вы связаны с тем человеком, если вы уже физически свободны? Вы связаны с ним каким-то иным способом?

«Я не знаю, но у меня большое чувство обиды на него. Я не хочу иметь какое-либо отношение к нему».

Вы хотите быть свободной, и все же у вас большое чувство обиды на него? Тогда вы не

свободны от него. Почему у вас есть это чувство обиды на него?

«Я недавно обнаружила, каков он на самом деле: подлый, полный эгоист. Я не могу рассказать вам, как я в нем разочаровалась! И это его я ревновала, боготворила, преклонялась ему! Обнаружив его глупость и коварство, после того как я считала его идеальным мужем, любящим и добрым, я очень обиделась на него. Мысль о том, что я имела с ним отношения, заставляет меня чувствовать себя грязной. Я хочу быть полностью свободной от него».

Вы можете быть физически свободной от него, но пока у вас большое чувство обиды на него, вы не свободны. Если вы ненавидите его, вы привязаны к нему. Если вы стыдитесь его, вы все еще поработаны им. Вы сердиты на него или на саму себя? Он — то, что он есть, и зачем злиться на него? Ваше чувство обиды действительно относится к нему? Или, увидев то, что есть, вы устыдились себя саму из-за того, что были связаны с ним? Конечно, вы обижены не на него, а на ваши собственные суждения, на ваши собственные действия. Вы стыдитесь самой себя. Не желая понять это, вы обвиняете его в том, каков он есть. Когда вы поймете, что ваше чувство обиды на него — это бегство от вашего собственного романтического обожествления,

тогда он уйдет из вашей памяти. Вы стыдитесь не его, а себя, за то, что были близки с ним. Именно на себя саму вы рассержены, а не на него. «Да, это так».

Если вы действительно понимаете это, переживаете это как факт, то вы свободны от него. Он больше не является объектом вашей враждебности. Ненависть привязывает, так же как и любовь.

«Но как же мне освободиться от моего собственного стыда, от моей собственной глупости? Я очень ясно понимаю, что он тот, кем он является, и его нельзя винить. Но как мне освободиться от стыда, чувства обиды, которое медленно назревало во мне и вылилось во всей полноте в этой стрессовой ситуации? Как мне стереть прошлое?»

То, почему вы хотите стереть прошлое, имеет большее значение, чем знание, как стереть его. Намерение, с которым вы подходите к проблеме, более важно, чем знание, что делать с ней. Почему вы хотите стереть память об этих событиях?

«Мне не нравится вспоминать обо всех прошедших годах. Они оставили неприятный осадок в моей душе. Разве это не достаточно важная причина?»

Не совсем, не так ли? Почему вы хотите стереть те воспоминания? Конечно же, не потому, что они оставили неприятный след в вашей душе. Даже если бы вы были способны с помощью каких-то средств стереть прошлое, вы могли бы снова сделать такие поступки, которых вы будете стыдиться. Простое избавление от неприятных воспоминаний не решает проблему, не так ли?

«Я думала, что решает. Но в чем тогда проблема? Разве вы не излишне усложняете все? Все это и так уже достаточно запутано, по крайней мере, моя жизнь. Зачем добавлять сюда еще один ненужный груз?»

Мы добавляем еще один ненужный груз или мы пытаемся понять то, что есть, и освободиться от него? Пожалуйста, немного потерпите. Что это за убеждение, которое побуждает вас стереть прошлое? Оно может быть неприятным, но зачем же вы хотите стереть его из памяти? В вас есть некая идея или картинка о вас самих, которым эти воспоминания противоречат, и поэтому вы хотите избавиться от них. У вас есть определенная оценка вас самих, не так ли?

«Конечно, иначе...»

Все мы помещаем себя на различные уровни, а затем постоянно падаем с этих высот. Именно этих падений мы и стыдимся. Чувство собственного достоинства — причина нашего позора, нашего падения. Именно это чувство собственного достоинства нужно понимать, а не падение. Если нет никакого пьедестала, на который вы помещаете себя, какое тогда может быть

падение? Почему вы помещаете себя на пьедестал, названный уважением к себе, человеческим достоинством, идеалом и тому подобным? Если вы сможете понять это, то не будет никакого стыда из-за прошлого. Все полностью пройдет. Вы будете той, кто вы есть, без пьедестала. Если пьедестала нет, нет той высоты, которая заставляет вас смотреть вниз или вверх, то вы есть то, чего вы всегда избегали. Именно это недопущение того, что есть, того, чем вы являетесь, вызывает смущение и антагонизм, стыд и негодование. Вы не должны говорить мне или другому, какая вы есть, но надо самой осознавать то, какая вы, независимо от того, приятно это или неприятно. Живите с этим, не оправдывая и не сопротивляясь. Живите с этим, не называя это, так как само определение — осуждение или отождествление. Живите без страха, так как страх мешает общности, а без общности вы не сможете жить с этим. Иметь общность означает любить. Без любви вы не можете стереть прошлое, в любви нет никакого прошлого. Любовь и время несовместимы.

Она проделала длинный путь, проехав полмира. У нее был настороженный взгляд, в нем была какая-то недоверчивость, она как будто приоткрылась, чтобы тут же закрыться при любой попытке любопытства извне. Она не была робка, но не хотела раскрывать свое внутреннее состояние. И все-таки ей хотелось поговорить о себе и своих проблемах, ради этого она преодолела это расстояние. Она колебалась, сомневалась в своих словах, была отчужденной, и в то же самое время ей нетерпелось рассказать о себе. Она прочла много книг по психологии, и, поскольку никогда не была у психолога, то могла сама полностью исследовать себя. Она сказала, что фактически с детства привыкла анализировать свои собственные мысли и чувства. Почему вы настолько поглощены самоанализом?

«Я не знаю, но я всегда поступала так с тех пор, как я себя помню».

Действительно ли анализ — это способ защитить себя от нас самих, от эмоциональных взрывов и последующих сожалений?

«Я совершенно уверена, именно поэтому я анализирую, постоянно спрашиваю себя. Я не хочу попасть в ловушку внутреннего беспорядка. Это слишком отвратительно, и этого я не хочу допустить. Теперь я понимаю, что использовала анализ как средство сохранения, чтобы не впасть в общественную и семейную суету».

Вам удавалось избежать быть пойманной в эту ловушку?

«Я не совсем уверена. По некоторым направлениям мне это удавалось, по другим — думаю, что нет. Рассказывая обо всем этом, я понимаю, какую необычную вещь я сделала. Я никогда прежде не смотрела на это все так ясно».

Почему вы защищаете себя так умно и от чего? Вы говорите: от беспорядка вокруг вас. Но что находится там, в этом беспорядке, от которого вам приходится защищать себя? Если это беспорядок и вы ясно видите это таким, тогда вам не стоит охранять себя от него. Мы охраняем себя, только когда есть страх и непонимание. Итак, чего вы боитесь?

«Я не считаю, что боюсь. Я просто не хочу запутаться в горестях существования. У меня есть профессия, которая поддерживает меня, но я хочу быть свободной от остальной части запутанных ситуаций, и я думаю, что уже свободна».

Если вы не боитесь, то почему вы сопротивляетесь запутанным ситуациям? Каждый сопротивляется чему-то, только когда не знает, как поступить с этим. Если вы знаете, как работает двигатель, вы свободны от него. Если что-нибудь случится, вы можете починить его. Мы сопротивляемся тому, чего не понимаем. Мы сопротивляемся беспорядку, злу, страданию, только когда мы не знаем его устройство, из чего оно состоит. Вы сопротивляетесь беспорядку, потому что не знаете о его устройстве, его составляющих. Почему вы не осознаете это?

«Но я никогда не думала об этом в таком смысле».

Только когда вы находитесь в прямых отношениях со строением беспорядка, вы сможете знать о работе его механизма. Только, когда есть общность между двумя людьми, они понимают друг друга. Если они сопротивляются друг другу, никакого понимания нет. Общность или взаимоотношения могут существовать, только когда нет страха.

«Я понимаю, что вы имеете в виду».

Тогда чего вы боитесь?

«Что вы подразумеваете под страхом?»

Страх может существовать только во взаимоотношениях, страх не может существовать отдельно, в изоляции. Нет такого понятия, как абстрактный страх, есть страх известного или неизвестного, страх того, что сделано или что можно сделать, страх прошлого или будущего.

Связь между тем, чем каждый является и чем желает быть вызывает страх. Страх возникает, когда факты трактуются вами самими с помощью таких понятий, как поощрение и наказание. Страх приходит с ответственностью и желанием освободиться от нее. В контрасте между болью и удовольствием существует страх. Страх существует в противоречии противоположностей. Поклонение успеху порождает страх неудачи. Страх — это умственный процесс борьбы за становление. Когда становишься добрым, возникает страх зла, когда становишься единым с кем-то, появляется страх одиночества, когда становишься великим, появляется страх быть незначительным. Сравнение не есть понимание. Оно вызвано страхом неизвестного по отношению к известному. Страх — это неуверенность в поиске безопасности.

Усилие стать кем-то — это начало страха, страха быть или не быть. Ум, осадок от переживания — это всегда страх неизвестного брошенного вызова. Ум, который является именем, словом, памятью, может функционировать только в пределах сферы известного. А неизвестное, являющееся вызовом от мгновения до мгновения, отвергается или переводится умом в понятия известного. Это отвержение или перевод вызова в иную категорию есть страх, поскольку ум не может иметь никакой общности с неизвестным. Известное не может сообщаться с неизвестным. Известное должно раствориться для того, чтобы появилось неизвестное.

Ум — это породитель страха. И когда он анализирует страх, ища его причину, чтобы быть свободным от него, ум только далее изолирует себя и таким образом, увеличивает страх. Когда вы используете анализ, чтобы противостоять беспорядку, вы увеличиваете силу сопротивления, а сопротивление беспорядку только увеличивает страх этого беспорядка, что мешает свободе. Свобода есть в общности, а не в страхе.

Счастье творчества

Этот город расположился у великолепной реки. Широкие и длинные ступеньки ведут к самому краю воды, и, кажется, весь мир живет на этих ступеньках. С раннего утра до поздней ночи на них всегда толпятся и шумят. Выступающие ступеньки, на которых люди сидят и теряются в своих надеждах и тоске, в своих богах и мольбах, находились почти на одном уровне с водой. Звонили колокола храма, муэдзин зазывал для молитвы. Кто-то пел, и собралась огромная толпа, слушающая в благодарной тишине.

Вдали от всего этого, за изгибом, чуть выше по реке, виднелись высотные здания. С полосками деревьев и широкими дорогами они протянулись на несколько миль по суше. А миновав вдоль реки узкий и грязный переулок, можно очутиться в этом разбросанном местами царстве знаний. Здесь так много студентов со всей страны, нетерпеливых, активных и шумных. Преподаватели напыщенны и плетут интриги ради места и жалованья получше. Никто, кажется, почти не обеспокоен тем, что происходит со студентами после того, как они уезжают отсюда. Преподаватели передают определенные знания и методику, которые умные быстро схватывают, они оканчивают высшее учебное заведение, и на этом все. У преподавателей есть постоянные рабочие места, они имеют семьи и гарантию безопасности; но когда студенты разъедутся, они столкнутся лицом к лицу с неразберихой и неуверенностью в жизни. Такие здания, такие преподаватели и студенты существуют по всей земле. Некоторые студенты достигают славы и положения в мире, другие размножаются, борются и умирают. Государство нуждается в компетентных специалистах и управленцах, чтобы вести и править, и всегда существуют армия, церковь, и бизнес. Все во всем мире — то же самое.

Для того чтобы получить навыки, умения и иметь работу, профессию, мы проходим процесс набивания поверхностного ума фактами и знаниями, не так ли? Ясно, что в современном мире хороший специалист имеет больше шансов заработать средства к существованию, но что затем? Разве тот, кто является более квалифицированным специалистом, более способен выстоять перед сложными жизненными проблемами, чем тот, кто не является специалистом? Профессия — это только одна сфера жизни, но существуют также те сферы, которые скрыты, неуловимы и таинственны. Делать акцент на одном и отрицать или пренебрегать остальным — значит неизбежно прийти к совершенно односторонней и ведущей к распаду деятельности. Вот именно то, что сегодня имеет место в мире, с сопутствующим этому вечно возрастающим конфликтом, замешательством и нищетой. Конечно, имеются несколько исключений — это творческие личности, те счастливые, которые находятся в контакте с чем-то, что не искусственно создано человеком, которые не зависят от творений ума.

Вы и я имеем свойственную нам способность быть счастливыми, творческими, быть в контакте с чем-то, что вне тисков времени. Счастье творчества — не дар, припасенный для немногих, так почему же подавляющее большинство не знает этого счастья? Почему некоторые поддерживают связь с чем-то глубоким вопреки материальному положению и несчастным случаям, в то время как другие подвергаются разрушению из-за них? Почему некоторые эластичны, гибки, в то время как другие остаются упорными и погибают? Вопреки знаниям, некоторые держат дверь приоткрытой для того, что никакой человек и никакая книга не могут заменить, в то время как другие душат себя техническими приемами и полномочиями. Почему? Совершенно ясно, что ум хочет, чтобы его поймали и сделали уверенным благодаря определенной деятельности, игнорируя более важные и глубокие вопросы, поскольку тогда он окажется на более безопасной почве. Поэтому его образование, его упражнения, его действия поощряются и поддерживаются на том же уровне, и находятся оправдания для того, чтобы не

продвинуться за пределы этого.

Прежде, до того как так называемое образование окажет свое пагубное воздействие на детей, многие из них находятся в контакте с неизвестным, что проявляется разными способами. Но окружающая среда скоро начинает сжиматься вокруг них, и после определенного возраста они теряют тот свет, ту красоту, которых не найти ни в какой книге или школе. Почему? Не говорите, что для них жизнь — это слишком много, что они должны выстоять перед суровыми фактами, что это их карма или грехи отцов, — все это чушь. Счастье творчества — оно для всех, а не только для избранных. Вы можете выразить его одним способом, а я — другим, но оно — для всех. Счастье творчества не имеет никакой рыночной стоимости, оно — не товар, который можно продать лицу, предлагающему самую высокую цену, это то единственное, что может быть для всех.

Действительно ли творческое счастье осуществимо? То есть может ли ум находиться в контакте с тем, что является источником всего счастья? Может ли открытость быть поддержана, несмотря на знания, умения и навыки, несмотря на образование и давление в нашей жизни? Она может быть, но только тогда, когда обучающий обучается этой реальности, только когда тот, кто преподаёт, сам находится в контакте с источником творческого счастья. Так что наша проблема — не в ученике, ребенке, а в преподавателе и родителе. Образование — порочный круг, но только когда мы не видим важность, существенную необходимость за всем этим наивысшего счастья. В конце концов, быть открытым для источника всего счастья — самая искусная религия, но чтобы понимать счастье, вы должны направить особое внимание на него, как вы делаете это по отношению к бизнесу. Профессия учителя — не просто обычная работа, а выражение красоты и радости, которое нельзя измерить в понятиях достижений и успехов.

Свет настоящей реальности и ее благодать разрушаются, когда ум, который является местом нахождения «я», берет на себя бразды управления. Самопознание — вот начало мудрости, без самопознания учение ведет к невежеству, борьбе и горю.

Страх внутреннего одиночества

Насколько это необходимо — умирать каждый день, умирать каждую минуту по отношению ко всему, ко всем прошедшим дням и по отношению к моменту, который только что прошел! Без смерти нет никакого возрождения, без смерти нет никакого творения. Бремя прошлого порождает его собственное продолжение, и тревога дня вчерашнего дает новую жизнь тревоге дня сегодняшнего. «Вчера» увековечивает «сегодня», а «завтра» все еще остается «вчера». Нет никакого освобождения от этой непрерывности, кроме как в смерти. В смерти есть радость. Это новое утро, свежее и ясное, свободно от света и темноты вчерашнего, песню той птицы слышат впервые, а шум тех детей — не такой, как вчера. Мы несем память о вчерашнем дне, и она затемняет наше бытие. Пока ум является механическим устройством памяти, он не знает никакого отдыха, никакого спокойствия, никакой тишины, он вечно истощает себя. И тот, который все еще может повторно возродиться, является бесполезной вещью, которая в постоянной деятельности изнашивает себя. Источник начала находится в окончании, а смерть так же близка, как и жизнь.

Она сказала, что училась долгие годы с одним из известных психологов и он исследовал ее, что заняло значительное время. Хотя ее воспитывали как христианку и она также изучала индуистскую философию и ее преподавателей, никогда не присоединилась к какой-либо специфической группе и не связала себя с какой-либо системой мышления. Как всегда, ее все еще что-то не удовлетворяло, и она даже отказалась от психоанализа. А теперь ее вовлекли в некую благотворительную деятельность. Она была замужем и познала все горести, а также радости семейной жизни. Женщина находила убежище различными способами: через престиж в обществе, работу, деньги, трогательное восхищение этой страной у синего моря. Печали умножились, которые она могла еще перенести, но она никогда не была способна выйти за пределы некоторой глубины, и все это оказывалось не очень глубоким.

Почти все имеет поверхностный характер и вскоре заканчивается, только чтобы начаться снова, с последующей поверхностности. Неистощимое нельзя обнаружить через какую-либо деятельность ума.

«Я перешла от одной деятельности на другую, от одной неудачи к другой, всегда ведомая и всегда преследующая. Теперь, когда я достигла конца одного убеждения, и прежде, чем я последую за другим, который будет вести меня в течение множества лет, на меня подействовал более сильный импульс, и вот я здесь. Моя жизнь хороша, весела и богата. Я заинтересовалась многими вещами и изучала некоторые предметы довольно-таки глубоко. Но, так или иначе, спустя годы я все еще на поверхности явлений и кажусь неспособной проникнуть за пределы определенной точки. Но я хочу идти глубже, а не могу. Люди хорошо отзываются о том, что я делала, и именно это совершенство связывает меня. Моя зависимость от условия имеет вид благотворительности: делая добро другим, помогая нуждающимся, проявляя внимание, великодушие и так далее. Но это обязывает, подобно любому другому возникшему условию. Моя проблема состоит в том, чтобы освободиться не только от этого условия, но и от всех созданных мною условий, и выйти за их пределы. Это стало необходимой потребностью не только из-за того, что я услышала из разговора, но также из-за моего собственного наблюдения и опыта. Я в настоящее время отложила свою благотворительную деятельность, и вернусь к ней или нет, будет решено позже».

Почему вы раньше спрашивали себя о причине всех этих видов деятельности?

«Мне прежде никогда и в голову не приходило спросить себя, почему я занимаюсь социальной работой. Я всегда хотела помогать, делать добро, и это не было лишь пустой

сентиментальностью. Я обнаружила, что люди, с которыми живу, не реальны — они лишь маски, только нуждающиеся в по мощи являются реальными. Жить с масками бессмысленно и глупо, а жить с другими — это борьба, боль».

Почему вы занимаетесь благотворительностью или любым другим видом деятельности?

«Считаю, чтобы держаться на плаву. Нужно жить и действовать, и созданным мной условием было действовать настолько порядочно, насколько возможно. Я никогда не спрашивала себя, почему я поступаю именно так, а теперь хочу выяснить это. Но прежде, чем мы пойдем дальше, позвольте мне признаться, что мне нравится уединение, и хотя я встречаюсь со многими людьми, я одинока, и мне это нравится. Есть что-то приятно возбуждающее в том, чтобы быть одной».

Быть одной — в наивысшем смысле — является необходимостью, но одиночество ухода в себя придает ощущение власти, силы, неуязвимости. Такое одиночество — изоляция, бегство, убежище. Но разве не важно выяснить, почему вы никогда не спрашивали себя о причине всех ваших — возможно и хороших — поступков? Разве вам не нужно расследовать это?

«Да, давайте сделаем это. Я думаю, что именно страх внутреннего одиночества заставил меня делать все это».

Почему вы используете слово «страх» по отношению к внутреннему одиночеству? Внешне вы не возражаете быть одинокой, но от внутреннего одиночества отворачиваетесь. Почему? Страх — это не абстракция, он существует только по отношению к чему-то. Страх не существует отдельно, он существует как слово, но его чувствуют только в контакте с чем-то другим. Чего же вы боитесь?

«Внутреннего одиночества».

Страх внутреннего одиночества существует только относительно чего-то еще. Вы не можете бояться внутреннего одиночества, потому что никогда не всматривались в него, вы измеряете его теми мерками, которые уже знаете. Вы знаете вашу ценность, если можно так выразиться, как общественного работника, как матери, как способного и продуктивного человека и так далее. Вы знаете цену вашего внешнего одиночества. Таким образом, именно относительно всего этого вы измеряете или имеете подход ко внутреннему одиночеству. Вы знаете то, что было, но вы не знаете то, что **есть**. Когда известное смотрит на неизвестное, это порождает страх, именно это вызывает в вас опасение.

«Да, совершенно верно. Я сравниваю внутреннее одиночество с понятиями, которые знаю из опыта. Именно данный опыт вызывает опасение чего-то, что я в действительности вообще не испытала».

Так что ваш страх на самом деле не из-за внутреннего одиночества, но прошлое боится чего-то, что оно не знает или не испытало. Прошлое хочет поглотить новое, сделать из него опыт. Но может ли прошлое, которое и есть вы, пережить новое, неизвестное? Известное может пережить только то, что принадлежит ему, оно никогда не сможет переживать новое, неизвестное. Давая неизвестному название, назвав его внутренним одиночеством, вы только опознали его словесно, и слово занимает место переживания, так как слова — это внешнее выражение страха. Понятие «внутреннее одиночество» прикрывает факт того, что **есть**, и само слово создает страх.

«Но я как-то не способна взглянуть на этот факт».

Давайте сначала поймем, почему мы не способны взглянуть на факт и что мешает нам пассивно наблюдать за ним. Не пытайтесь смотреть на него сейчас, а, пожалуйста, спокойно **послушайте то, о чем говорится**.

Известное, прошлый опыт, пытается поглотить то, что оно называет внутренним одиночеством. Но оно не может пережить это, поскольку не знает, чем является, оно знает

термин, но не то, что скрывается за термином. Нельзя испытать неизвестное. Вы можете думать или размышлять над неизвестным или бояться его, но мысли не дано постичь его, поскольку мысль — это результат известного, опыта. Поскольку мысль не может познать неизвестное, она боится его. Страх останется, пока мысль желает пережить, понять неизвестное.

«Тогда что?..»

Пожалуйста, послушайте. Если вы услышите правильно, истина всего этого будет понятна, и потом истина будет единственным действием. Что бы мысль ни делала по отношению ко внутреннему одиночеству, это бегство, уклонение от того, что **есть**. Уклоняясь от того, что **есть**, мысль создает свои собственные условия, которые предотвращают переживание нового, неизвестного. Страх — это единственный отклик мысли на неизвестное, мысль может называть его различными терминами, но, тем не менее, это — страх. Просто поймите, что мысль не может справиться с неизвестным, с тем, что **есть**, что скрывается за термином «внутреннее одиночество». Только тогда по-настоящему то, что **есть**, раскрывает себя, и оно неиссякаемо.

Теперь, если можно, оставьте этот вопрос в покое. Вы слышали, и пусть это работает, как сможет. Быть спокойным после пахоты и посева означает дать жизнь творению.

Дожди прекратились, дороги были чистыми, и с деревьев смыло пыль. Земля была посвежевшей, и в водоеме квакали лягушки. Довольно крупные по размеру, глотки лягушек раздувались от удовольствия. Трава искрилась от крошечных капелек воды, а на земле воцарился покой после сильного ливня. Домашние животные насквозь промокли, но во время дождя они никуда не укрылись от него и теперь довольно паслись. Несколько мальчишек играло в небольшом ручье, который образовался у обочины дороги из-за дождя. Они были голыми, и было приятно видеть их блестящие тела и сверкающие глаза. Мальчишки проводили лучшее время в своей жизни, и как счастливы они были! Ничто другое не имело, казалось, значения, и дети улыбнулись, полные радости, когда кто-то сказал им что-то, хотя они не поняли ни слова. Солнце поднималось, и тени становились сильнее.

Насколько важно для ума очищать себя от всяких мыслей, быть постоянно пустым — не заставлять себя быть пустым, а просто быть пустым, умереть для всякой мысли, для всех вчерашних воспоминаний и для грядущего часа! Умереть просто, а продолжать трудно, поскольку продолжение — это усилие быть или не быть. Усилие — это желание, а желание может умереть лишь тогда, когда ум прекращает приобретать знания. Как это легко — просто жить! Но это не остановка в развитии. Есть великое счастье в нежелании, в небытии кем-то, в неподвижении куда-нибудь. Когда ум очищает себя от всякой мысли, только тогда наступает тишина творения. Ум не спокоен, пока он путешествует, чтобы прибыть куда-то. Для ума прибыть означает достичь успеха, а успех вечно одинаков, в начале ли он или в конце. Никакого очищения ума не происходит, если ум плетет для себя образец своего собственного становления.

Она сказала, что всегда принимала активное участие в той или иной деятельности, касалось ли это ее детей, или общественных дел, или спортивных состязаний. Но за любой деятельностью всегда скрывалась скука, давящая и постоянная. Ей надоели установившееся течение жизни, удовольствия, боль, лень и все остальное. Скука была подобна облаку, которое висело над ее жизнью так долго, как она могла помнить. Она пробовала убежать от нее, но каждое новое увлечение скоро становилось дальнейшей скукой, смертельной усталостью. Она много читала, имела обычные заботы семейной жизни, но все это насквозь пронизывала утомляющая скука. Она не имела никакого отношения к ее здоровью, так как прекрасно себя чувствовала.

Почему, как вы думаете, вам скучно? Является ли это результатом какого-то расстройства, какого-то сильного желания, исполнению которого помешали?

«Вряд ли. Были какие-то незначительные преграды, но они никогда не беспокоили меня, а если беспокоили, я справлялась с ними довольно-таки разумно и никогда не оказывалась в тупике из-за них. Я не думаю, что мое беспокойство из-за расстройства, поскольку я всегда был способна получить то, что хочу. Я не выла на луну и была разумна в своих запросах. Но, тем не менее, чувство скуки присутствовало во всем по отношению к моей семье и моей работе».

Что вы подразумеваете под скукой? Вы подразумеваете неудовлетворенность? Не из-за того ли она, что ничто не дало вам полное удовлетворение?

«Это не совсем так. Я столь же неудовлетворенна как и любой нормальный человек, но я смогла примириться с неизбежностью неудовлетворенности».

Что вас интересует? Имеется ли в вашей жизни какая-либо глубокая заинтересованность?

«Вроде бы нет. Если бы у меня была глубокая заинтересованность, я бы не скучала. Я по натуре энтузиаст, и ручаюсь, что при наличии заинтересованности, она бы так просто не исчезла. У меня было много непостоянных интересов, но они все покрывались в конце концов облаком скуки».

Что вы подразумеваете под интересом? Почему происходит изменение от интереса до скуки? Что означает интерес? Вы заинтересованы в том, что нравится вам, удовлетворяет вас, не так ли? Разве интерес — это не процесс приобретения? Вы бы не были заинтересованы в чем-нибудь, если бы не приобретали что-то за это, не так ли? Интерес поддерживается, пока вы что-то приобретаете, приобретение — вот что значит интерес, разве нет? Вы пробовали получать удовлетворение от всего, с чем вы соприкасались, и когда вы полностью использовали это, естественно, вам это надоедало. Любое приобретение — это вид скуки, утомления. Мы хотим замену игрушек, как только теряем интерес к одной, мы беремся за другую, и всегда есть новая игрушка, которой можно заняться. Мы беремся за что-то, чтобы приобрести, приобретение присуще удовольствию, знанию, известности, власти, эффективности, наличию семьи и так далее. Когда уже нечего приобретать в одной религии, в одном спасителе, мы теряем интерес и поворачиваемся к другому. Некоторые усыпляются в таких организациях и никогда не пробуждаются, а те, кто пробуждается, снова засыпают, присоединяясь к другой организации. Это жадно впитывающее продвижение называют расширением мысли, прогрессом.

«Является ли интерес всегда приобретением?»

Фактически заинтересованы ли вы в чем-то, что не дает вам что-либо, будь то пьеса, будь то игра, беседа, книга или человек? Если живопись не дает вам что-то, вы обходите ее стороной. Если человек не стимулирует или не тревожит вас определенным способом, если нет удовольствия или боли в каких-то взаимоотношениях, вы теряете интерес, вам они надоедают. Разве вы не заметили этого?

«Да, но я никогда прежде не смотрела на ситуацию вот так».

Вы не пришли бы сюда, если бы вам не было что-то нужно. Вы хотите освободиться от скуки. Поскольку я не смогу дать вам это освобождение, вам снова будет скучно. Но если мы вместе сможем понять ваши желания приобретения, интереса, скуки, тогда, возможно, появится освобождение. Освобождение нельзя приобрести. Если вы приобретете его, оно вам вскоре надоеет. Разве приобретение не оупляет ум? Приобретение, активное или пассивное, — это бремя. Как только вы приобретаете, вы теряете интерес. Стремясь обладать, вы настороженны, заинтересованы, но обладание — это скука. Вы можете хотеть обладать большим, но преследование большего — это только продвижение к скуке. Вы пробуете различные виды приобретения, и пока существует усилие приобрести, существует и интерес, но у приобретения всегда есть конец, и поэтому всегда наступает скука. Разве это не то, что происходит?

«Мне кажется, что да, но я не уловила полное значение сказанного».

Сейчас поймете.,

Обладание утомляет ум. Приобретение — знания ли, собственности, достоинства — приводит к нечувствительности. Природа ума — в приобретении, поглощении, разве нет? Или, скорее, образец, который он создал для себя — один из способов абсорбирования, и в этой самой деятельности ум готовит себе собственную усталость и скуку. Интерес, любопытство являются началом приобретения, которое вскоре превращается в скуку, и побуждение освободиться от скуки — это другая форма обладания. Так что ум переходит от скуки к интересу и опять к скуке, пока он совершенно не вымотается. И последовательные колебания от интереса к усталости расцениваются как существование.

«Но как же освободиться от приобретения, не приобретая в дальнейшем?»

Только позволив себе пережить суть целостного процесса приобретения, а не пытаясь не приобретать, отделяться. Не приобретать ничего — другая форма приобретения, которая вскоре также утомляет. Трудность, если можно употребить данное слово, скрывается не в словесном понимании того, о чем говорится, а в переживании ложного как ложного. Увидеть суть в ложном — вот начало мудрости. Трудность для ума состоит в том, чтобы быть спокойным,

поскольку ум всегда тревожится, всегда в поисках чего-то, приобретая или отрицая, ища и находя. Ум никогда не спокоен, он находится в непрерывном движении. Прошлое, затемняя настоящее, создает свое собственное будущее. Это движение во времени, и едва ли когда-либо возникают перерывы между мыслями. Одна мысль следует за другой без промедления, ум вечно заостряет свое внимание и таким образом изнашивается. Если карандаш все время затачивается, вскоре от него ничего не останется. Точно так же ум постоянно использует себя и истощается. Ум всегда боится прийти к окончанию. Но проживание — это окончание изо дня в день, это — смерть всему приобретенному, воспоминаниям, опытам, прошлому. Как можно проживать, если имеется опыт? Опыт — это знание, память, а разве память — это состояние переживания? Есть ли состояние переживания, есть ли воспоминания у переживающего? Очищение ума — это проживание, творчество. Красота скрыта в переживании, а не болезненном опыте, поскольку опыт вечно принадлежит прошлому, а прошлое — это не переживание, это не проживание. Очищение ума — вот в чем спокойствие сердца.

Конфликт — освобождение — взаимоотношения

«Конфликт между утверждением и противопоставлением неизбежен и необходим, он приводит к синтезу, из которого вновь возникает утверждение с соответствующим ему противопоставлением, и так далее. И нет конца противоречию, и только через конфликт может быть любой рост, любое продвижение вперед».

Разве конфликт дает понимание наших проблем? Неужели он приведет к росту, продвижению? Он может вызвать побочные усовершенствования, но разве конфликт в самой его сути — не фактор распада? Почему вы упорно утверждаете, что конфликт необходим? «Все мы знаем, что противоречия имеются на каждом уровне нашего существования, так зачем же отрицать или закрывать на это глаза?»

Любой не остается слеп по отношению к постоянной борьбе внутри и снаружи, но позвольте все-таки спросить, почему вы настаиваете, что он необходим?

«Конфликт нельзя отрицать, он — часть человеческой структуры. Мы используем его как средство для достижения цели, а целью является правильная окружающая среда для индивидуума. Мы работаем для этой цели и используем любое средство, чтобы достичь ее. Амбиция, конфликт являются способами существования человека, и их можно использовать либо против него, либо для него. Благодаря конфликту мы двигаемся к более значительным вещам».

Что вы подразумеваете под конфликтом? Конфликт между чем? «Между тем, что было, и тем, что будет». «То, что будет» является последующим откликом на то, что было и то, что есть. Под конфликтом мы подразумеваем борьбу между двумя противостоящими идеями. Но в самом ли деле оппозиция в любой ее форме способствует пониманию? Когда наступает понимание любой проблемы?

«Существует классовый, национальный и идеологический конфликт. Конфликт — это противостояние, сопротивление из-за незнания некоторых важных исторических фактов. Через противостояние возникает рост, возникает прогресс, и весь этот процесс является жизнью».

Мы знаем, что существует конфликт на различных уровнях жизни, и было бы глупо отрицать это. Но действительно ли так уж необходим конфликт? Пока мы только предположили, что это так, или оправдали его с помощью коварной причины. В природе значение конфликта может быть весьма различно: среди животных конфликт, как мы знаем, вообще может не существовать. Но для нас конфликт стал фактором огромной важности. Почему он стал настолько существенен в наших жизнях? Конкуренция, амбиция, усилие быть или не быть, воля к достижению и так далее — все это часть конфликта. Почему мы принимаем конфликт как что-то существенно важное для существования? С другой стороны, это не означает, что мы должны принять праздность. Но почему мы допускаем конфликт в пределах себя и вне? Действительно ли конфликт необходим для понимания, для решения проблемы? Разве нам не лучше исследовать, чем утверждать или отрицать? Разве не лучше попытаться найти суть вопроса, чем придерживаться наших умозаключений и мнений?

«Как же может быть тогда переход от одной формы общества к другой без конфликта? Имущие никогда добровольно не откажутся от их богатства, их нужно будет заставить, и этот конфликт приводит к новому общественному порядку, новому жизненному пути. Это нельзя сделать мирно. Может, нам и не хотелось применять насилие, но нам приходится стоять лицом к лицу перед фактом».

Вы предполагаете, что знаете, каким должно быть новое общество, а другие товарищи не знают. Вы один обладаете этим уникальным знанием, и вы желаете ликвидировать тех, кто

стоит на вашем пути. Этим методом, который вы считаете необходимым, вы только лишь порождаете противостояние и ненависть. То, что вы знаете, — просто другая форма предубеждения, иной вид создания определенных условий. Ваши исторические исследования либо таковые ваших лидеров интерпретируются согласно специфической скрытой установке, которая определяет ваш отклик, и этот отклик вы называете новым подходом, новой идеологией. Всякий отклик мысли обусловлен, и устроить революцию, основанную на мысли, или идее, означает увековечить видоизмененную форму того, что было. Вы, по существу, реформаторы, а не реальные революционеры. Преобразование и революция, имеющие в своей основе идею, — это регрессирующие факторы в обществе.

Вы ведь говорили, что конфликт между утверждением и противопоставлением необходим, и что конфликт противоположностей приводит к синтезу?

«Конфликт между существующим обществом и его противоположностью из-за давления исторических событий и прочего, в конечном счете, вызовет новый социальный порядок».

Разве противоположность отличается или несходна с тем, что есть! Как возникает противоположность? Разве это не видоизмененное проецирование того, что есть! Не имеются ли в противопоставлении элементы его собственного утверждения? Одно не полностью непохоже или отличается от другого, а синтез — это все же видоизмененное утверждение. Хотя он периодически окрашивается в различные цвета, хотя видоизменяется, преобразовывается, меняет форму согласно обстоятельствам и давлению, утверждение всегда является утверждением. Конфликт между противоположностями крайне бесполезен и глуп. На мысленном или словесном уровне вы можете доказать или опровергнуть что угодно, но это не сможет изменить некоторые очевидные факты. Существующее общество основано на индивидуальном стяжательстве, а его противоположность с полученным в результате синтезом — это то, что вы называете новым обществом. В вашем новом обществе индивидуальное стяжательство противопоставлено государственному стяжательству, а государство — это правители. Теперь государство становится наиболее важным, а не индивидуум. Исходя из этого противопоставления, вы говорите, что в конечном счете возникнет синтез, при котором все индивидуумы станут важны. Такое будущее нереально, это идеал, проекция мысли, а мысль — всегда отклик памяти, создание определенных условий. Это в действительности порочный круг без какого-нибудь выхода из него. Это конфликт, борьба в пределах клетки мысли, — вот то, что вы называете прогрессом.

«Вы говорите, что тогда нам надо все оставить вот так, как есть, со всей эксплуатацией и коррупцией существующего общества?»

Ничего подобного. Но ваша революция — не Революция вовсе, это — только переход власти от одной группы людей к другой, замена одного класса на другой. Ваша революция — просто иная структура, построенная из того же самого материала и согласно тому же самому основному образцу. Существует радикальная революция, которая не является конфликтом, которая не основана на мысли с ее придуманными эго проекциями, идеалами, догмами, утопиями, но пока мы мыслим понятиями изменения этого на то, становления большим или становления меньшим, достижения результата, не может возникнуть фундаментальной революции.

«Такая революция невозможна. Неужели вы серьезно предлагаете ее?»

Это единственно настоящая революция, единственно фундаментальное преобразование.

«Как вы предлагаете совершить ее?»

Пониманием ложного как ложного, пониманием истины в ложном. Очевидно, должна произойти фундаментальная революция во взаимоотношениях человека с человеком. Все мы знаем, что все существующее не может продолжаться так, как оно есть, без усиления горечи и

бедствий. Но все реформаторы, подобно так называемым революционерам, имеют в поле зрения результат, цель, которую нужно достичь, и оба используют человека как средство для достижения их собственных результатов. Использование человека с какой-то целью — вот реальная проблема, а не достижение специфического результата. Нельзя отделить цель от средств, поскольку они — единый, неделимый процесс. Средства — это цель. Бесклассовое общество не может родиться благодаря конфликту классов в качестве средства. Результаты использования неправильного средства ради так называемой правильной цели вполне очевидны. Не может быть никакого мира с помощью войны или благодаря подготовке к войне. Все противоположности самоспроецированы, идеал — это реакция на то, что есть, и конфликт, чтобы достичь идеала, — тщетная и иллюзорная борьба в пределах клетки мысли. Благодаря такому конфликту нет никакого освобождения, никакой свободы для человека. Без свободы не может быть никакого счастья, а свобода — это не идеал. Свобода — вот единственное средство для свободы.

Пока человека используют психологически или физически, неважно, от имени ли Бога или государства, будет существовать общество, основанное на насилии. Использование человека с какой-то целью — уловка, применяемая политическим деятелем и священником, и не допускает настоящих взаимоотношений.

«Что вы подразумеваете под сказанным?»

Когда мы используем друг друга ради нашего взаимного удовлетворения, могут ли между нами быть какие-либо взаимоотношения? Когда вы используете кого-то для вашего комфорта, подобно тому как вы используете предмет мебели, вы породняетесь с тем человеком? Вы породняетесь с мебелью? Вы можете называть их вашими собственными, и на этом все, но у вас нет никаких взаимоотношений с ними. Точно так же, когда вы используете другого ради вашей психологической или физиологической выгоды, вы обычно называете этого человека вашим, вы обладаете им или ею, а разве взаимоотношения — это обладание? Государство использует индивидуума и называет его своим гражданином, но оно не имеет никаких взаимоотношений с индивидуумом, оно просто использует его как инструмент. Инструмент — это мертвая вещь, и никаких взаимоотношений не может быть с тем, что является мертвым. Когда мы используем человека с определенной целью, какой бы благородной она ни была, он интересует нас в качестве инструмента, мертвой вещи. Мы не можем использовать живое существо, отсюда наша потребность в мертвых вещах, и наше общество основано на использовании мертвых вещей. Использование кого-то другого делает того человека мертвым инструментом ради нашего удовлетворения. Взаимоотношения могут существовать только между живыми, и использование — это процесс изоляции. Именно процесс изоляции порождает конфликт, антагонизм между человеком и человеком.

«Почему вы делаете такой большой акцент на взаимоотношениях?»

Существование — это взаимоотношения, быть — значит иметь взаимоотношения. Взаимоотношения — это общество. Структура нашего нынешнего общества, основанная на взаимном использовании, порождает насилие, разрушение и нищету, и если так называемое революционное государство существенно не изменит такое использование, оно сможет только привести, опять же, к дальнейшему конфликту, беспорядку и антагонизму, возможно, на ином уровне. Пока мы в психологическом отношении нуждаемся и используем друг друга, не может возникнуть никаких взаимоотношений. Взаимоотношения — это общность, а как может быть общность, если существует эксплуатация? Эксплуатация подразумевает страх, а страх неизбежно приводит ко всякого рода иллюзиям и страданиям. Конфликт существует только в эксплуатации, а не во взаимоотношениях. Конфликт, оппозиция, вражда существуют между нами, когда есть использование кого-то другого как средства для удовольствия, достижения чего-то. Очевидно,

что конфликт не может быть разрешен, если его используют в качестве средства для самоспроецированной цели, а все идеалы, все утопии самоспроецированы. Истина в том, что конфликт в любом его проявлении уничтожает взаимоотношения, уничтожает понимание. Понимание есть только тогда, когда ум затихает. А ум не спокоен, когда он опутан какой-либо идеологией, догмой или верой или когда он привязан к образу из его собственного опыта, воспоминаний. Ум не спокоен, когда он приобретает или находится в процессе становления. Всякое приобретение — это конфликт; всякое становление — процесс изоляции. Ум не спокоен, когда его дисциплинируют, контролируют и проверяют, такой ум — мертвый ум, он изолирует себя через различные формы сопротивления, и, таким образом, неизбежно создает несчастья для себя и Для других.

Ум спокоен только тогда, когда он не опутан мыслью, которая является ловушкой его собственной Деятельности. Когда ум молчит, а не его заставляют замолчать, возникает истинная движущая сила, возникает любовь.

Преданность и поклонение

Мать кричала и била своего ребенка, а он плакал от боли. Когда мы возвратились, она ласкала ребенка, обнимая, как будто бы выжимала из него жизнь. В ее глазах были слезы. Ребенок был растерян, но улыбался матери.

Любовь — странная вещь, и как легко мы теряем тепло ее огня! Огонь гаснет, и остается дым. Дым заполняет наши сердца и умы, и мы тратим наши дни в слезах и горечи. Песня забыта, и слова потеряли свое значение, запах исчез, и наши руки пусты. Мы никогда не знаем, как поддерживать огонь без дыма, и дым всегда душит огонь. Но любовь не принадлежит уму, ее не поймать в сети мысли, ее нельзя отыскать, искусственно взрастить, взлелеять. Она там, где ум спокоен, а сердце свободно от шаблонов ума.

Комната выходила окнами на реку, и солнце поблескивало на ее воде.

Он не был глупцом, но полон эмоций, избыточных чувств, от которых, должно быть, приходил в восторг, поскольку это, казалось, приносило ему огромное удовольствие. Он говорил охотно, и когда ему показали золотисто-зеленую птицу, он включил свою сентиментальность и излил свои чувства по этому поводу. Затем он заговорил о красоте реки и спел об этом песню. У него был приятный голос. К золотисто-зеленой птице присоединилась еще одна, и они обе сидели рядышком друг с другом, чистя клювом перья. Разве преданность Богу — это не путь к Нему? Разве жертва из-за преданности — это не очищение сердца? Разве преданность — это не необходимая часть нашей жизни?»

Что вы подразумеваете под преданностью?

«Любовь к самому высокому, возложение цветка перед изображением, образом Бога. Преданность — это полное поглощение, любовь, которая превосходит любовь к плоти. Однажды просидев в течение многих часов, полностью забылся в любви к Богу. В том состоянии я есть ничто, и я ничего не знаю. В том состоянии вся жизнь — это единство, дворник и король едины. Это восхитительное состояние. Наверняка вы знаете его».

Является ли любовь преданностью? Является ли она чем-то отделенным от нашего повседневного существования? Разве это акт жертвы — быть преданным объекту, знанию, службе или действию? Является ли это самопожертвованием, когда вы погружены в преданность? Когда вы полностью отождествили себя с объектом вашей преданности, разве это самопожертвование? Неужели самоотверженность состоит в том, чтобы забыть себя в книге, песнопении, идее? Является ли преданность поклонением образу, человеку, символу? Есть ли у окружающей действительности какой-либо символ? Может ли символ когда-либо передать истину? Разве символ не статичен, а может ли статический предмет когда-либо передать то, что живет? Разве ваша фотография — это вы?

Давайте разберемся, что же мы подразумеваем под преданностью. Вы тратите несколько часов в день на то, что вы называете любовью, созерцанием Бога. Является ли это преданностью?

Человек, посвятивший свою жизнь социальному улучшению, предан своей работе, и генерал, работой которого является спланировать разгром, также предан своей работе. Является ли это преданностью? Если так можно сказать, вы тратите ваше время, опьяняясь образом или идеей Бога, а другие делают то же самое, но иным способом. Существует ли существенное различие между ими двумя? Является ли преданностью то, что имеет цель?

«Но поклонение Богу охватывает всю мою жизнь. Я не осознаю ничего, кроме Бога. Он наполняет мое сердце».

И человек, который поклоняется своей работе, своему лидеру, своей идеологии, также

охвачен тем, чем он занят. Вы наполняете ваше сердце словом «Бог», а другой — деятельностью, и что, — это преданность? Вы счастливы вашим образом, вашим символом, а другой — книгами или музыкой — и это преданность? Разве это преданность — забываться в чем-то? Человек предан своей жене по различным удовлетворяющим его причинам, и разве такое удовлетворение есть преданность? Отождествление себя со страной опьяняет, и что — такое отождествление — это преданность?

«Но то, что я отдаю себя Богу, не причиняет никому вреда. Напротив, я держусь в стороне от пагубного воздействия и не причиняю вреда другим».

Это, по крайней мере, уже что-то, но хотя внешне вы, может, и не причиняете никакого вреда, разве иллюзия не вредна на более глубоком уровне как для вас, так и для общества?

«Меня не интересует общество. Мои потребности очень малы, я справился со своими страстями, и я провожу свои дни в тени Бога».

Не важно ли выяснить, не скрывается ли за этой тенью какая-либо сущность? Поклоняться иллюзии означает цепляться за собственное удовлетворение, уступать своим аппетитам на любом уровне означает быть похотливым.

«Вы очень тревожите меня, и я совсем не уверен, что хочу продолжать эту беседу. Поймите, я пришел, чтобы поклониться тому же самому алтарю, что и вы. Но я вижу, что ваше поклонение совершенно иное, и то, о чем вы говорите, за пределами моего понимания. Но я хотел бы узнать, в чем же красота вашего поклонения. У вас нет никакого изображения, никаких образов и никаких ритуалов, но вы, должно быть, поклоняетесь. Каково по характеру ваше поклонение?»

Поклоняющийся и есть то, чему он поклоняется. Поклоняться другому — значит поклоняться себе. Образ, символ являются собственными проекциями. В конце концов, ваш идол, ваша книга, ваша молитва является отражением вашего внутреннего состояния, это ваше творение, хотя оно может быть создано другим. Вы выбираете согласно вашему удовлетворению от этого, ваш выбор — это ваше предубеждение. Ваш образ — это ваш наркотик, и он высечен из ваших собственных воспоминаний, вы поклоняетесь себе через этот образ, созданный вашей собственной мыслью. Ваша преданность — это любовь к вам самим, прикрытая песнопением вашего ума. Это изображение — вы сами, оно — отражение вашего ума. Такая преданность — это форма самообмана, что только ведет к горю и к изоляции, что означает смерть. Является ли поиск преданностью? Исследовать что-то не означает искать, стремиться к истине не означает найти ее. Мы убегаем от самих себя через поиск, который является иллюзией; мы пробуем любым способом обратиться в бегство от того, что мы есть. Внутри себя мы настолько мелочны, так ничтожны, по существу, и поклонение чему-то более значимому, чем мы сами, столь же мелочно и глупо, как мы сами. Отождествление с великим — это все еще проекция незначительного. «Больше» — это расширение «меньше». Малое в поисках большого найдет только то, что оно способно обнаружить. Бегств существует множество, и они различны, но, убежав, ум все еще напуган, узок и несведущ.

Понимание бегства — вот освобождение от того, что есть. То, что есть, можно понять только, когда ум уже не в поисках ответа. Поиск ответа — это бегство от того, что есть. Этому поиску дают различные названия, одно из которых — это преданность. Но чтобы понять то, что есть, ум должен успокоиться.

«Что вы подразумеваете под тем, "что есть"»!

То, что есть, это то, что происходит от мгновения до мгновения. Понимание целостного процесса возникновения вашего поклонения, вашей преданности тому, что вы вызываете Богом, и означает осознание того, что есть. Но вы не желаете понять то, что есть, поскольку ваше бегство от того, что есть, который вы зовете преданностью, является источником большего удовольствия, и, таким образом, иллюзия приобретает большее значение, чем действительность.

Понимание того, что есть, не зависит от мысли, поскольку сама мысль — это бегство. Думать о проблеме — не значит понять ее. Только когда ум затихает, суть того, что есть, раскрывает себя.

«Я доволен тем, что имею. Я счастлив благодаря моему Господу, благодаря моим молитвам и моей преданности. Преданность Богу — это песнь моего сердца, и мое счастье — в той песне. Ваша песнь может быть более чистой и открытой, но, когда я пою, мое сердце наполняется до краев. Чего большего еще желать человеку, чем иметь полноту в сердце? Мы — братья в моей песне, и ваша песнь меня не тревожит».

Когда песнь настоящая, не существует ни вас, ни меня, а лишь молчание вечности. Песнь — это не звук, а молчание. Не позволяйте звукам вашей песни заполнять ваше сердце.

Он был директором школы, имел несколько ученых степеней и серьезно интересовался образованием, упорно трудился на благо разного рода социальных реформ. Но теперь, признался он, хотя и был еще весьма молод, потерял интерес к жизни. Почти механически продолжал выполнять свои ежедневные рутинные обязанности с утомляющей скукой. Больше не чувствовал «изюминки» в работе, и подъем, захвативший его в начале работы, полностью прошел. Он был склонен к религии и надеялся, провести некоторые реформы, но все это также угасло. Он не видел абсолютно никакой ценности в своих действиях. Почему?

«Всякое действие ведет к беспорядку, создавая большее количество проблем, нанося больше вреда. Я пробовал действовать осмысленно и продуманно, но это неизменно приводит к какой-то неразберихе. Некоторые виды деятельности, которыми я занимался, заставили меня чувствовать себя угнетенным, обеспокоенным и утомленным, и все они вели в никуда. Теперь я боюсь действовать, и страх причинения большего вреда, чем пользы, заставил меня отойти от всего, кроме минимума необходимых действий».

Что является причиной этого страха? Он из-за причинения вреда? Вы отдаляетесь от жизни из-за страха вызвать больше замешательства? Вы боитесь замешательства, которое вы могли бы создать, или оно внутри вас самих? Если бы вы были ясны для самого себя, то возникало бы действие, были бы вы тогда напуганы каким-либо внешним замешательством, которое могло бы создать ваше действие? Вы боитесь замешательства внутри или снаружи? «Я никогда прежде не рассматривал это подобным образом, и мне нужно поразмыслить над тем, что вы говорите».

Вы бы возражали против порождения еще большего количества проблем, если бы были ясны самому себе? Нам нравится убегать от собственных проблем любыми путями, но таким образом мы только увеличиваем их количество. Выставлять напоказ наши проблемы может казаться постыдным, но способность встретиться с проблемой зависит от ясности подхода. Если бы вы были ясны самому себе, были бы ваши действия запутывающими?

«Мне не ясно. Я не знаю, что делать. Я мог бы присоединиться к какому-то учению левых или правых, но это не вызовет ясности действий. Можно закрывать глаза на нелепость определенного учения и работать на него, но факт остается фактом: действия разных учений приносят, по существу, больше вреда, чем пользы. Если бы я был понятен сам себе, я бы встречался с проблемами лицом к лицу и пытался бы понять их. Но мне все непонятно. Я потерял всякий стимул к действию».

Почему вы потеряли стимул? Из-за перерасхода ограниченной энергии? Вы истощили себя выполнением определенных дел, которые не имеют для вас никакого особого интереса? Или это оттого, что еще не выяснили, в чем искренне заинтересованы?

«После колледжа я сильно жаждал социальной Реформы, но со временем бросил и взялся за проблему образования. В течение многих лет я упорно трудился в этой области, не заботясь больше ни о чем. Но в конце концов оставил и ее, потому что все более и более запутывался. Я был амбициозен по отношению к работе, успеху, но люди, с которыми я работал, всегда ссорились, были завистливы и амбициозны ради собственной выгоды».

Амбиция — странная вещь. Вы говорите, что не были амбициозны ради собственной выгоды, а ради работы, ради успеха. Есть ли какое-либо различие между личной и так называемой безличной амбицией? Вы не считали бы это личным или мелочным — отождествлять себя с идеологией и работать с амбицией ради нее, вы бы назвали это нужной амбицией, не так ли? Но разве это так? Конечно, вы всего лишь заменили один термин на другой, «безличный» на «личный». Но побуждение, мотив — те же самые. Вы хотите успеха в

работе, с которой вы отождествили себя. Термин «я» вы заменили на термин «работа», «система», «страна», «Бог», но на первом месте все-таки именно вы. Амбиция все еще работает, безжалостно, ревниво, испуганно. Вы бросили работу потому что она не была успешной? Вы бы продолжили ее, если бы она принесла успех?

«Я так не думаю. Работа была довольно успешной, как и любая работа, если уделять ей время, энергию и прилагать к ней свой интеллект. Я отказался от нее, потому что она вела в никуда, она вызвала только временное облегчение, но основательного и длительного изменения не возникло».

У вас был задор, когда вы работали, что же случилось с ним? Что случилось с вашим побуждением, огнем? В этом ли проблема? «Да, проблема в этом. Когда-то внутри меня горел огонь, а теперь он погас».

Он не горит, или сожжен из-за неправильного использования так, что только пепел остался? Возможно, вы просто не нашли свой настоящий интерес. Вы расстроены? Вы женаты?

«Нет, я не считаю себя расстроенным и при этом я не чувствую потребности в семье или во взаимоотношениях с каким-нибудь человеком. В материальном плане я довольствуюсь малым. Я всегда тянулся к религии в глубоком смысле этого слова, но мне кажется, что мне хотелось быть «успешным» также и на этом поприще».

Если вы не расстроены, почему же вы не довольствуетесь просто жизнью?

«Я не становлюсь моложе, мне не хочется просто прозябать».

Давайте подойдем к проблеме по-другому. В чем вы заинтересованы? Фактически, а не чем бы вам следовало бы быть заинтересованным.

«Я действительно не знаю».

Разве вы не заинтересованы в выяснении?

«Но как мне это выяснить?»

Неужели вы на самом деле думаете, что есть метод, способ выяснить то, в чем вы заинтересованы? В действительности важно вам самим обнаружить, в каком направлении находится ваш интерес. Пока вы пробовали некоторые вещи, вы отдали им свою энергию и интеллект, но они не дали вам глубокое Удовлетворение. Или же вы сожгли себя из-за выполнения вещей, которые не имели подлинного интереса для вас, или ваш реальный интерес все еще не проявил себя, ожидая, когда его пробудят. Теперь: который из этих ваш случай?

«Снова — я не знаю. Может, вы поможете мне выяснить?»

Разве вы не хотите сами узнать суть вопроса? Если вы полностью сожгли себя, тогда проблема требует одного подхода. Но если ваш огонь все еще теплится, то важно разжечь его. Ну, теперь, что это? Разве вам самому не хочется обнаружить суть этого, без моей подсказки? Суть того, что **есть**, находится в его собственном действии. Если вы сожжены, то это вопрос заживления, выздоровления, творческого отдыха от пахоты. Этот творческий отдых от пахоты следует за движением культивирования и сеяния, это бездействие ради полноты будущего действия. Или, может быть, ваш настоящий интерес еще не пробужден. Пожалуйста, прислушайтесь и выясните. Если есть намерение выяснить, то выясните, не постоянным вопрошанием, а ясностью и искренностью вашего намерения. Тогда вы увидите, что в течение часов бодрствования есть внимательное наблюдение, при котором вы улавливаете каждый намек того скрытого интереса и что сны также играют в этом свою роль. Другими словами, намерение запускает механизм открытия.

«Но как узнать, какой интерес является настоящим? У меня было несколько интересов, но все они иссякли. Как я узнаю, что тот настоящий интерес, который я могу обнаружить, также не иссякнет?»

Конечно же, гарантии нет. Но так как вы осознаете, что он способен иссякнуть, в вас будет

присутствовать внимательная наблюдательность, для того чтобы обнаружить настоящее. Если позволите дам совет: не ищите ваш реальный интерес, но, находясь в пассивно наблюдающем состоянии, настоящий интерес проявит себя. Если попытаетесь выяснить, каков ваш настоящий интерес, то снова будете выбирать один в сравнении с другим, будете взвешивать, вычислять, судить. Этот процесс только возвращает сопротивление, вы тратите свою энергию, задаваясь вопросом, правильно ли выбрали, и так далее. Но когда есть пассивное осознание, а не активное усилие с вашей стороны найти, тогда в это осознание проникает движение интереса. Поэкспериментируйте с этим и вы поймете.

«Если я не слишком спешу, мне кажется, что начинаю ощущать свой подлинный интерес. Возникает жизненно важное оживление, новая стремительность».

Образование и цельность

Был дивный вечер. Солнце садилось за огромными, черными облаками, на фоне которых стояли высокие, стройные пальмы. Река отливала золотом, а отдаленные холмы сияли в лучах заходящего солнца. Гремел гром, но ближе к горам небо было ясным и синим. Домашние животные возвращались с пастбища домой, в сопровождении мальчика, которому на вид было десять или двенадцать лет. Несмотря на то, что он провел целый день на пастбище, был уставшим, но настроение было прекрасным. Он что-то напевал, иногда подгонял животных, которые отбивались от стада или были медлительны. Он улыбнулся, и его темное лицо стало красивым. Остановившись из любопытства возле учителя, он стал задавать вопросы. Деревенский мальчишка не получивший никакого образования, который не мог ни читать, ни писать, уже усвоивший, что значит быть наедине с собой, но не осознававший полностью еще этого чувства, поэтому оно его не угнетало. Он был просто один и был доволен. Он был доволен ни чем-то, а был просто доволен. Быть довольным чем-то значит быть недовольным. Искать удовлетворенность через взаимоотношения — значит быть в страхе. Удовлетворенность, которая зависит от взаимоотношений, — это всего лишь удовлетворение. Удовлетворенность — это состояние независимости. Зависимость всегда приносит конфликт и неприятие. Должна возникнуть свобода, чтобы быть довольным. Свобода есть и должна всегда быть в начале, это не результат, не цель, которую нужно достичь. Никогда нельзя быть свободным в будущем. Будущая свобода не имеет никакого отношения к настоящему, это всего лишь идея. Настоящее — это то, что есть, а пассивное осознание того, что есть, является удовлетворенностью.

Профессор сказал, что преподавал в течение многих лет, с тех пор, как закончил колледж, у него в подчинении было большое количество парней в одном из правительственных учреждений. Он выпускал студентов, которые могли сдать экзамены, что являлось именно тем, чего хотели правительство и родители. Конечно, и исключительные юноши попадались, которым предоставлялись особые возможности, давались ученые степени и тому подобное, но подавляющее большинство были безразличны, глупы, ленивы и несколько избалованы. Были и те, кто кое-чего добивался в любой области, чем бы они ни занимались, но только в очень немногих горел огонь творчества. На протяжении всех лет преподавания, талантливые юноши были большой редкостью. Время от времени появлялся тот, кто, возможно, обладал качествами гения, но обычно случалось так, что он тоже вскоре был задушен своим окружением. Как преподаватель он посетил много стран, чтобы изучить вопрос исключительности юношей, и всюду было то же самое. Он теперь отходил от профессии преподавателя, поскольку после стольких лет работы, такое положение дел его очень печалило. Как бы хорошо мальчишки ни были образованы, в целом они оказывались глупцами. Некоторые были умными или положительными и занимали высокие посты, но за призмой их престижа и влияния они были столь же мелочны и снедаемы беспокойством, как и остальные.

«Современная система образования — это провал, поскольку она породила две разрушительные войны и ужасную нищету. Умения читать и писать и приобретения различных навыков, что является тренировкой памяти, явно недостаточно, так как это привело к неслыханному горю. Что вы считаете конечной целью образования?»

Разве оно не должно воспитать цельную натуру, личность? Если это — «цель» образования, то нам должно быть понятно, личность существует для общества, или же общество существует для личности. Если общество нуждается и использует индивидуума для его собственных целей, тогда оно не заинтересовано в воспитании цельной натуры.

То, что оно хочет, это продуктивную машину, приспособляющегося и уважаемого

гражданина, и это требует лишь очень поверхностного объединения. Пока индивидуум повинуется и желает полностью соответствовать условиям, общество будет считать его полезным и будет тратить на него время и деньги. Но если общество существует для индивидуума, то это должно помочь в освобождении его от влияния созданных им же, обществом, условий. Оно должно обучить его быть цельной личностью.

«Что вы подразумеваете под цельной личностью?»

Чтобы ответить на этот вопрос, надо приблизиться к нему пассивно, косвенно, нельзя рассматривать его активно.

«Я не понимаю, что вы имеете в виду».

Активно заявлять, что такое цельная личность, значит только создавать образец, некую форму, пример, которому мы пробуем подражать. И разве имитация образца — это не признак распада? Когда мы пробуем копировать пример, разве может возникнуть объединение? Несомненно, имитация — это процесс распада, и разве это не то, что происходит в мире? Мы все превращаемся в граммофонные пластинки: мы повторяем то, чему нас учили так называемые религии, или то, что сказал самый последний политик, экономист или религиозный лидер. Мы твердо придерживаемся идеологий и посещаем политические массовые митинги. Существует массовое увлечение спортом, массовое поклонение, массовый гипноз. Разве это признак объединения? Соответствие — это ведь не объединение, не так ли?

«Это ведет к самому фундаментальному вопросу дисциплины. Вы против дисциплины?»

Что вы подразумеваете под дисциплиной?

«Существует много видов дисциплины: в школе, гражданства, партийная, общественная и религиозная и самодисциплина. Дисциплина может быть по внутреннему или внешнему авторитету».

По сути, дисциплина подразумевает некоторое соответствие чему-то, не так ли? Это соответствие идеалу, авторитету, это культивирование сопротивления, которое вынужденно порождает неприятие. Сопротивление — это неприятие. Дисциплина — это процесс изолирования, неважно, идет ли речь об изоляции обособленной группы, или изоляции при индивидуальном сопротивлении. Имитация — это форма сопротивления, разве не так?

«Вы имеете в виду, что дисциплина уничтожает объединение в целое? Что случилось бы, если в школе не было бы дисциплины?»

Неужели не важно понять суть значения дисциплины, а не приходить к умозаключениям или приводить примеры? Мы пробуем увидеть, каковы факторы распада, или что препятствует объединению. Разве дисциплина в смысле соответствия, со противления, противостояния, противоречия, — это не один из факторов распада? Зачем нам соответствовать чему-то? Не только для физической безопасности, но также и для психологического комфорта, безопасности. Сознательно или подсознательно, страх оказаться в опасности приводит к соответствию, и внешне, и внутренне. Нам всем нужна определенная физическая безопасность, но именно страх психологической опасности делает физическую безопасность невозможной. Страх — вот основа всякой дисциплины: страх не быть успешным, страх наказания, страх не получить что-то и так далее. Дисциплина — это уподобление чему-то, подавление, сопротивление, и либо сознательно, либо подсознательно, она — это результат страха. Разве не страх — один из факторов распада?

«Чем бы вы заменили дисциплину? Без дисциплины возник бы даже больший хаос, чем теперь. Разве некая форма дисциплины не необходима для действия?»

Понимание ложного как ложного, видение истинного в ложном и видение истинного как истинного — вот начало интеллектуального развития. Это не вопрос замены. Вы не можете чем-то заменить страх. Если вы так поступаете, страх все еще есть. Вы можете успешно прикрывать

его или убегать от него, но страх остается. Именно устранение страха, а не нахождение его замены является важным. Дисциплина в любом виде вообще никогда не может привести к освобождению от страха. Страх нужно наблюдать, изучать, понимать. Страх — это не абстракция, он возникает только по отношению к чему-то, и именно это отношение необходимо понять. Понимать не означает сопротивляться или противопоставлять. Разве тогда дисциплина, в более широком и более глубоком ее смысле, не фактор распада? Не является ли страх, со следующим за ним подражанием и подавлением, силой распада?

«Но как освободиться от страха? В классе, где много студентов, если не будет какой-то дисциплины или, если вы предпочитаете, страха, как может быть там порядок?»

С помощью наличия небольшого количества студентов и правильной формы образования. Это, конечно, невозможно, пока государство заинтересовано в массово производимых гражданах. Государство предпочитает массовое образование, правители не хотят поддержки недовольства, поскольку их положение оказалось бы вскоре ненадежным. Государство контролирует образование, оно вмешивается и создает условия для человеческого развития ради собственных нужд. И самый легкий способ сделать это — через устрашение, через дисциплину, через наказание и награду. Свобода от страха — это другой вопрос, страх нужно понять, а не отвергать, подавлять или возвеличивать.

Проблема распада довольно-таки сложна, подобно любой другой человеческой проблеме. Разве противоречие — это не есть фактор распада?

«Но противоречие необходимо, иначе мы деградировали бы. Без борьбы не было бы прогресса, продвижения, культуры. Без усилия, и конфликта мы были бы все еще дикарями».

Возможно, мы все еще и есть. Почему мы всегда перепрыгиваем к умозаклучениям или противимся, когда что-то новое предлагается? Мы явно являемся дикарями, когда убиваем тысячи по одной или другой причине, ради нашей страны. Убийство человека — вот наивысшая дикость. Но давайте продолжим то, о чем мы говорили. Действительно ли конфликт — это не признак распада?

«Что вы подразумеваете под конфликтом?»

Конфликт в любой его форме: между мужем и женой, между двумя группами людей с противоречивыми идеями, между тем, что есть, и традицией, между тем, что есть, и идеалом, тем, что должно быть, будущим. Конфликт — это внутренняя и внешняя борьба. В настоящее время конфликт имеется на всех разных уровнях нашего существования, сознательный, также как неосознанный. Наша жизнь — это ряд конфликтов, поле битвы — и ради чего? Мы понимаем с помощью борьбы? Могу ли я понять вас, если я конфликтую с вами? Чтобы понимать, должен возникнуть некий мир. Творчество может происходить только в мире, в счастье, а не когда есть конфликт, борьба. Наша постоянная борьба происходит между тем, что есть, и тем, что должно быть, между утверждением и противопоставлением. Мы принимали такой конфликт как неизбежное, а неизбежное превратилось в норму, в истинное, хотя, возможно, оно ложно. Неужели с помощью конфликта можно преобразовать то, что

есть, в его противоположность? Я есть это, и, борясь, чтобы быть тем, которое является противоположностью, изменил ли я это! Разве противоположность, противопоставление, это не видоизмененное проецирование того, что есть? Не имеет ли всегда противоположность элементы ее собственной противоположности? Через сравнение возникает ли понимание того, что есть! Разве не любое умозаклучение относительно того, что есть, является помехой для понимания того, что есть! Если бы вы поняли что-то, не должны ли вы были наблюдать за этим, изучать его? Можете ли вы свободно изучать его, если вы предвзято за или против этого? Если вы поняли бы вашего сына, вам бы не пришлось изучать его, не отождествляя его с собой, не осуждая его? Наверняка, если вы конфликтуете с вашим сыном, то нет никакого понимания его.

Итак, является ли конфликт необходимым для понимания?

«Разве нет другого вида конфликта, конфликта обучения, как делать что-либо, приобретения навыков? У кого-то может быть интуитивное видение чего-либо, но это необходимо доказать, и претворение его в жизнь — это борьба, она влечет за собой много беспокойства и боли».

В некотором роде, это так. Но разве само создание не есть средство? Средства неотделимы от цели, цель соответствует средствам. Выражение соответствует творчеству, стиль соответствует тому, что вам нужно сказать. Если вам есть что сказать, то само это «что-то» создает свой собственный стиль. Но если кто-то просто человек, знающий свое дело, то нет никакой жизненно важной проблемы.

Действительно ли конфликт в любой сфере полезен для понимания? Нет ли непрерывной цепи конфликтов в усилении, желании быть, стать, активно или пассивно? Разве причина конфликта не становится следствием, которое в свою очередь становится причиной? И нет никакого освобождения от конфликта, пока нет понимания того, что **есть**. То, что **есть**, никогда не может быть понято через призму идеи, к нему нужно приблизиться с чистого листа. Поскольку то, что **есть**, никогда не находится в статике, ум не должен быть привязан к знанию, к идеологии, к вере, к умозаключению. По своей сути, сам конфликт имеет свойство разделять, как и всякое возражение, и разве исключение, разделение не фактор распада? Любая форма власти, неважно, индивидуума или государства, любое усилие стать большим или стать меньшим, является процессом распада. Все идеи, веры, системы мышления являются разделяющими, исключаящими. Усилие, конфликт не может ни при каких обстоятельствах привести к пониманию, и это фактор вырождения как для личности, также и для общества.

«Что же тогда является объединением в целое? Я более или менее понимаю, что является факторами распада, но это только отрицание. Через отрицание нельзя прийти к объединению. Я могу знать, что есть неправильное, но это не означает, что я знаю, что есть правильное». Конечно, когда ложное рассматривается как ложное, истинное просто **есть**. Когда каждый осознает факторы вырождения не просто на словах, но глубоко, тогда разве это не объединение? Находится ли объединение в статике, это что-то, что можно получить и чем можно завершить? Объединение не может быть достигнуто, достижение — это смерть. Оно — не цель, результат, а состояние бытия, оно живое, а как может быть целью, результатом живое существо? Желание быть объединенным не отличается от любого другого желания, а всякое желание — это причина конфликта. Когда нет конфликта, есть объединение. Объединение — это состояние полного внимания. Не может быть полного внимания, если присутствует усилие, конфликт, сопротивление, концентрация. Концентрация — это фиксация, концентрация — процесс разделения, исключения, а полное внимание невозможно, когда существует исключение. Исключать означает сужать, а узкое никогда не сможет познать полное. Полное, всеобъемлющее внимание невозможно, когда присутствует осуждение, оправдание или отождествление с чем-то, или когда ум омрачен умозаключениями, предположениями, теориями. Когда мы поймем эти помехи, тогда только возникнет свобода. Свобода — это абстракция для человека в тюрьме, но пассивная наблюдательность разоблачает эти помехи, и со свободой от них, возникает объединение.

Слияние думающего и его мыслей

Это был маленький, но очень красивый пруд. Трава покрывала его берега, и несколько ступеней вели к нему вниз. В одном конце стоял маленький, белый храм, и вокруг него росли высокие, стройные пальмы. Храм был превосходно выстроен, и о нем хорошо заботились. Он был безупречно чист, и в тот час, когда солнце было далеко за пальмовыми рощами, там не было никого, даже священника, который служил в храме. Маленький, словно игрушечный, храм придавал пруду атмосферу умиротворения. Место было таким тихим, что даже птицы умолкали, находясь возле него. Небольшой ветерок, тихонько шелестел в пальмах, и по небу проплывали облака, сияющие в лучах заходящего солнца. Змея плыла в пруду среди розовых и фиолетовых цветов лотоса. Их тонкий аромат наполнял пруд и его зеленые берега. Природа замерла, очарованная красотой цветов! Они были неподвижными, но некоторые начинали закрываться на ночь. Змея пересекла пруд, подплыла к берегу. Ее глаза были подобны ярким, черным бусинкам, а разветвленный язык играл словно маленькое пламя, указывая змее путь.

Предположение и воображение — это помеха для истины. Ум, который предполагает, никогда не сможет познать красоту того, что **есть**. Он пойман в сети собственных образов и слов. Как бы далеко он ни блуждал в своем воображении, это все еще под тенью собственной структуры и никогда не может увидеть то, что вне его. Чувствительный ум — это не образный ум. Способность создавать картинки ограничивает ум, такой ум привязан к прошлому, к воспоминанию, которые оупляют его. Только спокойный ум чувствителен. Накопление в любой его форме — это бремя, и как ум может быть свободным, когда он обременен? Только свободный ум чувствителен. Открытое — это неуловимое, непостижимое, неизвестное. Воображение и предположение препятствуют открытости, чувствительности.

Он говорил, что потратил много лет на поиски истины. Общался со многими учителями, гуру, и, находясь все еще в паломничестве, остановился здесь, чтобы понять еще кое-что. Бронзовый от солнца и исхудавший, он был отшельником, который отказался от мирского и оставил свою родную страну. С помощью практики определенных дисциплин он с большим трудом научился концентрироваться и подавил свои потребности. Ученый, с заготовленными цитатами, он был хорош в спорах и быстр в своих умозаключениях. Он научился санскриту, и его резонансные фразы были легки для него. Все это придало некоторую остроту его уму, но ум, который отточили, не гибок, не свободен.

Чтобы понимать, делать открытия, должен ли ум быть свободным с самого начала? Может ли когда-либо ум, который дисциплинирован, подавлен, быть свободным? Свобода — это не финальная цель, она Должна быть в самом начале, не так ли? Ум, который дисциплинируется, контролируется, является свободным в пределах его собственного образца, это не свобода. Результат дисциплины — это соответствие, его путь ведет к известному, а известное никогда не является свободным. Дисциплина с ее страхом — это жажда достижения.

«Я начинаю осознавать, что кое-что существенно неправильно во всех этих дисциплинах. Хотя я провел множество лет в попытке сформировать мои мысли по желаемому образцу, я нахожу, что нисколько не продвинулся».

Если средства искусственные, то цель получается копией. Средства создают цель, разве не так? Если уму с самого начала придали нужную форму, в конце он также должен соответствовать условиям, и как обусловленный ум может когда-либо быть свободным? Средства — это цель, они — это не два отдельных процесса. Это заблуждение — считать, что с помощью неправильных средств можно достичь истинного. Когда средства являются подавлением, цель также должна быть продуктом страха.

«У меня неопределенное чувство несоответствия дисциплин, даже когда я занимаюсь ими, так как я все еще делаю это, теперь они все для меня не более чем неосознанная привычка. С детства мое образование было процессом соответствия, и дисциплина во мне присутствовала почти инстинктивно с тех пор, как я впервые надел эту робу. Большинство книг, которые я читал, и все гуру, у кого я побывал, предписывают контроль в одной или другой форме, и вы представления не имеете, как энергично я принимался за него. Так что то, что вы говорите, кажется почти богохульством, это — настоящее потрясение для меня, но, очевидно, это истина. Так мои годы были потрачены впустую?»

Они были бы потрачены впустую, если бы ваши практики сейчас помешали пониманию, восприимчивости к истине, то есть если бы эти препятствия не наблюдались с мудростью и не были бы глубоко осознаны. Мы так укреплены в наших собственных фантазиях, что большинство из нас не осмеливается взглянуть на это или за пределы этого. Само побуждение понимать — вот начало свободы. Так в чем же наша проблема?

«Я ищу истину, и я превратил разного рода дисциплины и практики в средства для этой цели. Мой самый глубокий инстинкт торопит меня искать и находить, и мне не интересно что-либо другое».

Давайте начнем с ближайшего, чтобы перейти к далекому. Что вы подразумеваете под поиском? Вы ищете истину? А можно ли ее найти с помощью поиска? Чтобы стремиться к истине, вы должны знать, что она из себя представляет. Поиск подразумевает предвидение, что-то уже прочувствованное или известное, не так ли? Неужели истина — это что-то, что нужно разузнать, приобрести и удержать? Разве указание на нее — не проекция прошлого и, следовательно, не истина вообще, а лишь воспоминание? Поиск представляет собой внешне направленный или внутренний процесс, не так ли? А не должен ли ум умолкнуть для того, чтобы действительно быть? Поиск — это усилие, чтобы получить больше или меньше, это активное или пассивное стяжательство, и пока ум — концентрация, центр усилия, конфликта, может ли он когда-либо быть спокойным? Может ли ум быть спокойным через усилие? Его можно заставить успокоиться через принуждение, но то, что искусственно сделано, может быть разрушено.

«Но разве усилие в некотором роде не существенно?»

Мы увидим. Давайте исследуем суть поиска. Чтобы искать, необходим ищущий, сущность, независимая от того, что он ищет. А есть ли такая независимая сущность? Является ли думающий, переживающий отличным или не зависимым от своих мыслей и опытов? Без исследования этой целостной проблемы медитация не имеет никакого значения. Так что нам надо понять ум, процесс в «я». Каков ум, который ищет, который выбирает, который боится, который отрицает и оправдывает? Что такое мысль?

«Я никогда таким образом не подходил к этой проблеме, и теперь довольно-таки смущен, но, пожалуйста, продолжайте».

Мысль — это ощущение, не так ли? Через восприятие и контакт возникает ощущение, от этого возникает желание, желание этого, а не того. Желание — это начало отождествления: «мое» и «не мое». Мысль — это ощущение в словах, мысль — отклик памяти, слова, опыта, образа. Мысль преходяща, изменчива, непостоянна, а ищет-то она постоянство. Поэтому мысль создает мыслителя, который затем становится постоянным. Он принимает на себя роль цензора, руководителя, контролера, формирующего мысли. Такая иллюзорно постоянная сущность — это продукт мысли, преходящего процесса. Эта сущность есть мысль, без мысли его нет. Думающий состоит из качеств, его качества неотделимы от него самого. Контролер есть контролируемое, он просто играет во вводящую в заблуждение игру с самим собой. Пока ложное не осознано как ложное, истины нет.

«Тогда кто является понимающим, переживающим, сущностью, которая говорит: „Я понимаю“?»

Пока есть переживающий, помнящий об опыте, истины нет. Истину нельзя запомнить, сохранить, записать и затем выпустить наружу. Что накоплено — не истина. Желание испытать порождает переживающего, который затем сохраняет все и помнит. Желание приводит к отделению думающего от его же мыслей. Желание стать кем-то, испытать, быть большим или быть меньшим приводит к разделению между переживающим и опытом. Понимание сути желания — это самопознание. Самопознание — это начало медитации.

«Как может возникнуть слияние думающего с его мыслями?»

Не через волевое действие, не через дисциплину, не через любую форму усилия, контроля или концентрации, не через любые другие средства. Использование средств подразумевает субъекта, который действует, не так ли? Пока есть действующий, будет существовать разделение. Слияние происходит только тогда, когда ум действительно совершенно спокоен. Такое спокойствие возникает, не когда думающий умолкает, а только когда сама мысль умолкает. Должна быть свобода от отклика на созданные условия, что является мыслью. Каждая проблема решается только когда нет идеи, умозаключения. Умозаключение, идея, мысль — это волнение ума. Как может быть понимание, когда ум взволнован? Горячность должна быть приведена в смирение быстрой игрой спонтанности. Если вы слышали все сказанное, то обнаружите, что истина приходит в те моменты, когда ее не ждете, будьте открыты, чувствительны, полностью осознавайте то, что *есть*, от мгновения до мгновения. Не стройте вокруг себя стену неприступной мысли. Блаженство истины приходит, когда ум не поглощен действиями и борьбой.

Что оглуляет вас?

У него была неинтересная, малооплачиваемая работа. Он пришел с женой, которая хотела поговорить об их проблеме. Оба были весьма молоды, и хотя прожили в браке несколько лет, детей у них не было. Но не это было проблемой. Его зарплаты хватало только чтобы сводить концы с концами в эти трудные времена, но так как у них не было детей, этого было достаточно, чтобы выжить. Что ждало их в будущем, они не знали, хотя оно вряд ли было бы хуже, чем настоящее. Он не был готов к беседе, но его жена уговорила, что он должен сделать это. Она привела его, казалось, почти насильно. Он не мог правильно изложить свои проблемы, так как никогда ни с кем не обсуждал эту тему, иногда только с женой. Друзей у него было немного, но даже им он никогда не открывал своего сердца, так как был уверен — они бы не поняли его. Когда он разговорился, то стал более откровенен, жена слушала его внимательно. Он объяснил, что проблема была не в работе, она его устраивала, и благодаря ей они могли жить. Они были из простых, скромных семей, и оба получили образование в одном из университетов.

Наконец заговорила о проблеме жена. Она сказала, что вот уже пару лет, как ее муж потерял всякий интерес к жизни. Он выполнял свою работу автоматически, без интереса. Утром уходил на работу, а вечером возвращался, жалоб со стороны его работодателей не было.

«Моя работа — вопрос устоявшейся практики и не требует слишком много внимания. Я заинтересован в том, что делаю, но это в конечной мере напрягает меня. Моя проблема не в работей, и не в сотрудниках, она во мне. Как сказала моя жена, я потерял интерес к жизни, и совершенно не понимаю, что происходит со мной».

«Он был всегда увлеченным, внимательным и нежным, но в течение двух лет стал пассивным и безразличным ко всему. Ко мне он всегда относился с любовью, но теперь все изменилось и жизнь стала очень грустной для нас. Он стал равнодушен ко мне, и стало мукой жить в одном доме. В нем нет злобы или чего-то в этом роде, он просто стал безразличным».

Не потому ли, что у вас нет детей?

«Нет, причина не в этом, — сказал он, — наши взаимоотношения в физическом плане более или менее в порядке. Ни один брак не совершенен, и у нас есть свои взлеты и падения, но я не думаю, что унылость — результат сексуальной дисгармонии, хотя у нас с женой и не было сексуальных отношений в течение некоторого времени из-за моей депрессии. И отсутствие детей не было причиной этому».

Почему вы это рассказываете?

«Мы с женой поняли, что не можем иметь детей прежде, чем я впал в депрессию. Меня это никогда не беспокоило, а она часто плачет по этому поводу. Она хочет детей, но очевидно, один из нас бесплоден. Я предложил несколько вариантов, которые помогли бы нам иметь ребенка, но она отвергла их все, решила, что будет иметь ребенка только от меня или вообще не будет. В конце концов, дерево живет и без плодов — просто, оно декоративно. Мы жили ожиданием чуда. Я понимаю, что нельзя в жизни иметь все, и не отсутствие детей привнесло безразличие в наши отношения, я совершенно уверен в этом».

Не грусть ли жены так повлияла на вашу жизнь?

«Сэр, мы с мужем полностью обсудили вопрос. Конечно, я печалюсь из-за отсутствия детей, но молю Бога, чтобы моя мечта сбылась. Муж, конечно, хочет, чтобы я была счастлива, но его уныние не из-за моей печали. Если бы у нас родился ребенок, я была бы очень счастлива, но в его жизни не произошло бы изменений, и я предполагаю, что так с большинством мужчин. Он страдает депрессией в течение двух лет, это какая-то внутренняя боль. Раньше он говорил со мной обо всем: делился радостями, печалью, говорил о любви ко мне, раньше он открывал мне

свое сердце. Но теперь оно закрыто, а его мысли — где-то далеко. Я пыталась найти подход к нему, но все безрезультатно».

Вы жили врозь какое-то время, чтобы разобраться в проблеме?

«Да. Я жила у родителей около полугода. Мы переписывались. Но разлука не принесла положительных результатов. Что бы мы ни делали — все вело к ухудшению. Он сам себе готовил еду, очень редко выходил на улицу, держался подальше от друзей и все больше уходил в себя. Вообще-то он никогда не был слишком общителен. Даже после нашего разъезда в нем не произошло позитивных перемен».

Считаете ли вы, что уныние — прикрытие, напускной вид, бегство от некой внутренней тоски?

«Боюсь, я не понимаю, что вы имеете в виду».

Возможно, у вас есть сильная тоска по чему-нибудь, которая нуждается в утлении, и поскольку она не находит выхода, возможно через уныние вы убегаете от боли.

«Я никогда не думал, прежде мне и в голову не приходило такое. Как мне разобраться в этом?»

Почему вам раньше это не пришло в голову? Вы когда-либо спрашивали себя, почему вы стали унывать? Разве вам не хочется прояснить ситуацию?

«Удивительно, но я никогда не спрашивал себя, в чем причина этого уныния. Я никогда не ставил перед собой этот вопрос». Теперь, когда вы задаете себе этот вопрос, каков ваш ответ?

«Кажется, ответа нет. Но я действительно подавлен унынием. Прежде со мной ничего подобного не происходило».

В конце концов, важно знать свое внутреннее состояние. Это уже первый шаг на пути к разгадке проблемы. Вы никогда прежде не спрашивали себя, почему вы унылы, апатичны, вы просто принимали это, и все продолжалось дальше, не так ли? Хотите ли вы понять то, что сделало вас таким, или вы смирились с вашим теперешним состоянием?

«Боюсь, что он просто покорился ему без всякого сопротивления».

Вы хотите преодолеть это состояние, верно? Вы хотите поговорить без вашей жены?

«О, нет! У меня нет секретов от жены. У меня нет женщины на стороне, и наши сексуальные отношения тоже не причина моей проблемы».

Рисуете ли вы или пишете?

«Я всегда хотел писать, но никогда не рисовал. Во время прогулок мне раньше приходили в голову некоторые идеи, но сейчас даже это прошло».

Почему бы вам не попробовать записать что-нибудь на бумаге? Не имеет значения что вы напишите. Вам не надо показывать это кому бы то ни было. Почему бы вам не попробовать? Но вернемся к нашей теме. Хотите ли вы выяснить, чем же вызвано уныние, или же хотите оставить все, как есть?

«Я хотел бы забыть прошлое, отказаться от всего и найти свое счастье». Это то, что вы хотите сделать? Тогда почему бы вам не поступить именно так? Вы колеблетесь из-за вашей жены?

«Такой я не нужен жене».

Вы считаете, что найдете счастье, изолировав себя от жизни? Разве вы сейчас недостаточно изолировали себя? Отказаться, чтобы найти, — вовсе не отказ, а всего лишь хитрая сделка, обмен, продуманный ход, чтобы получить что-то. Вы отказываетесь от одного, чтобы получить другое. Отречение с целью — это только лишь уступка, чтобы далее извлечь пользу. Но сможете вы иметь счастье через изоляцию, через разобщение? Разве жизнь — не общение, контакт, общность? Вы можете отойти от одного вида общения, чтобы найти счастье в другом, но полностью вы не сможете отказаться от контакта. Даже в полной изоляции вы находитесь в

контакте с вашими мыслями, с самим собой. Самоубийство — вот полнейшая изоляция.

«Конечно же, я не хочу совершать самоубийство. Я хочу жить, но я не хочу, чтобы продолжалось все, как есть».

Вы уверены, что не хотите, чтобы все продолжалось, как есть? Вы понимаете, что есть явная причина, которая делает вас унылым, и вы хотите убежать от этого с помощью дальнейшей изоляции. Убегать от того, что **есть**, означает изолировать себя. Вы хотите изолировать себя, возможно, временно, надеясь на счастье. Но вы уже изолировали себя — и почти полностью. Еще большая изоляция, которую вы вызываете отречением, является только еще большим уходом от жизни. И можете ли вы иметь счастье через все более и более глубокую самоизоляцию? В природе «я» заложено изолировать себя, само его качество — это исключительность. Быть исключительным означает отказываться, чтобы извлекать пользу. Чем больше вы уходите от общения, тем больше конфликт, сопротивление. Ничто не может существовать в изоляции. Какими бы болезненными ни были отношения, их необходимо терпеливо и полностью понимать. Конфликт приводит к унынию. Стремление стать кем-то, сознательно ли это или подсознательно только приносит проблемы. Вы не можете быть унылым без всякой на то причины, поскольку, как вы говорите, были когда-то бодры и энергичны. Вы не всегда были унылы. Что вызвало эту перемену?

«Вы, кажется, знаете, пожалуйста, скажите ему».

Я бы мог, но ему легче не станет? Он либо примет, либо отклонит это в зависимости от его настроения и пожелания. Но разве не важно, чтобы он сам выяснил? Разве не существенно для него раскрыть целостный процесс и увидеть его суть? Суть — это то, что нельзя сказать другому. Он должен быть способен уловить ее, и никто не сможет приготовить ее для него. Это не безразличие с моей стороны, просто он должен столкнуться с ней открыто, свободно и неожиданно.

Что делает вас унылым? Разве вы не должны узнать это сами? Конфликт, сопротивление приводят к унынию. Мы думаем, что с помощью борьбы обретем понимание, соперничество сделает нас смышленными. Борьба, конечно, придает остроту, но то, что остро, вскоре становится тупым, то, что постоянно используют, вскоре изнашивается. Мы принимаем конфликт как неизбежное и строим нашу систему из мыслей и действий на основе этой неизбежности. Но разве конфликт неизбежен? Неужели нет иного способа проживания? Есть, если мы сможем понять этот процесс и значение конфликта.

И снова — почему вы сделали себя унылым?

«Разве я сделал себя унылым?»

Может ли что-нибудь сделать вас унылыми, если *вы* не желаете быть таким? Эта готовность может быть сознательной или скрытой. Почему вы позволили себе стать унылым? Есть ли в вас глубоко укоренившееся противоречие?

«Если есть, то я совсем не осознаю этого».

Но неужели вам не хочется знать? Разве вы не хотите понять это?

«Я начинаю понимать, к чему вы клоните, — вставила она, — но я не могу сказать мужу о причине его унылости, поскольку и сама не совсем уверена».

Вы можете или не может видеть путь, которым эта унылость пришла к нему, но действительно ли *вы* помогли бы ему, если бы указали на него на словах? Не важно ли, чтобы он обнаружил это сам? Пожалуйста, поймите важность всего этого, и тогда *вы* не будете так нетерпеливы или взволнованы. Можно помочь кому-то, но он сам должен совершить путешествие в открытие. Жизнь нелегка, она очень сложна, но нам нужно обращаться с ней просто. Мы — вот проблема, проблема — это не то, что мы называем жизнью. Мы можем понять проблему, которая является нами самими, только если мы знаем, как обращаться с ней.

Важен подход, а не проблема.

«Но что же нам делать?»

Если вы услышали все, что было сказано, если да, то поймете, что только истина дает свободу. Пожалуйста, не волнуйтесь, а позвольте семенам пустить корни. После нескольких недель они оба возвратились. В их глазах была надежда, а на их губах — улыбки.

Быть открытым миру — означает жить, удалиться от мира — означает умереть

Ураган уничтожил зерновые культуры, и море разлилась по земле. Поезд двигался медленно, по обеим сторонам железнодорожной линии лежали поваленные деревья, стояли дома без крыш и уничтоженные поля. Шторм принес огромный ущерб, на мили вокруг погибло все живое, и обезображенная земля была открыта небу.

Мы никогда не бываем в одиночестве: всегда окружены людьми и собственными мыслями. Даже когда люди отдалены, мы видим вещи сквозь призму наших мыслей. Не бывает такого момента (или он очень редок), когда мысли нет. Мы не знаем, что означает быть наедине с собой, быть свободным от всяких ассоциаций, от всякого продолжения, слова и образа. Мы одиноки, но мы не знаем, что значит быть наедине с собой. Боль одиночества заполняет наши сердца, и ум прикрывает ее страхом. Одиночество, та глубокая изоляция, которая является черной тенью нашей жизни. Мы делаем все возможное, чтобы убежать от него, мы пускаемся в любые варианты бегства, которые знаем, но оно преследует нас, и мы без него не бываем. Изоляция — это способ нашей жизни, мы редко соединяемся в целое с другим, поскольку внутри нас мы надломлены, терзаемы и больны. Внутри нас мы не являемся целым, полным, а соединение с другим возможно только тогда, когда существует объединение внутри себя. Мы боимся одиночества, так как оно приоткрывает дверь к нашей недостаточности, скудности нашего собственного бытия, но именно уединение излечивает углубляющуюся рану одиночества. Пройтись в одиночестве, без препятствий в виде мыслей, в виде следов наших желаний означает выйти за пределы досягаемости ума. Именно ум изолирует, отделяет и разрывает общность. Ум нельзя сделать целостным, он не может сам себя сделать полноценным, поскольку это самое усилие есть процесс изоляции, это часть одиночества, которое ничто не может скрыть. Ум — это результат многих процессов, и то, что собрано воедино, никогда не сможет быть одиноким. Уединение — это не результат мысли. Только когда мысль молчит, происходит плавное перемещение уединенного к уединенному. Дом был довольно-таки далеко от дороги, а его сад удивлял многообразием цветов. Было прохладное утро, а небо было ярко-голубым. Утреннее солнце было приятным, и в тенистом саду приглушались шум движения, крики торговцев и топот лошадей по дороге — все это казалось очень далеким. В сад забрела коза, и стала жевать цветы, пока пришедший садовник не прогнал ее.

Собеседница призналась, что ее не покидает чувство тревоги, и ей хотелось бы избежать болезненного состояния неуверенности.

Что вы подразумеваете под тем, что вам тревожно? И почему вы этого опасаетесь?

«Я хочу быть спокойной, оставаясь наедине с собой. Даже с вами я чувствую себя тревожно, хотя и встречалась с вами несколько раз. Я хочу выяснить, почему во мне присутствует страх и неуверенность. Я хочу быть спокойной и в ладу с собой, но меня всегда тревожит что-нибудь. До настоящего момента мне удавалось более или менее жить в мире с собой, но однажды друг привел меня на одну из ваших бесед, и с тех пор чувство тревоги не оставляет меня. Я надеялась, что вы поможете мне, а получила обратное. Я боялась идти сюда, но тем не менее, я здесь».

Почему вы убеждены в том, что должны находиться в покое? Почему вы делаете из этого проблему? Само требование быть в покое — это конфликт, не так ли? Если позволите спросить, что вы желаете? Если вы хотите быть в уединении, безмятежной и спокойной, то зачем позволять себе быть встревоженной? Вполне осуществимо закрыть все двери и окна собственного бытия, изолировать себя и жить в уединении. Именно этого хотят большинство

людей. Некоторые преднамеренно культивируют изоляцию, а другие из-за желаний и действий, как скрытых, так и явных, сами вовлекают себя в это. Искренние становятся убежденными в правоте своих идеалов и достоинств, которые являются всего лишь защитой; и те, кто беспечен, дрейфуют к изоляции через экономическое давление и социальные влияния. Большинство из нас стремится построить стены вокруг себя, чтобы быть неуязвимым, но, к сожалению, всегда существует щель, через которую вползает жизнь.

«Вообще мне удалось отбросить большинство тревог, но после бесед с вами мне стало еще тревожнее. Пожалуйста, скажите мне, что происходит со мной. Какова причина этого?»

Почему вы хотите знать причину? Понятно, что, узнав ее, вы надеетесь уничтожить следствие. На самом деле вы не хотите узнать, почему вам тревожно, не так ли? Вы только хотите избежать тревоги.

«Я только лишь хочу остаться наедине с собой, в безмятежности и покое, и жить без тревоги».

Вы защитили себя, всю вашу жизнь, верно? В чем вы действительно заинтересованы, так это в выяснении, как заделать все щели, а не в том, как жить без страха, без зависимости. Из всего, что вы сказали и недосказали ясно, что вы пытались сделать вашу жизнь безопасной в отношении к любому виду внутренней тревоги, вы уклонились от любых взаимоотношений, которые могли бы причинить боль. Вы сумели довольно хорошо оградить себя от всякого удара, жить за закрытыми дверями и окнами. Некоторым это удалось, и если достаточно далеко продвинуться, окончательная цель этого — больница, а третьи делают себя богатыми через вещи или знания, которые являются для них гарантией. Большинство людей, включая так называемых религиозных, желает устойчивого состояния покоя, состояния, в котором всякому конфликту пришел бы конец. Тогда появляются те, кто поощряет конфликт как единственное реальное выражение жизни, и конфликт — это их щит против жизни.

Может ли в вас когда-либо воцариться мир, когда стремитесь к защите позади стен ваших страхов и надежд? Всю вашу жизнь вы скрывались от мира, потому что хотите чувствовать себя в безопасности за пределами стен ограниченных взаимоотношений, над которыми можете довлеть. Не в этом ли ваша проблема? Так как вы зависите, то хотите обладать тем, от чего зависите. Вы боитесь и поэтому избегаете любых отношений, над которыми не властны. Не так ли это?

«Это довольно-таки жестоко — выставлять проблему именно так, но, возможно, вы правы».

Если бы вы могли влиять на причину существующей теперь в вас тревоги, вы были бы обеспокоены? Все мы хотим владеть ситуацией, когда мы не понимаем; мы хотим обладать или быть обладаемыми, когда страх присутствует в нас самих. Неуверенность в нас самих приводит к чувству превосходства, исключительности и изоляции. Могу я спросить, чего вы боитесь? Вы боитесь остаться одной, что о вас забудут, что будете неуверенны?

«Всю свою жизнь я жила для других, или может так думала. Я старалась быть идеальной, меня хвалили за аккуратность в выполнении работы. Я жила без уверенности в завтрашнем дне, без детей, без дома. Мои сестры удачно вышли замуж и нашли свое место в жизни, а мои старшие братья занимают высокие должности в правительстве. Когда я навещаю их, то чувствую, что я трачу свою жизнь впустую. Я стала ожесточаться от того, что мои родственники живут не как я. Я ненавижу свою работу, она больше не приносит мне удовлетворения. Я внезапно отвернулась от всего этого. Как вы заметили, я стала жесткой в моей самозащите. Я возложила свои надежды на младшего брата, который несостоятелен и считает себя ищущим Бога. Я пробовала обезопасить себя внутри, но это была долгая и болезненная борьба. Именно младший брат привел меня на одну из ваших бесед, и дом, который я так тщательно строила, начал рушиться. Я бы хотела никогда не приходить и не слышать вас, но я не могу построить его».

заново, и не могу пройти через все эти страдания снова. Вы понятия не имеете, как мне было горько видеть моих братьев и сестер с положением, престижем и деньгами. Я отказалась от них и вижу очень редко. Как вы говорите, я постепенно закрывала дверь от всех взаимоотношений, кроме одного или двух, но случилось несчастье — вы приехали в этот город, и теперь все снова нараспашку, все старые раны ожили, и я глубоко несчастна. Что же мне делать?»

Чем больше мы защищаемся, тем больше нас атакуют, чем больше мы стремимся к безопасности, тем меньше ее получаем. Чем больше мы хотим мира, тем больше наш конфликт, чем больше мы просим, тем меньше мы имеем. Вы попробовали сделать себя неуязвимой, не подверженной ударам, вы сделали свой внутренний мир недоступным, кроме как для одного или двух человек, и закрыли все двери к жизни. Это медленное самоубийство. Почему вы все это сделали? Вы когда-либо задавали себе этот вопрос? Разве вам не хочется знать? Вы пришли, чтобы либо найти способ закрыть все двери, либо обнаружить, как быть открытой, чувствительной к жизни. Чего же вы хотите, не как выбор, а как естественное, спонтанное?

«Конечно, я вижу теперь, что действительно невозможно закрыть все двери, поскольку всегда есть щель. Я осознаю то, что я делала, я вижу, что мой собственный страх неуверенности привел к зависимости и сдерживанию. Очевидно, я не могла сдерживать каждую ситуацию, как бы мне этого ни хотелось, и именно поэтому я ограничивала свои контакты одним или двумя, которые я могла сдерживать и управлять ими. Все это я понимаю. Но как мне быть снова открытой, свободной и без опасения внутренней неуверенности?»

Вы видите необходимость быть открытой и чувствительной? Если вы не видите суть этого, то будете снова тайно строить вокруг себя стены. Видеть суть в ложном — вот начало мудрости, понимать ложное как ложное — вот наивысшее понимание. Понимание того, чем вы занимались все эти годы, может только привести к последующей борьбе и печали, реальному переживанию сути этого всего, что не просто устное принятие, но это положит конец той деятельности. Вы не можете добровольно сделать себя открытой, волевое усилие не сможет сделать вас чувствительной. Само желание быть чувствительным создает сопротивление. Только в понимании ложного как ложного есть освобождение от него. Пассивно наблюдайте ваши обычные реакции, просто осознавайте их без сопротивления, пассивно наблюдайте их, как бы вы наблюдали за ребенком, без удовольствия или отвращения отождествления. Само пассивное наблюдение — это свобода от защиты, от закрытия двери. Быть открытым миру — означает жить, удалиться от мира — означает умереть.

Отчаяние и надежда

Небольшой барабан издавал удары веселого ритма, затем к нему присоединился инструмент из тростника, вместе они заполняли воздух. Барабан преобладал, но он следовал за тростником. Последний останавливался, бывало, но небольшой барабан продолжал, четко и ясно, пока к нему снова не присоединялась песня тростника. Рассвет наступит еще нескоро, птицы молчали, но музыка заполнила тишину. В небольшой деревушке проходила свадьба. В течение предыдущего вечера было много веселья, песни и смех продолжались до поздней ночи. Теперь же голые ветви начали проступать на фоне бледного неба, одна за другой исчезали звезды, и музыка прекратилась тоже. Слышались шум и крики детей, и гомон вокруг единственного в деревне водопроводного крана. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но день уже начался.

Любить — означает переживать все, но переживать без любви — означает жить напрасно. Любовь уязвима, но переживать без этой уязвимости — значит усиливать желание. Желание — это не любовь, и оно не может удержать ее. Желание быстро проходит, а после его исчезновения остается горечь. Желание не может быть остановлено, окончание желания с помощью акта воли, любыми средствами, которые ум может изобрести, приведет к распаду и страданию. Только любовь может приручить желание, но любовь не от ума. Ум как наблюдатель должен прекратить существовать, чтобы возникла любовь. Любовь — это не вещь, которую можно запланировать и искусственно вырастить, ее нельзя купить через жертву или через поклонение. Нет средства для любви. Поиск средства должен прекратиться, чтобы любовь возникла. Спонтанное познает красоту любви, но преследовать ее означает покончить со свободой. Лишь только для свободных есть любовь, но свобода никогда не направляет и не удерживает. Любовь — это ее собственная вечность.

Она говорила непринужденно, и слова приходили к ней естественно. Хотя она была молода, но очень печальна, даже улыбка была грустной. Недавно умер ее муж. Детей у них не было. Брак был не по обоюдному желанию. Она не хотела использовать слово «любовь», но их взаимоотношения были несколько экстраординарными. С того дня, как они поженились, до дня его смерти между ними никогда не проскользнуло ни грубого слова, ни жеста нетерпения, и при этом они никогда не расставались даже на день друг с другом. Между ними было единение, и все остальное — дети, деньги, работа, общество — стало второстепенным по важности. Это единение не было романтической сентиментальностью или выдумкой после его смерти, такие отношения были у них на самом деле. Их радость исходила не от желания, а от чего-то, что было вне и выше физического уровня. Но вот внезапно, два месяца назад, он погиб во время автомобильной катастрофы — водитель автобуса, в котором он ехал, не справился с управлением.

«Теперь я в отчаянии, я пыталась покончить с собой, но не получилось. Я не сплю ночами. Чтобы его забыть, я делала все, только что не прыгала в реку. Свет померк в моих глазах, этот кризис не поддается моему контролю, я в отчаянии».

Она закрыла лицо руками. Через время она продолжила.

«Это не отчаяние, которое можно излечить или стереть. С его смертью всякая надежда пропала. Люди сказали, что я забуду и вновь выйду замуж. Даже если бы я могла забыть, то его нельзя заменить, но я и сама не хочу найти ему замену. Мы живем и умираем с надеждой, но у меня ее нет. Поэтому я погружена в отчаяние и тьму, я не ожесточена, но я не хочу жить. Моя жизнь — это живая смерть, я не хочу чьего-либо участия, любви или жалости. Я хочу остаться в своей темноте, без чувства, без воспоминания».

Вы пришли, чтобы рассказать, что хотите стать более унылой, или же найти поддержку в

вашем отчаянии? Это то, чего вы хотите? Если это так, то у вас будет то, чего вы желаете. Желание столь же гибко, как ум, оно приспособится к чему угодно, придаст себе нужную форму в соответствии с любыми обстоятельствами, выстроит стены, которые не впустят свет. В самом отчаянии — восхищение. Желание создает образ, которому оно будет поклоняться. Если вы желаете жить в темноте, вам это удастся. Неужели это то, зачем вы пришли? Получить поддержку в вашем собственном желании?

«Понимаете, мой друг сказал мне о вас, и я импульсивно пришла. Если бы я прекратила думать, вероятно, я не пришла бы. Я всегда действовала довольно-таки импульсивно, и это никогда не вводило меня в заблуждение. Если вы спросите меня, почему я пришла, все, что я могу ответить, это то, что я не знаю. Я предполагаю, что все мы хотим некую надежду, нельзя жить вечно в темноте».

То, что соединено, нельзя раздробить, то, что объединено, не может быть разрушено. Если есть единение, то смерть не может разделить. Объединение происходит не с другим, а в себе и с собой. Единение различных объектов в себе — это полнота с другими, но полнота с другими — это неполнота в себе. Единение с другим — это все еще неполнота. Объединенная сущность не становится целой за счет другого из-за того, что он полон, полнота присутствует во всех его отношениях. То, что является неполным, не может стать полным благодаря взаимоотношениям. Это иллюзия — считать, что мы наполняемся за счет других.

«Он был наполнен. Я познала красоту и радость».

Но этому пришел конец. Окончание всегда приходит к тому, что является неполным. Единение с другим всегда хрупко, и всегда прекращается. Объединение должно начинаться внутри себя, и только тогда возникает неразрушимое единение.

Путь к объединению — это процесс пассивного размышления, которое является наивысшим пониманием. Вы стремитесь к объединению?

«Я не знаю, к чему я стремлюсь, но мне хотелось бы понять, что такое надежда, потому что она, кажется, играет важную роль в нашей жизни. Когда он был жив, я не думала о будущем, о надежде или счастье, завтра — не существовало. Я просто жила без забот».

Потому что вы были счастливы. Но теперь несчастье, недовольство порождает будущее, надежду или ее противоположность: отчаяние и безнадежность. Странно, не правда ли? Когда мы счастливы, время не существует, вчера и завтра совершенно отсутствуют, у нас не возникает и мысли о про шлом или будущем. Но несчастье приводит к надежде и отчаянию.

«Мы рождаемся с надеждой, и мы несем ее с собой до самой смерти».

Да, именно это мы и делаем, или, скорее, мы рождаемся в страдании, и надежда ведет нас до самой смерти. Что вы подразумеваете под надеждой?

«Надежда — это завтра, будущее, страстное желание счастья, улучшение сегодняшнего дня, продвижение вперед. Это желание иметь более хороший дом, пианино или радио получше, это мечта о социальном усовершенствовании, более счастливом мире и так далее».

Касается ли надежда только будущего? Разве нет надежды в том, что было, в объятиях прошлого? Надежда одновременно и движение мысли вперед и назад. Надежда — это временной процесс, не так ли? Надежда — это желание продолжения того, что было приятно, что может быть улучшено, сделано лучше, а ее противоположность — это безнадежность, отчаяние. Мы колеблемся между надеждой и отчаянием. Мы говорим, что живем благодаря надежде, а надежда находится в прошлом или чаще в будущем. Будущее — это надежда каждого политика, реформатора и революционера, каждого стремящегося к добродетели и к тому, что мы называем Богом. Мы говорим, что живем надеждой, но так ли это? Разве это жизнь, когда будущее или прошлое довлеют над нами? Действительно ли проживание — это движение прошлого к будущему? Когда есть беспокойство о завтрашнем дне, вы живете? Именно потому,

что «завтра» стало настолько важным, возникает безнадежность, отчаяние. Если только будущее важно, и вы живете им и ради него, то прошлое — это средство для отчаяния. Ради надежды на «завтра» вы жертвуете «сегодня», но счастье, оно вечно в «сейчас». Именно несчастные заполняют жизни беспокойством о дне завтрашнем, которое они называют надеждой. Жить счастливо означает жить без надежды. Человек с надеждой — это не счастливый человек, он познает отчаяние. Состояние безнадежности проецирует надежду или негодование, отчаяние или яркое будущее.

«Но то, что вы говорите, означает, что мы должны жить без надежды?»

Неужели нет такого состояния, которое не является ни надеждой, ни безнадежностью, состояние, которое является блаженством? В конце концов, когда вы считали себя счастливой, у вас не было никакой надежды, не так ли?

«Я понимаю то, что вы имеете в виду. У меня не было надежды, потому что он был рядом со мной, и я жила счастливо изо дня в день. Но теперь его нет, и... Мы свободны от надежды только тогда, когда мы счастливы. Именно, когда мы несчастны, снедаемы болезнью, угнетены, эксплуатируемы, «завтра» становится важным. А если завтра невозможно, мы оказываемся в полной темноте, в отчаянии. Но как же остаться в состоянии счастья?»

Во-первых, поймите суть надежды и безнадежности. Просто поймите, что вы были охвачены ложным, иллюзией надежды, а затем отчаянием. Будьте пассивно наблюдательны за этим процессом, что не столь легко, как звучит. Вы спрашиваете, как остаться в состоянии счастья. Разве не сам этот вопрос основан, по существу, на надежде? Вы желаете восстановить то, что вы потеряли, или с помощью неких средств обладать этим снова. Этот вопрос указывает на желание получить, стать, прийти к чему-то, не так ли? Когда вы имеете цель, результат в поле зрения, есть надежда, таким образом снова вы оказываетесь в ловушке вашего собственного несчастья. Путь надежды — это путь будущего, но счастье никогда не являлось вопросом времени. Когда счастье было, вы никогда не задавались вопросом, как сделать, чтобы так продолжалось. Если бы вы спросили, вы бы уже испытывали несчастье.

«Вы имеете в виду, что вся эта проблема возникает тогда, когда кто-то находится в противоречии, в страдании. Но когда кто-то несчастен, он хочет избавиться от этого, что является естественным».

Желание находить выход только приносит другую проблему. Не понимая одну проблему, вы порождаете множество других. Ваша проблема — это несчастье, и, поняв ее, вы получите свободу от всех других проблем. Несчастье — это единственная проблема, которая есть у вас, не запутывайтесь, порождая дальнейшую проблему того, как выйти из этого состояния. Ум ищет надежду, ответ на проблему, выход из нее. Поймите ошибочность этого бегства, и тогда вы окажетесь лицом к лицу с проблемой. Именно эти прямые взаимоотношения с проблемой приводят к переломному моменту, которого мы все время избегаем, но только в полноте и интенсивности переломного момента проблеме приходит конец.

«С тех пор как произошел тот несчастный случай, я чувствовала, что должна забыться в собственном отчаянии, лелеять мою собственную безнадежность, но это было очень тяжело для меня. Теперь я вижу, что мне надо столкнуться лицом к лицу с этим без страха и без чувства неуважения к нему. Понимаете, я чувствовала где-то глубоко внутри, что в некотором роде я проявлю неуважение к нему, если продолжу быть счастливой, но теперь это бремя уже полегче, и я ощущаю счастье, которое не зависит от времени».

Соответствие и свобода

Шторм начался рано утром. Гром и молнии разрезали небо, и шел очень сильный дождь. Он не прекращался весь день, и красная земля впитывала его. Домашние животные укрывались под большим деревом, возле которого стоял маленький белый храм. Дерево было огромным, а поле вокруг — ярко-зеленым. По одной стороне поля пролегла железнодорожная линия, и поезда медленно взбирались на холм, победно сигналив. Иногда на железнодорожную линию выползали большие кобры с красивой окраской, и погибали под колесами проезжающих поездов. Птицы добрались до мертвой змеи, и через некоторое время дорога была чистой. Жизнь наедине с собой требует огромного интеллекта, жить одному и все же быть гибким трудно. Жизнь в уединении, без стен замкнутого в себе удовлетворения, требует чрезвычайной настороженности, поскольку жизнь в уединении потворствует вялости, привычкам, которые устраивают и которые трудно преодолеть. Жизнь в одиночестве потворствует самоизоляции, и только лишь мудрый может жить один без вреда для себя и других. Мудрость — в уединении, но путь одиночества не ведет к мудрости. Изоляция — это смерть, а мудрость не найти в уходе от мира. Нет определенного пути к мудрости, поскольку всякий путь разделяет, исключает. По самой своей природе путь может только привести к изоляции, хотя эту изоляцию называют единством, целым, общностью и так далее. Путь — это процесс исключения, средство исключает, а цель такая же, как и средство. Средства неотделимы от цели, того, что должно быть. Мудрость приходит с пониманием взаимоотношений с полем, проходим, мимолетной мыслью. Уходить от мира, изолировать себя, чтобы найти, значит положить конец к открытию. Взаимоотношения приводят к уединению, что не есть изоляция. Должно быть уединение, но исходящее не от замкнутости ума, а от свободы. Полное — это уединенное, а неполнота ищет путь к изоляции.

Она была писательницей, и ее книги имели весьма большой успех. Она сказала, что ей удалось приехать в Индию только после многих лет. Когда она выехала, то понятия не имела, в каком месте остановиться. Но теперь, в конце концов, ее место назначения стало ясным. Ее муж и вся семья интересовались религиозными вопросами, не поверхностно, а весьма серьезно. Однако она решила оставить их и приехала в надежде найти немного покоя. Она не знала ни единой души в этой стране, когда приехала, и первый год ей было очень трудно. Сначала она отправилась в какой-то ашрам, или общину, о котором она читала. Гуру там был кроткий старик, у которого имелся некоторый религиозный опыт и за счет которого он теперь и жил, постоянно повторяя несколько высказываний на санскрите, которые были понятны его ученикам. Ее пригласили в эту общину, и она легко приспособилась к ее правилам. Она оставалась там в течение нескольких месяцев, но не нашла покоя, так что однажды объявила о своем отъезде. Ученики ужаснулись, что она могла даже подумать о том, чтобы оставить такого мастера мудрости, но она уехала. Затем она отправилась в ашрам посреди гор и оставалась там в течение некоторого времени. Сначала была счастлива, так как там были красивые деревья, ручьи и дикая природа. Дисциплина там была довольно суровая, против которой она не возражала, но, опять же, живые были словно мертвые. Ученики поклонялись мертвому знанию, мертвой традиции, мертвому учителю. Когда она уехала, они также были потрясены и угрожали ей духовной тьмой. Она направились в другую очень известную общину, где повторяли различные религиозные утверждения и регулярно занимались предписанными медитациями. Но постепенно обнаружила, что была вовлечена в ловушку и сокрушалась. Ни учитель, ни ученики не хотели свободы, хотя о ней говорили. Они были заинтересованы поддержанием центра, удержанием учеников во имя гуру. Снова она вырвалась и отправилась в следующее место. И опять та же история, но с немного иным ходом событий.

«Я вас уверяю, я побывала в большинстве серьезных ашрамов, и они все хотят удержать человека, подмять его, чтобы он соответствовал образу мышления, который они называют истиной. Почему все они хотят, чтобы человек соответствовал определенной дисциплине, образу жизни установленным учителем? Почему происходит так, что они никогда не дают свободу, а лишь обещают ее?»

Соответствие удовлетворяет, оно ручается за безопасность ученика и придает мощь ученику, так же как и учителю. Через соответствие возникает укрепление власти, светской или религиозной, а соответствие приводит к унынию, которое они называют покоем. Если кто-то хочет избежать страданий через некую форму сопротивления, почему бы не пойти тем путем, хотя он влечет за собой определенное количество боли? Соответствие обезболивает ум по отношению к противоречию. Мы хотим, чтобы нас сделали тупыми, нечувствительными. Мы пытаемся укрыться от уродливого, и таким образом мы также делаем себя невосприимчивыми к прекрасному. Соответствие авторитету мертвых или живых дает мощное удовлетворение. Учитель знает, а вы не знаете. Было бы глупо с вашей стороны пробовать выяснить что-нибудь непосредственно самим, когда успокаивающий вас учитель это уже знает, так что вы становитесь его рабом, а рабство лучше, чем смятение. Учитель и ученик процветают благодаря взаимной эксплуатации. В действительности вы не идете в ашрам за свободой, не так ли? Вы идете туда, чтобы успокоиться, чтобы жить жизнью замкнутой дисциплины и веры, поклоняться и, в свою очередь, быть полоняемой, и все это называют поиском истины. Они не могут предложить свободу, поскольку это уничтожило бы их самих. Свободу нельзя найти ни в какой-либо изолированной общине, ни в какой-либо системе или вере, ни через соответствие и страх, называемые дисциплиной. Дисциплина не может предложить свободу, она может обещать, но надежда — это не свобода. Подражание как средство для свободы есть само опровержение свободы, поскольку средство — это цель, копирование приводит к дальнейшему копированию, а не к свободе. Но нам нравится обманывать себя, и именно поэтому принуждение или обещание заботы существует в различных и тонких формах. Надежда — это отвержение жизни.

«Теперь я избегаю все ашрамы, как саму чуму. Я шла к ним за покоем, а получала принуждение, авторитарные доктрины и тщетные обещания. С каким рвением мы принимаем обещания гуру! Насколько мы слепы! Наконец-то, после стольких лет, я полностью лишена всякого желания преследовать ими обещанную награду. Физически я истощена, как видите, так как по глупости я действительно практиковала их призывы. В одном из тех мест, где учитель возвышен и очень популярен, когда я сказала им, что еду к вам, они вознесли свои руки к небу, и у некоторых выступили на глазах слезы. Это было последней каплей! Я приехала сюда, потому что хочу поговорить о том, что волнует мое сердце. Я намекнула на это одному из учителей, и его ответом было то, что я должна контролировать свои мысли. Это так. Боль одиночества больше, чем я могу вытерпеть, это не физическое одиночество, которое является долгожданным, но глубокая внутренняя боль от существования в одиночку. Что мне с этим делать? Как я должна расценивать эту пустоту?»

Спрашивая о пути, вы становитесь последователем. Оттого, что вас одолевает боль одиночества, вы хотите помощи, и само требование руководства открывает дверь к принуждению, подражанию и страху. «Как» — ни капли не важно, так что давайте лучше поймем суть этой боли, чем будем пытаться преодолеть ее, избегать или идти за ее пределы. Пока нет полного понимания этой боли одиночества, не может быть никакого покоя, никакого отдыха, а может быть лишь непрерывная борьба. И, осознаем ли мы это или нет, большинство из нас явно или тайно пробует убежать от страха из-за нее. Эта боль возникает только относительно прошлого, а не относительно того, что есть. То, что есть, нужно обнаружить не на словах, теоретически, а непосредственно испытать. Как может быть открытие того, что в

действительности есть, если вы приближаетесь к нему с ощущением боли или страха? Чтобы понять его, не должны ли вы прийти к нему свободно, лишенным всяких прошлых знаний о нем? Не должны ли вы иметь подход к нему со свежим умом, не затуманенным воспоминаниями, привычными реакциями? Пожалуйста, не спрашивайте, как освободить ум, чтобы увидеть новое, а прислушайтесь к сути этого. Одна истина освобождает, а не ваше желание быть свободным. Само желание и усилие быть свободным — это помеха для освобождения.

Чтобы понять новое, не должен ли ум со всеми его умозаключениями, гарантиями безопасности прекратить свою деятельность? Не должен ли он быть спокойным, не искать пути бегства от этого одиночества, лекарства от него? Не нужно ли наблюдать эту боль одиночества с ее колебанием от отчаяния к надежде? Не само ли это колебание приводит к одиночеству и страху из-за него? Разве не сама умственная деятельность — процесс изоляции, сопротивление? Разве не каждая форма взаимоотношений от ума — не путь отделения, ухода от жизни? Разве не сам опыт — это процесс самоизоляции? Так что проблема не в боли одиночества, а в уме, который проецирует проблему. Понимание ума — вот начало свободы. Свобода — это не что-то в будущем — это самый первый шаг. Деятельность ума может быть понята только в процессе реакции на каждый вид стимулирования. Стимулирование и реакция — это взаимоотношения на всех уровнях. Накопление в любой форме, как знание, как опыт, как вера, мешает свободе, и только там, где есть свобода, может быть истина. «Но разве усилие не необходимо, усилие, чтобы понять?»

Понимаем ли мы что-нибудь с помощью борьбы, конфликта? Разве понимание не наступает, когда ум совершенно спокоен, когда усилия прекратились? Ум, который заставили замолчать, — это не спокойный ум, это мертвый, нечувствительный ум. Когда есть желание, нет красоты тишины.

Дорога перед домом спускалась к морю, прокладывая свой путь мимо множества маленьких магазинов, многоквартирных домов, гаражей, храмов и мимо пыльного, заброшенного сада. Достигнув моря, она превращалась в большую проезжую часть с такси, грохочущими автобусами и всем тем шумом современного города. Уходя с проезжей части, вы попадали на тихую, укрытую авеню с нависавшими огромными тропическими деревьями, но утром и вечером она была заполнена автомобилями, направлявшимися к шикарному клубу, с полем для гольфа и прекрасными садами. Когда я шел по этой авеню, мне встречалось много нищих, лежащих на тротуаре, они были спокойными и не просили подаяния. Девочка, лет десяти, с широко открытыми глазами лежала головой на консервной банке. Была она грязной, со спутанными волосами, но улыбнулась в ответ на мою улыбку. Чуть дальше с протянутой рукой и очаровательной улыбкой подошла трехлетняя девочка. Мать наблюдала за ней, стоя за деревом. Я взял ее протянутую ручку и мы прошли несколько шагов, затем я вернул ее матери. Так как у меня в этот день не было монеты, то на следующий день при встрече я предложил ей, но маленькая девочка не взяла ее, она хотела поиграть, так что мы играли, и монета досталась матери. Всякий раз, когда я шел по той авеню, маленькая девочка с застенчивой улыбкой и очаровательными глазами была всегда там.

Напротив входа в фешенебельный клуб на земле сидел нищий. Он был укрыт грязным мешком из рогожи, и спутанные волосы были грязны. Иногда, когда я проходил мимо, то видел его лежащим в пыли, голое тело его прикрывал мешок из рогожи, а в другие дни он спокойно сидел, глядя вдаль немигающим взглядом, а над ним нависали массивные тропические деревья. Однажды вечером в клубе была вечеринка. Он был весь освещен, и блестящие автомобили, полные веселых людей, подъезжали к нему, сигналив. Из клуба доносилась ритмичная музыка, громкая и заполняющая все вокруг. Было много полицейских у входа, где собралась большая толпа, чтобы наблюдать, как сытые и шикарно одеты люди приезжали в автомобилях. Нищий же повернулся спиной к этому зрелищу. Какой-то мужчина предложил ему что-то съестное, а другой — сигарету, но он отказался жестом. Он медленно умирал, а мимо проходили безучастные люди.

Тропические деревья казались массивными и фантастическими на фоне темнеющего неба. У них были очень маленькие листья, но их ветви казались огромными, и им были присущи удивительное величие и отчужденность в том городе, наполненном шумом и болью. А море было постоянно движущееся, беспокойное и бесконечное. Виднелись белые паруса, простые пятнышки в той бесконечности, и на танцующих водах луна сделала дорожку из серебра, насыщая красотой землю, отдаленные звезды и человечество. Неизмеримая необъятность, казалось, охватывала все вещи.

Он был молодежьим человеком и приехал из другой части страны, совершив утомительную поездку. Дал клятву не жениться, пока не найдет значение и смысл жизни. Решительный и с долей агрессии, он работал в каком-то офисе. Взял отпуск на некоторый период, чтобы попытаться найти ответ на свой вопрос. Его ум был постоянно занят, он спорил, и был так увлечен собственными ответами и ответами других людей, которых он вряд ли слушает. Ему не удавалось быстро подобрать слова, и он бесконечно цитировал то, что сказали философы и учителя о смысле жизни. Он был измучен и глубоко обеспокоен.

«Без знания смысла жизни все мое существование не имеет никакого значения, и всякое мое действие разрушительно. Я зарабатываю на жизнь, только чтобы выжить, я страдаю, и меня ждет смерть. Это способ жизни, но каков смысл этого всего? Я не знаю. Я побывал у ученых и

различных гуру, некоторые говорят одно, некоторые — другое. Что скажете вы?»

Вы спрашиваете, чтобы сравнить то, что услышите здесь, с тем, что сказано в другом месте?

«Да. Тогда я смогу выбрать, и мой выбор будет зависеть от того, что я посчитаю истинным».

Вы думаете, что понимание того, что является истинным, — это вопрос личного мнения и зависит от выбора? С помощью выбора обнаружите ли вы то, что истинно?

«Как же еще можно обнаружить реальное, если не через умение разбираться, через выбор? Я буду слушать вас очень внимательно, и если то, что вы скажете, будет импонировать мне, я отклоню все то, что другие сказали, и построю свою жизнь согласно цели, которую вы установили. Я совершенно искренен в своем желании выяснить то, в чем истинный смысл жизни».

Сэр, перед продвижением дальше не важно ли спросить себя, способны ли вы к поиску истинного? Это предложено с уважением, а не в духе уничижения. Действительно ли истина — это дело мнения, удовольствия, удовлетворения? Вы говорите, что примете то, что вам будет импонировать, это означает, что вы заинтересованы не в истине, а в том, что, как вы считаете, принесет больше удовольствия. Вы готовы пройти через боль, через принуждение, чтобы получить то, что в конце доставит удовольствие. Вы ищете удовольствие — не истину. Истина — это должно быть что-то вне «нравится» и «не нравится», разве не так? Смирение должно быть началом всякого поиска.

«Именно поэтому я приехал к вам, сэр. Я действительно ищу, я обращаюсь к учителям, чтобы узнать, что является истинным, и я буду следовать за ними в духе смирения и покаяния». Следовать означает отрицать смирение. Вы следуете, потому что желаете преуспеть, получить результат. Амбициозный человек, какой бы тонкой и скрытой ни была его амбиция, никогда не является смиренным. Устремиться за авторитетом и установить его для себя в качестве руководящего принципа означает уничтожить озарение, понимание. Преследование идеала мешает смирению, поскольку идеал — это прославление «я», эго. Как может тот, кто различными способами придает важность «я», когда-либо быть смиренным? Без смирения никогда не может быть действительности.

«Но вся моя забота по прибытию сюда — в том, чтобы выяснить, каков же **истинный** смысл жизни».

Если позволите так сказать, вы просто в ловушке идеи и зациклены на ней. Это то, к чему нужно быть постоянно внимательным. Желая знать истинный смысл жизни, вы прочли многих философов и разыскали многих учителей. Одни говорят это, другие говорят то, а вам хочется знать истину. Теперь же вы хотите знать истину того, что они говорят, или истину вашего собственного исследования?

«Когда вы задаете прямой вопрос, подобно этому, я немного колеблюсь в своем ответе. Есть люди, которые изучили и испытали больше, чем я когда-либо смогу, и это было бы абсурдным самообманом с моей стороны — отбросить, что они говорят, что может помочь мне раскрыть значение жизни. Но каждый говорит согласно его собственному опыту и пониманию, и иногда они противоречат друг другу».

Марксисты говорят одну вещь, а религиозные люди — совершенно другое.

Пожалуйста, помогите мне найти суть всего этого».

Понимать ложное как ложное и истину в ложном, а истинное — как истинное, — нелегко. Чтобы ясно воспринимать, должна быть свобода от желания, которое вертит умом и создает условия. Вы так стремитесь найти истинное значение жизни, что само ваше рвение становится помехой для понимания вашего собственного любопытства. Вы хотите знать истину того, что вы прочитали и о чем рассказали ваши учителя, не так ли?

«Да, совершенно точно».

Тогда вы сами должны быть способны выяснить, что является истинным во всех этих утверждениях. Ваш ум должен быть способен к прямому восприятию, в противном случае он заблудится в джунглях идей, мнений и верований. Если ваш ум не имеет способности видеть то, что истинно, вы будете подобны листку, подхваченному ветром.

Что является важным, это не умозаключения и утверждения других, кем бы они ни были, а чтобы вы имели понимание того, что является истинным. Разве не это наиболее существенно?

«Думаю, что да, но как же мне получить этот дар?»

Понимание — это не дар, припасенный для немногих, оно приходит к тем, кто искренен в своем самопознании. Сравнение не вызывает понимание, сравнение — это другая форма отвлечения, поскольку осуждение — это уклонение. Чтобы возникла истина, ум не должен сравнивать, оценивать. Когда ум сравнивает, оценивает, он не спокоен, он занят. Занятый ум не способен к ясному и простому восприятию.

«Означает ли это тогда, что я должен избавиться себя от всех ценностей, которые взрастил, от знаний, которые накопил?»

Разве не должен ум быть свободным, чтобы совершать открытия? Разве знания, информация — умозаключения и опыты, собственные и чужие — это огромное, накопленное бремя памяти — приносит свободу? Есть ли свобода, пока существует надсмотрщик, который судит, порицает, сравнивает? Ум никогда не молчит, если он всегда приобретает и рассчитывает, а не должен ли ум быть спокойным, чтобы возникла истина?

«Я понимаю это, но разве вы не слишком много требуете от простого и невежественного ума подобно моему?»

Это вы-то просты и невежественны? Если бы вы действительно были таким, это было бы огромное удовольствие — начать с истинного исследования, но, к сожалению, вы не такой. Мудрость и истина приходят к тому, кто честно говорит: «Я невежа, я не знаю». Простые, невинные, а не те, кто обременен знанием, увидят свет, потому что они скромны.

«Я хочу только одного: узнать истинный смысл жизни, а вы забрасываете меня вещами, которые недоступны для меня. Не могли бы вы, пожалуйста, сообщить мне простыми словами, в чем же истинное значение жизни?» Сэр, вы должны начать с близлежащего, чтобы пойти далеко. Вы хотите огромного, не видя то, что рядом. Вы хотите узнать значение жизни. Жизнь не имеет никакого начала и никакого конца, это одновременно и смерть, и жизнь, это зеленый лист и увядший листок, уносимый ветром, это любовь и ее неизмеримая красота, это печаль одиночества и блаженство уединения. Это нельзя измерить, не может и ум обнаружить это.

Ваши дети и их успех

Был чудесный вечер. Вершины холмов сверкали на закате солнца, а на песчаной дорожке, ведущей через долину, купались четыре дятла. Длинными клювами и лапками они разгребали песок, трепыхая крыльями, поглубже зарывались в него, хохолки на головах подпрыгивали. Они перекликались друг с другом, наслаждаясь купанием. Чтобы не потревожить дятлов, мы сошли с тропы, примяв густую, сочную траву, политую недавними дождями. На расстоянии нескольких футов заметили большую змею, желтоватую и массивную. Ее голова была гладкой, с узорами и имела ужасную форму. Ее черные глаза неподвижно наблюдали за птицами, а черный, раздвоенный язык, стремительно высовывался туда-сюда. Бесшумно она подползала к птицам. Это была кобра — смерть была рядом. Опасная, но очень красивая, она переливалась в лучах заходящего солнца своей новой кожей. Внезапно четыре птицы с криком взлетели. А затем у нас на глазах, кобра расслабилась. Минуту назад она была очень увлечена охотой, и так напряжена, что теперь казалась почти безжизненной, частью земли. Но через мгновение змея уже ползла с непринужденностью и только приподнимала голову, когда мы издавали шум. С ней ушла особая неподвижность — страха и смерти.

Она была миниатюрной, хорошо сохранившейся пожилой леди с седыми волосами. Речь ее была приятна. Но все остальное: фигура, походка, жесты, как она держала голову — указывало на ее агрессивность, которую не мог скрыть даже приятный голос. У нее была большая семья: несколько сыновей и дочерей. Ее муж умер, и ей пришлось воспитывать детей самой. Один из ее сыновей, рассказала она с явной гордостью, был успешным доктором с большой практикой и к тому же хорошим хирургом. Одна из дочерей была политиком, со своенравным характером. Она говорила это с улыбкой, которая подразумевала: «Вы знаете, каковы женщины». Она продолжила, объясняя, что эта политическая леди имела духовные стремления.

Что вы подразумеваете под духовными стремлениями?

«Она хочет быть главой какой-то религиозной или философской группы».

Обретать власть над другими через организацию — это, конечно, зло, не так ли? Это путь всех политических деятелей, неважно, в политике они или нет. Вы можете скрывать это под приятными и вводящими в заблуждение словами, но разве желание власти не всегда зло?

Она слушала, но, казалось, что это не затрагивает ее. По выражению ее лица можно было понять, что ее что-то беспокоило, и это что-то вскоре всплывет наружу. Она продолжала рассказывать об остальных детях. Все из них были энергичны и добивались успеха, кроме одного, которого она действительно любила.

«Что такое печаль? — внезапно спросила она. — Где-то в глубине души, кажется, она со мной всю мою жизнь. Хотя все мои дети, кроме одного, состоявшиеся и утвердившиеся в жизни, печаль не покидает меня. Я не могу определить, что это за чувство, но оно преследует меня, и часто бессонными ночами, я задаюсь вопросом, что все это значит. Меня также беспокоит младший сын. Понимаете, он неудачник. За что бы ни взялся, все разваливается на части: его брак, взаимоотношения с братьями и сестрами, друзьями. Сын почти всегда без работы, но когда он все-таки ее получает, всегда что-то происходит, и его увольняют. Кажется, ему невозможно помочь. Я переживаю за сына, и хотя он добавляет каплю к моей печали, не думаю, что он — корень этого. Что такое печаль? У меня были неприятности, разочарования и физическое страдание, но эта постоянная печаль — что-то большее, и я не смогла найти ее причину. Не могли бы мы поговорить об этом?»

Вы очень гордитесь вашими детьми и особенно их успехами, не так ли?

«Я думаю, что любой родитель гордился бы. Они преуспевающие и счастливые, потому что

у всех Дела идут хорошо, кроме последнего. Но почему вы задали этот вопрос?» Это может иметь некоторое отношение к вашей печали. Вы уверены, что ваша печаль не имеет отношения к их успеху?

«Совершенно наоборот, я очень счастлива из-за этого».

В чем, как вы полагаете, корень вашей грусти? Если можно поинтересоваться, на вас очень сильно повлияла смерть вашего мужа? Вы все еще находитесь под ее воздействием?

«Это был огромный удар. Я была очень одинока после его смерти, но вскоре забыла об одиночестве и горе, так как были дети, о которых нужно было заботиться, и у меня не было времени, чтобы думать о себе».

Вы считаете, что время стирает одиночество и горе? Разве они все еще не здесь, спрятанные в более глубоких слоях вашего ума, даже при том, что вы, возможно, забыли о них? Не может быть так, что они являются причиной вашей сознательной печали?

«Как я сказала, смерть моего мужа была большим ударом, но, так или иначе, этого следовало ожидать, и я приняла ее со слезами. Когда я была девушкой, прежде чем выйти замуж, я пережила смерть своего отца, и несколькими годами позже — смерть моей матери. Но я никогда не была верующей, и все разговоры по поводу загробной жизни не беспокоили меня. Смерть неизбежна, и нам надо принимать ее как можно с меньшим переживанием».

Может быть, именно так вы и относитесь к смерти, но может ли быть одиночество так легко логически объяснено? Смерть — это что-то, принадлежащее будущему, которую возможно придется пережить, когда она придет. Но разве одиночество не вечно с вами? Вы можете преднамеренно закрыться от него, но оно все еще там, за дверью. Не следует ли вам пригласить одиночество и взглянуть на него?

«Я не знаю. Одиночество так неприятно, и я сомневаюсь, смогу ли я зайти так далеко и пригласить это ужасное чувство. Оно действительно весьма пугающее».

Не должны ли вы понять его полностью, так как оно может быть причиной вашей печали?

«Но как мне понять его, когда это именно то, что причиняет мне боль?»

Одиночество не причиняет вам боль, но мысль об одиночестве вызывает страх. Вы никогда не испытывали состояние одиночества. Вы всегда приближались к нему с предчувствием, со страхом, с побуждением уйти от него или найти способ преодолеть его, так что вы избегали его, не так ли? По-настоящему вы никогда не вступали в прямой контакт с ним. Чтобы отстраниться от одиночества, вы сбежали в деятельность ваших детей и их успехи. Их успех стал вашим, но за этим боготворением успеха нет ли некоторого глубокого беспокойства?

«Откуда вы знаете?»

То, с помощью чего вы убегаете, неважно, радио ли это, общественная деятельность, специфическая Догма, так называемая любовь и так далее, становится существенной, такой же необходимой для вас, как выпивка для алкоголика. Можно забыться в боготворении успеха или в поклонении образу или некоему идеалу, но все идеалы иллюзорны, и даже в самозабвении имеется тревожное чувство. Если можно заметить, успех ваших детей был для вас источником боли, поскольку в вас есть более глубокое беспокойство из-за них и из-за вас непосредственно. Несмотря на ваше восхищение их успехами и аплодисменты, которые они получили от публики, не скрывается ли за этим чувство стыда, отвращения или разочарования? Пожалуйста, простите, что я спрашиваю, но не глубоко ли вы обеспокоены их успехами?»

«Знаете, сэр, я никогда не смела признать, даже для самой себя, характер этого страдания, но это то, что вы говорите».

Хотите ли вы вникнуть в это?

«Теперь, конечно, я хочу вникнуть в это. Видите ли, я всегда была религиозна, безо всякой принадлежности к какой-либо религии. Местами я читала о религиозных вопросах, но никогда

не попадала в так называемые религиозные организации. Организованная религия казалась слишком отдаленной и недостаточно близкой. За моей мирской жизнью, однако, всегда скрывалось неопределенное религиозное искание, и когда у меня появились дети, это искание приняло форму глубокой надежды, что один из моих детей станет религиозным. И ни один из них не оправдал эту надежду, все они стали преуспевающими и мирскими, кроме одного. Все они в действительности посредственны, и именно это причиняет боль. Они поглощены мирским. Это все кажется настолько поверхностным и глупым, но я не обсуждала это с кем-либо из них, и даже если бы я поступила так, они не поняли бы то, о чем бы я говорила. Я думала, что по крайней мере один из них будет другим, и меня страшит моя и их посредственность. Это то, что как я предполагаю, вызывает мою печаль. Что можно сделать, чтобы покончить с этим состоянием?»

В себе или в другом? Можно только покончить с посредственностью в себе, а затем, возможно, могут возникнуть иные взаимоотношения с другими. Знать, что кто-то является посредственным — это уже начало перемены, не так ли? Но мелочный ум, осознавая себя, отчаянно пробует изменяться, улучшаться, и само это побуждение посредственно. Любое желание самоусовершенствования мелочно. Когда ум знает, что он посредственен и не воздействует на себя, посредственность прекращается.

«Что вы подразумеваете под воздействием на себя?»

Если мелочный ум, осознав, что он мелочен, делает усилие, чтобы изменить себя, не является ли он все еще мелочным? Усилие измениться рождено мелочным умом, поэтому само то усилие мелочно.

«Да, я понимаю это, но что же делать?»

Любое действие ума мало, ограничено. Ум должен прекратить действовать, и только тогда наступает окончание посредственности.

Огонь недовольства

В течение нескольких дней шел очень сильный дождь, и потоки воды были бурными и шумными. Коричневые и грязные, они текли от небольших оврагов и присоединялись к более широкому потоку, который протекал вдоль долины, а он, в свою очередь, впадал в реку, которая спускалась к морю несколькими милями ниже. Река была полноводной с быстрым течением. Даже летом она никогда не пересыхала, хотя все ручьи, питающие ее высыхали, обнажая камни и пески. Сейчас же река несла грязные воды, и люди наблюдая за ее течением, боялись, что она может выйти из берегов, затопив поля и рощи и нанеся ущерб городу. Несколько человек пытались ловить рыбу, но их попытки не увенчались успехом, так как течение реки было слишком сильным. Снова пошел дождь, но люди не ушли с берега, наблюдая за рекой, в надежде, что она все же не выйдет из берегов.

«Я всегда была искателем, — сказала она, — и прочла очень много книг. Я была католичкой, но оставила эту веру, чтобы присоединиться к другой, которую тоже оставила и присоединилась к религиозному обществу. С недавних пор я изучаю восточную философию, учение Будды и сама прошла психоанализ. Но даже это не остановило мой поиск, и теперь я здесь и говорю с вами. У меня было желание посетить Индию в поисках мастера, но обстоятельства помешали мне».

Она рассказала, что была замужем, у нее двое детей, ярких и интеллектуально развитых, которые ходили в колледж. Она не беспокоилась о них, так как они были самостоятельными. Она серьезно пробовала медитировать, но ни к чему не пришла, и ее ум был столь же глуп и блуждающ, как и прежде. «То, что вы говорите о медитации и молитвах, очень отличается от того, что я читала и думала, меня это озадачило, — добавила она. — Но во всем этом утомительном беспорядке я действительно хочу найти истину и понять ее загадку».

Вы думаете, что, ища истину, вы ее найдете? Не может ли случиться так, что так называемый ищущий никогда не сможет найти истину? Вы никогда не вникали в это побуждение искать, не так ли? Все же вы продолжаете искать, переходя от одного к другому в надежде найти то, что вы хотите, что вы называете истиной, делая из него тайну.

«Но что плохого в том, что я ищу? Я всегда находила то, что хотела, но чаще — не находила».

Может быть, и так, но не считаете ли вы, что можете добывать истину, как вы бы добывали деньги или ценности? Вы думаете, что это еще одно украшение тщеславия? Или же ум, который стремится к приобретению, должен полностью прекратить это, чтобы возникла истина?

«Возможно, я слишком стремлюсь найти ее».

Нисколько. Вы найдете то, что ищете в вашем рвении, но оно не будет реально.

«Тогда что же вы мне предложите делать, просто прозябать, а не жить?»

Вы поспешно делаете выводы, не так ли? Разве не важно выяснить, почему вы ищете?

«Я знаю, почему я ищу. Я полностью недовольна всем, даже тем, что я нашла. Чувство недовольства возвращается снова и снова. Я считаю, что я овладела чем-то, но это вскоре исчезает, и снова чувство недовольства сокрушает меня. Я испробовала все способы, которые только можно придумать, чтобы преодолеть его, но, так или иначе, оно слишком сильно внутри меня, и мне нужно найти что-нибудь — истину, или что-то другое, что даст мне мир и удовлетворенность».

Не надо ли вам быть довольной, что вам не удалось потушить огонь недовольства? Преодолеть недовольство было проблемой для вас, не так ли? Вы искали удовлетворенность, и, к счастью, вы ее не нашли, найти ее означает остановиться в развитии, оставаться без движения.

«Наверное, это то, что я в действительности ищу: спасение от снедающего недовольства».

Большинство людей недовольны постоянно, ведь так? Но они находят удовлетворение в простых вещах жизни — то ли это лазанье по горам, то ли удовлетворение некой амбиции. Неугомонность из-за недовольства по глупости превращается в достижения, которые удовлетворяют. Если мы потревожены в нашей удовлетворенности, мы скоро находим способы преодолеть чувство недовольства, так что мы живем на поверхности и никогда не проникаем в глубины недовольства.

«Как же проникнуть под поверхность недовольства?»

Ваш вопрос указывает на то, что вы все еще желаете убежать от недовольства, верно? Жить с той болью, без того чтобы пробовать убежать от нее или изменять ее, означает проникнуть в глубины недовольства. Пока мы пробуем добраться до чего-нибудь или быть кем-то, обязательно будет боль конфликта, и тогда, вызвав эту боль, мы хотим убежать от нее, и мы убегаем с помощью разных видов деятельности. Объединиться с недовольством, остаться с ним и быть его частью без наблюдателя, вынуждающего его вписаться в общепринятые виды удовлетворения или принятия его как неизбежного, значит позволить тому, что не имеет никакой противоположности, никакого секунданта, возникнуть.

«Я слежу за тем, что вы говорите, но я боролась с недовольством так много лет, что для меня теперь очень трудно быть его частью».

Чем больше вы боретесь с привычкой, тем больше жизни ей придаете. Привычка — это мертвая вещь, не боритесь с ней, не сопротивляйтесь ей. Но с восприятием сути недовольства прошлое теряет значение. Хотя это и болезненно, но быть недовольным изумительно, вместо того чтобы душить его пламя знанием, традицией, надеждой, достижением. Мы забываемся в таинстве достижения человека, в таинстве церкви или реактивного самолета. И опять же: все это поверхностно, пусто и приводит к разрушению и нищете. Есть тайна, которая вне способностей и силы ума. Вы не можете разыскать или пригласить ее, она должно прийти без спроса, и с нею приходит благословение для человека.

Психоанализ и проблема человечества

Было удивительно тихо и уединенно под широко раскинувшимся деревом, стоявшим одиноко в просторе полей, хорошо ухоженных, и сочной зелени. На расстоянии виднелись холмы суровые и непривлекательные в полуденном солнце. А под деревом было темно, прохладно и приятно. Это огромное и внушительное дерево, содержало большую силу и симметрию в своем одиночестве. Оно было живым организмом, уединенным, и в то же время казалось, что оно возвышалось над всем окружающим, даже над отдаленными холмами. Сельские жители поклонялись ему. Против его широкого ствола лежал высеченный камень, на который кто-то положил яркие желтые цветы. Вечером никто не подходил к дереву, его одиночество было слишком одолевающим, и было лучше поклоняться ему в течение дня, когда была густая тень наполнялась чириканьем птиц и звуками человеческих голосов. Но в этот час все сельские жители были у своих хижин, и под деревом было очень тихо. Солнце никогда не проникало через кроны дерева, и цветы не вяли до следующих жертвоприношений следующего дня. Узкая тропинка вела к дереву и затем уходила в зеленые поля. По этой тропинке к холмам вели стадо коз, где они разбегались, поедая траву в пределах досягаемости.

Когда солнце село за холмами, поля приобрели насыщенно-зеленый цвет, и лишь вершина дерева отсвечивала золотом, находясь в последних лучах — заходящего солнца. С приходом темноты дерево отдалялось от всего окружающего и на ночь замыкалось в себе, его тайна, казалось, проникая в тайну Вселенной. Он — психолог и аналитик, практиковал в течение многих лет и излечил многих пациентов, обращавшихся к нему. Он работал в больнице, и в своем офисе. Многие пациенты, преуспевающие в своем бизнесе, помогли ему обзавестись дорогими автомобилями, загородным домом и всем прочим. Он серьезно относился к своей работе, а не только, как к прибыльному делу. Изучал гипноз и экспериментально практиковал его на своих пациентах.

«Очень любопытно, — сказал он, — как во время гипнотического состояния люди свободно и легко говорят о своих скрытых принуждениях и реакциях, и каждый раз, когда пациент подвергается гипнозу, я чувствую необычность процесса. Я сам был добросовестен и честен, но полностью осознаю серьезную опасность гипноза, особенно в руках недобросовестных людей и медиков. Гипноз может или не может быть кратчайшим путем в лечении, но применять его нужно только в некоторых трудных случаях. Требуется несколько месяцев, чтобы вылечить пациента, это довольно-таки утомляющее мероприятие. Некоторое время назад, — продолжал он, — пациентка, которую я лечил в течение многих месяцев, пришла навестить меня. Это была умная женщина, начитана и имела широкий круг интересов. С большим волнением и улыбкой, она сказала мне, что подруга убедила ее посетить некоторые из ваших бесед. Оказалось, что во время бесед она чувствовала, как освобождалась от депрессий, которые были довольно серьезными. Она сказала, что первая беседа совершенно сбивала ее с толку. Мысли и слова были ей плохо знакомы и казались противоречивыми, и она не хотела посещать вторую беседу, но ее подруга объяснила, что такое случается, и что она должна послушать несколько бесед, перед тем как делать выводы. В итоге она побывала на всех, и почувствовала облегчение. То, что вы сказали, казалось, задело некоторые участки ее сознания и без приложения каких-либо усилий освободили от расстройств и депрессий, она обнаружила, что они прошли, просто прекратили существовать. Это было несколько месяцев назад. Я видел ее снова на днях, и, конечно же, мы поговорили о ее бывших проблемах. Она довольна и счастлива, особенно во взаимоотношениях с семьей, у нее теперь все в порядке».

«Понимаете, — продолжил он, — благодаря этой пациентке, я прочитал некоторые из

ваших учений, и хочу поговорить с вами о некоторых вещах. Существует ли способ или метод, с помощью которого мы сможем быстро добраться до корня всего человеческого страдания? Наши существующие методики занимают время и требуют значительного исследования пациента».

Сэр, если позволите спросить, что вы пытаетесь сделать с вашими пациентами?

«Говоря просто, без психоаналитических терминов, мы пробуем помочь им преодолевать их проблемы, депрессии и так далее, чтобы они могли жить в обществе».

Вы думаете, что очень важно помочь людям вливаться в это испорченное общество?

«Оно может быть испорченным, но преобразование общества — не наше дело. Наше дело — помочь пациенту приспособиться к окружающей среде и быть более счастливым и полезным гражданином. Мы имеем дело с неординарными случаями и не пытаемся создавать супернормальных людей. Я не считаю это нашей функцией».

Вы думаете, что можете отделить себя от вашей функции? Если можно спросить, не является ли также вашей функцией создать полностью новый порядок, мир, в котором не будет войн, антагонизма, конкурентности и так далее? Разве не все эти побуждения и принуждения порождают ненормальных людей в окружающей среде? Если беспокоиться только о помощи индивидууму соответствовать существующему социальному образцу, здесь или в другом месте, разве это не значит поддерживать те самые причины, которые приводят к расстройству, нищете и разрушению?

«Конечно, что-то в том есть, но как аналитик я не думаю, что мы подготовлены, чтобы вникнуть столь глубоко во всю причинную обусловленность человеческого страдания».

Тогда, сэр, вы заинтересованы не в полном развитии человека, а только в одной специфической части его полного сознания. Исцеление некоторой части может быть необходимо, но без понимания целостного процесса в человеке мы можем вызвать другие формы болезни. Конечно, это не вопрос спора или предположения, а очевидный факт, который должен быть учтен не только специалистами, но каждым из нас.

«Вы затрагиваете очень серьезные темы, к которым я не привык, и обнаруживаю, что мне это не по силам. Я думал как-то неопределенно об этих вещах и о том, что мы фактически пытаемся проделать с нашими пациентами, помимо обычной процедуры. Понимаете, большинство из нас не имеет ни склонности, ни необходимого времени, чтобы изучить все это. Но я предполагаю, что нам действительно следует делать это, если мы хотим освободить себя и помогать нашим пациентам освобождаться от замешательства и страдания нынешней западной цивилизации».

Замешательство и страдание существуют не только на Западе, потому что люди во всем мире находятся в таком же тяжелом положении. Проблема индивидуума — это также всемирная проблема, они не являются двумя отдельными и отличными процессами. Мы, конечно, обеспокоены человеческой проблемой, неважно, находится ли человек на Востоке или на Западе, что является произвольным географическим разделением.

Целое сознание человечества озабочено Богом, смертью, правильными и счастливыми средствами к существованию, детьми и их образованием, войной и миром. Без понимания всего этого не может быть исцеления человечества.

«Вы правы, сэр, но я думаю, очень немногие из нас способны на такое обширное и глубокое исследование. Большинство из нас не образованы. Мы становимся специалистами, техниками, в чем есть польза, но, к сожалению, это цель для нас. Является ли его специализацией душа или комплекс, каждый специалист строит собственный маленький рай, как делает священник, и хотя он может иногда прочитать кое-что на стороне, он остается там, пока не умирает. Вы правы, но это так.

Теперь же, сэр, я хотел бы возвратиться к моему вопросу: есть ли метод или техника, с

помощью которой мы можем проникнуть непосредственно к корню наших страданий, особенно страданий пациента, и таким образом их быстро устранить?»

И снова, если позволите спросить, почему вы всегда мыслите понятиями методов и техник? Могут ли метод или техника освободить человека или же они просто сформируют его для желаемой цели? А желаемая цель, являющаяся противоположностью человеческих неприятностей, страхов, расстройств, давлений, сама и является их результатом. Реакция противоположности — это не истинное действие, как в экономическом, так и в психологическом мире. Помимо техники или метода, может быть фактор, который по-настоящему поможет человеку.

«Что же это?»

Возможно, это любовь.

Посредственность

Шторм продолжался в течение нескольких дней, сопровождаемый сильными ветрами и обильными Дождями. Земля впитывала воду, и с деревьев смывалась многолетняя пыль. В этой части страны не было дождя в течение нескольких лет, но теперь дождь компенсировал засуху, по крайней мере каждый на это надеялся, и радость сопутствовала шуму дождя и водных потоков. Когда мы укладывались спать, дождь все еще шел, сильно барабанил по крыше. Он ритмично стучал, и слышалось журчание множества ручейков. Это было прекрасное утро! Тучи разошлись, чистые холмы вокруг сияли в лучах раннего восходящего солнца, а в воздухе витала благодать. Через несколько минут природа начнет пробуждаться, но сейчас в долине стояла завораживающая тишина. Но вот вдалеке закукарекал петух. Все наполнилось яркими красками: молодая трава и огромное дерево, которое возвышалось над долиной. Новая жизнь была ключом, и теперь боги получают жертвоприношения, отданные с удовольствием и радостью. Рисовые поля дадут хороший урожай, и не будет нехватки корма для животных, колодцы будут полны, и будут сыграны радостные свадьбы. Земля будет плодородной, а народ счастлив.

«Я хорошо чувствую состояние моего ума, — объяснил он. — Я получил образование в колледже, довольно много читал. Политически я принадлежал к крайне левым, и мне весьма знакома их литература. Партия стала подобна любой религии, она такая же, чем был и продолжает быть католицизм, с отлучениями от церкви, угрозами и лишениями. Какое-то время я честно работал в политике, надеясь на улучшение мира, но увидел насквозь фальшивую игру, и ушел из нее. Еще раньше я понял, что реальное преобразование не происходит через политику, политика и религия не смешиваются. Я знаю, нужно сказать, что мы должны привнести религию в политику, но в тот момент, когда мы так сделаем, это больше не будет религией, а станет просто ерундой. Бог не говорит с нами политическими терминами, но мы творим нашего собственного бога в терминах политических или экономических условий.

Я не пришел, чтобы поговорить с вами о политике, и вы совершенно правы, что отказываетесь обсуждать ее. Я пришел, чтобы обговорить то, что действительно мучает меня. Недавно вечером вы сказали что-то относительно посредственности. Я слушал, но не мог принять, так как был слишком встревожен, но когда вы говорили, слово «посредственность» очень действовало на меня. Я никогда не думал о себе как о посредственности. Я не использую это слово в социальном смысле, и, как вы заметили, оно не имеет отношения к классовым и экономическим различиям или к рождению».

Естественно. Посредственность находится полностью вне пределов сферы произвольных социальных разногласий.

«Понимаю, что это так. Вы также сказали, если я правильно понял, что по-настоящему религиозный человек — это единственный революционер, и такой человек не посредственен. Я говорю о посредственности ума, а не работы или положения. Те, кто находится в самых высоких и наиболее властных позициях, и тех, кто имеет удивительно интересные занятия, могут все еще быть посредственны. У меня нет ни возвеличенного положения, ни особо интересного увлечения, и я осознаю состояние моего собственного ума. Он посредственен. Я изучаю западную и восточную философию и заинтересован во многих других вещах, но, несмотря на это, мой ум совершенно обыкновенный. У него есть некоторая способность к скоординированному мышлению, но он все еще посредственен и не способен к творчеству».

Тогда, в чем же проблема, сэр?

«Во-первых, я по-настоящему стыжусь состояния, в котором нахожусь — моей собственной глупости, и говорю это без какой-либо жалости к себе. Глубоко внутри меня, несмотря на все

мое обучение, я нахожу, что не склонен к творчеству в самом глубоком смысле этого слова. Должно быть, возможно получить ту творческую способность, о которой вы говорили на днях, но как пробудить ее? Не слишком ли это прямолинейный вопрос?»

Можем ли мы подумать над этой проблемой чуть проще? Что же делает посредственными ваше сердце и ум? Можно иметь энциклопедические знания, огромные способности и так далее, но за пределами всех этих поверхностных знаний и талантов, что делает ум совершенно глупым? Может ли ум быть, в какое-либо время другим, чем каким он всегда был?

«Я начинаю понимать, что ум, как бы умен, способен он ни был, может к тому же быть глупым. Его нельзя переделать во что-то другое, потому что он всегда будет таким, какой он есть. Он может быть безгранично способен к рассуждению, предположению, разработке, вычислению, но как бы он ни расширялся, он всегда будет оставаться в той же самой области. Я только что уловил значение вашего вопроса. Вы спрашиваете, может ли ум, который способен на такие удивительные подвиги, превзойти себя в его собственной воле и усилении».

Это один из вопросов, которые возникают. Каким бы ни был он умным и способным, если ум все еще посредственен, может ли он через его собственную волю когда-либо выйти за свои пределы? Простое осуждение посредственности с ее широким набором оригинальностей никоим образом не изменит факт. А когда осуждение, со всеми его последствиями, прекратилось, возможно ли выяснить, что же вызывает состояние посредственности? Мы теперь понимаем значение этого слова, так что давайте придерживаться его. Не является ли одним из факторов посредственности побуждение достичь, получить результат, преуспеть? И когда мы хотим стать творческими, мы все еще поверхностно имеем дело с вопросом, не так ли? Я есть это, которое я хочу заменить на то, поэтому я спрашиваю: как, но когда способность к творчеству — это что-то, за что надо бороться, результат, который надо достичь, ум уменьшает ее до его собственного условия. Этот процесс, мы должны понять, а не пытаться заменять посредственность на что-либо другое.

«Вы имеете в виду, что любое усилие со стороны Ума, чтобы изменить то, чем он является, просто ведет к продолжению его самого в другой форме, и, таким образом, никакого изменения вообще нет?» Это так, верно? Ум породил его существующее состояние через собственное усилие, через желания и страхи, через надежды, радости и боли, и любая попытка с его стороны изменять то состояние совершается все еще в том же самом направлении. Мелочный ум, пытающийся не быть им, является все еще мелочным. Конечно же, проблема в прекращении всякого усилия со стороны ума — быть чем-то в любом из направлений.

«Конечно. Но это не подразумевает отрицание, состояние пустоты, не так ли?»

Если просто слышать слова без того, чтобы улавливать их значение, без того, чтобы экспериментировать и переживать, то умозаключения не имеют никакого основания под собой.

«Так что за способностью к творчеству нельзя гнаться. Ее нельзя изучить, практиковать или вызвать с помощью какого-либо действия, какой-либо формы принуждения. Я понимаю суть этого. Если можно, я буду размышлять вслух и медленно прорабатывать это с вами. Мой ум, который стыдился своей посредственности, теперь осознает значение осуждения. Это обвинительное отношение вызвано желанием измениться, но само это желание измениться — результат мелочности, так что ум все еще остается тем, чем он был, и никакого изменения вообще не произошло. Насколько я понял».

Что это за состояние ума, когда он не пытается изменить себя, стать кем-то?

«Он принимает себя таким, какой он есть». Принятие подразумевает, что существует личность, которая принимает, верно? И не является ли это принятие также формой усилия, чтобы получить, испытать еще? Таким образом, запускается конфликт дуальности, который является снова той же самой проблемой, поскольку это конфликт, который порождает

посредственность ума и сердца. Свобода от посредственности — это то состояние, которое возникает, когда прекращается всякий конфликт, но принятие — это просто смирение. Или же это слово «принятие» имеет для вас иное значение?

«Я вижу последствия принятия, так как вы дали мне понимание его значения. Но что это за состояние ума, которое больше не принимает и не осуждает?»

Почему вы спрашиваете, сэр? Это то, что можно обнаружить, а не просто объяснить.

«Я не ищу объяснения и не размышляю, но не является ли невозможным для ума быть спокойным, без всякого движения, и в то же самое время не осознавать свое собственное спокойствие?»

Осознавать это означает породить конфликт индивидуальности, не так ли?

Активное и пассивное обучение

Дорожка была неровной и пыльной и вела к маленькому городу в низовье. Несколько деревьев росло по склону, но большинство из них срубили Для дров, и приходилось подниматься на приличную высоту, чтобы найти густую тень. Вверху, деревья были не искалечены человеком, выростали большими, с толстыми ветвями и красивой кроной. Иногда люди срезали ветки на корм козам, и, когда они их обгладывали, то пускали ветки на дрова. На более низких уровнях была нехватка древесины, и теперь они шли выше, карабкаясь и разрушая. Дожди уже не были столь обильны, как раньше, население увеличивалось, и людям надо было выживать. Был голод, и люди жили так же безразлично, как и умирали. Здесь поблизости не было диких животных, вероятно, они ушли выше. Несколько птиц порхали среди кустарников, но даже они выглядели некрасивыми, с поблекшим оперением. Черно-белая сойка оглушительно верещала, перелетая с сука на сук одинокого дерева.

Становилось теплее, и к полудню будет жарко. Обильных дождей не проливалось много лет. Земля была выжженной и потрескавшейся, редкие деревья — покрыты коричневой пылью, отсутствовала даже утренняя роса. Солнце жгло беспощадно, день за днем, месяц в за месяцем, а сезон дождей был все еще далек. Некоторые козы поднимались на холм с мальчиком, присматривающим за ними. Он был удивлен, увидев здесь людей, но не улыбнулся и с серьезным выражением лица последовал за козами. Воздух звенел от зноя.

Две женщины: одна — старая, вторая — молодая, неся на головах вязанки дров, спустились по дорожке. Ноша, которую они несли, выглядела довольно-таки тяжелой. Каждая удерживала на своей голове прикрытую тканью длинную связку сухих веток, связанных вместе зеленой виноградной лозой, и поддерживая ее одной рукой. Их тела покачивались, когда они спускались с холма. Ноги были без обуви, хотя дорожка была каменистой. Ноги, казалось, сами находили дорогу, так женщины не смотрели вниз, они держали головы прямо, и было видно, что им тяжело. Волосы старшей женщины были спутаны и немыты. Девушка — причесана и более опрятна. Она была настолько юной, что казалось еще недавно играла с другими детьми. Теперь же собирание древесины среди этих холмов стало ее обязанностью до конца дней, с передышками время от времени в ожидании ребенка.

Спустившись по дорожке, они направились в маленький провинциальный город, который находился в нескольких милях, где они продадут дрова за гроши, и завтра снова придут сюда. Они о чем-то говорили. Вдруг девушка сказала своей матери, что она голодна, а мать ответила, что они были рождены в голоде, жили в голоде и умирали в голоде, это их участь. В ее голосе не было ни упрека, ни гнева, ни надежды. Они продолжали идти по каменистой дорожке. Не было наблюдателя, слушающего, жалеющего и идущего позади них. Он не был их частью из-за любви и жалости, он **был** ими, он прекратил быть, а они были. Они не были незнакомками, которых он встретил на вершине холма, они принадлежали ему. Это были его руки, которые держали связки дров, и пот, и истощение, и запах, и голод не принадлежали им, чтобы поделиться ими и погоревать. Время и место прекратили быть. В женских головах не было мыслей, слишком утомленных, чтобы думать, а если все же думали, то только о том, как продать дрова, поесть, отдохнуть и начать снова. Ногам на каменистой дорожке никогда не было больно, не причиняло страдания и солнце над головами. Их было только двое, спускавшихся по этому знакомому холму, проходивших мимо того колодца, где мы обычно пили, шедших дальше через сухое русло высохшего ручья.

«Я читал и слушал некоторые из ваших бесед, — сказал он, — и для меня то, что вы говорите, кажется очень пагубным. В этом нет никакого точного указания, никакого

определенного жизненного пути. Эта восточная точка зрения является наиболее разрушительной, и посмотрите, куда она привела Восток. Ваше негативное отношение, а особенно ваша настойчивость в том, что должна быть свобода от всякой мысли, очень сильно вводит в заблуждение нас, жителей Запада, которые активны и трудолюбивы из-за темперамента и потребности. То, чему вы учите, в целом противоречит нашему образу жизни».

Если позволите заметить, это деление людей на тех, кто с Запада, и кто с Востока, географически обусловлено и произвольно, не так ли? Оно не имеет никакого фундаментального значения. Живем ли мы на Востоке или на Западе от некой границы, независимо от того, являемся ли мы коричневыми, черными, белыми или желтыми, мы все люди, страдающие и надеющиеся, боящиеся и верящие. Радость и боль существуют здесь, так же как и там. Мысль не принадлежит ни Западу, ни Востоку, но человек подразделяет ее согласно его условиям. Любовь не имеет географической характеристики, поддерживаемая как священная на одном континенте и отвергаемая на другом. Разделение человеческих существ происходит ради экономических и эксплуатационных целей. Это не означает, что индивидуумы не отличаются по характеру и тому подобному, есть сходство, но все же есть и различие. Все это является довольно очевидным и в психологическом отношении, и фактически, не так ли?

«Может быть, для вас, но наша культура, наш образ жизни полностью отличаются от восточного. Наше научное знание, медленно развивающееся со времен Древней Греции, теперь огромно. Восток и Запад развиваются по двум различным линиям».

Наблюдая различия, мы должны все же осознать подобие. Внешние проявления могут варьироваться и действительно варьируются, но позади этих внешних форм и атрибутов убеждения, принуждения, тоска и страхи схожи. Не позволяйте быть обманутым словами. И здесь, и там человек хочет иметь мир и достаток и найти кое-что большее, чем материальное счастье. Цивилизации могут различаться в зависимости от климата, окружающей среды, питания и так далее, но культура во всем мире по существу одинакова: быть сострадательным, избегать зла, быть щедрым, не быть завистливым, прощать и так далее. Без этой фундаментальной культуры любая Цивилизация, здесь или там, распадется или ее уничтожат. Знание может быть приобретено так называемыми отсталыми народами, они могут очень быстро изучать «ноу-хау» Запада. Они также могут быть подстрекателями войны, генералами, адвокатами, полицейскими, тиранами, могут создавать концентрационные лагеря и все прочее. Но культура — это совершенно иной вопрос. Любовь к Богу и свобода человечества не так легко достаются, а без них материальное благосостояние немного значит.

«Вы правы насчет этого, сэр, но мне хотелось бы, чтобы вы подумали над тем, что я сказал относительно пагубности ваших учений. Я действительно хотел бы понять их, и не считайте меня невежливым, если я кажусь несколько прямолинейным в моих заявлениях».

Что является пагубным и что является созидательным? Большинство из нас привыкли, что нам указывают, что делать. Предоставление и следование указаниям рассматривается как созидательное учение. Быть ведомым кажется созидательным, конструктивным, а для тех, кто вынужден следовать, истина, которая следует за злом, кажется пагубной, разрушительной. Истина — это отрицание ложного, а не его противоположность. Истина полностью отличается от созидательного и пагубного, а ум, который думает противоположными понятиями, никогда не сможет осознать ее.

«Боюсь, что я не полностью понимаю все это. Не могли бы вы объяснить еще раз?»

Видите ли, сэр, мы привыкли к авторитету и руководству. Побуждение, чтобы нами руководили, возникает из-за желания быть в безопасности, быть защищенным, а также успешным. Это одно из наших самых глубоких побуждений, верно?

«Думаю, да, но без защиты и безопасности человек был бы...»

Пожалуйста, давайте проникнем в суть дела и не будем делать поспешных выводов. В нашем побуждении быть в безопасности, не только как личности, но и как группы, нации и расы, не построили ли мы мир, в котором война внутри и снаружи определенного общества стала основной заботой.

«Я знаю, мой сын был убит в войне за океаном».

Мир — это состояние ума, это свобода от всякого желания быть в безопасности. Сердце и ум, которые ищут безопасности, всегда вынуждены быть в тени страха. Наше желание относится не только к материальной безопасности, но гораздо больше к внутренней, психологической безопасности, и именно это желание быть внутри в безопасности с помощью добродетельности, с помощью веры, с помощью нации создает ограниченные и значит противоречащие группы людей и идеи. Это желание быть в безопасности, достичь желанного результата приводит к принятию указаний, к следованию за примером, к поклонению успеху, авторитету лидеров, спасителей, мастеров, гуру, и все это называют созидательным учением. Но это в действительности бездумность и подражание.

«Я понимаю вас, но неужели невозможно направлять или быть направляемым, не превращая себя или другого в авторитет, спасителя?»

Мы пытаемся понять побуждение, чтобы нами руководили, верно? Что является этим побуждением? Разве оно не результат страха? Не будучи в безопасности, видя вокруг непостоянство, мы следуем побуждению найти кое-что безопасное, постоянное, но такое побуждение — это импульс страха. Вместо понимания, каков этот страх, мы убегаем от него, и сам этот побег — это страх. Каждый обращается в бегство в известное, а известное является верованиями, ритуалами, патриотизмом, утешающими формулами религиозных учителей, заверениями священников и так далее. Они, в свою очередь, порождают конфликты между людьми, и, таким образом, проблема сохраняется, переходя от одного поколения к другому. Если бы вы стали решать проблему, нужно было бы исследовать и понимать ее корень. Это так называемое созидательное учение, религии, указывающие, что думать, включая коммунизм, придают продолжение страху, так что созидательное учение на самом деле разрушительно.

«Думаю, что я начинаю понимать суть вашего подхода, и надеюсь, что мое восприятие правильно».

Это не личный, самоуверенный подход, нет личного подхода к истине, так же как и к открытию научных фактов. Идея, что существуют отдельные пути к истине, что истина имеет различные аспекты, нереальна, это теоретическая мысль нетерпимых, пытающихся быть терпимыми.

«Надо быть очень осторожным, как я понимаю, при использовании слов. Но я хотел бы, если можно, возвратиться к пункту, который затрагивал ранее. Так как большинство из нас научили думать — или научили, **что** думать, как вы выразились, — не привнесет ли это нам только больше беспорядка, когда вы продолжаете утверждать различными способами, что всякая мысль обусловлена и что нужно идти за пределы всякой мысли?»

Для большинства из нас размышление необычайно важно, верно? Оно имеет определенное значение, но мысль не может найти то, что не является продуктом мышления. Мысль — это результат известного, поэтому она не может постичь неизвестное, непостижимое. Разве мысль — это не желание материальных потребностей или самой высокой духовной цели? Мы говорим не о мысли ученого на работе в лаборатории или мысли поглощенного математика и так далее, а о той мысли, которая управляет нашей ежедневной жизнью, нашими повседневными контактами и реакциями. Чтобы выжить, мы вынуждены думать. Размышление — это процесс выживания — либо индивидуума, либо нации. Размышление, которое является желанием в его самой низкой и его же наивысшей форме, вечно вынуждено быть самоограничивающим,

обусловленным. Думаем ли мы о Вселенной, о нашем соседе, непосредственно о нас или о Боге, всякое наше размышление ограничено, обусловлено, не так ли?

«В том смысле, в каком вы используете слово «размышление», предполагаю, что да. Но не знание ли помогает сломать это созданные условия?»

Разве? Мы накопили знания о таких многочисленных аспектах жизни — о медицине, о войне, о законе, о науке, и, по крайней мере, имеются хоть какие-то знания о нас самих, о нашем собственном сознании. Со всем этим обширным багажом информации свободны ли мы от горя, войны, ненависти? Неужели большее количество знаний освободит нас? Можно знать, что война неизбежна, пока личность, группа или нация корыстно стремятся к власти, и все же продолжать идти путями, которые ведут к войне. Может ли центр, который порождает антагонизм, ненависть, быть радикально преобразован через знание? Любовь — это не противоположность ненависти, если через знания ненависть превращается в любовь, тогда это не любовь. Это превращение, вызванное мыслью, волей, является не любовью, а просто другим самозащитным приспособлением.

«Я вообще не улавливаю этого, если можно так сказать».

Мысль — отклик того, что было, ответ памяти, не так ли? Память — это традиция, опыт, ее реакция на любой новый опыт — результат прошлого, так что опыт всегда усиливает прошлое. Ум — это результат прошлого, времени, мысль — продукт многих вчерашних дней. Когда мысль стремится изменить себя, пробуя быть или не быть этим или тем, она просто увековечивает себя под другим названием, будучи результатом времени, она никогда не сможет понимать бесконечное, вечное. Мысль должна прекратить быть для того, чтобы возникло реальное.

Видите ли, сэр, мы так боимся потерять то, что, как мы думаем, имеем, что никогда не проникаем в эти вещи очень глубоко. Мы смотрим на поверхность нас самих и повторяем слова и фразы, которые имеют небольшое значение. Так что мы остаемся мелочными и порождаем антагонизм так же бездумно, как и детей.

«Как вы сказали, мы бездумны в нашей кажущейся вдумчивости. Я приду снова, если можно».

Улицы были многолюдны, а магазины — полны товаров. Это была богатая часть города, но на улицах можно было видеть не только богатых, но и бедных, чернорабочих и офисных служащих. Были мужчины и женщины отовсюду, некоторые в национальных одеждах, но большинство одеты на западный манер. Улицы были запружены машинами новыми и старыми, дорогие авто искрились хромированным покрытием и полировкой. Лица людей были светящимися и улыбающимися. Магазины также были полны народа, но очень немногие любовались синевой неба. Их привлекали витрины, одежда, обувь, автомобили и продукты. Всюду были голуби, перелетавшие между снующими людьми и движущимися бесконечным потоком автомобилями. Неподалеку расположился книжный магазин с последними книжными новинками бесчисленных авторов. Люди, казалось, никогда не имели забот в этом мире. Война была далеко, на другой части земного шара. Деньги, продовольствие и работа — в изобилии, и происходило повсеместно получение и расход. Улицы были подобны каньонам между высокими зданиями, и совершенно не было деревьев. Шумная, странная неутомность была присуща народу, который имел все и в то же самое время ничего.

Огромная церковь стояла среди фешенебельных магазинов, а напротив нее располагался такой же большой банк, и оба были внушительны и очевидно необходимы. В просторной церкви священник проповедовал о Том, кто страдал ради человечества. Люди становились на колени в молитвах, там были свечи, идолы и запах ладана. Священник запевал первым, а прихожане подхватывали. Наконец они поднялись и вышли на залитые солнцем улицы и в магазины с их множеством товаров. Теперь в церкви было тихо, только некоторые остались, забывшись в собственных мыслях. Декорации, богато украшенные окна, кафедра проповедника, алтарь и свечи — все было там, чтобы успокоить человеческий ум.

Бога надо искать в церквях или в наших сердцах? Побуждение, чтобы вас кто-то утешил, порождает иллюзию, именно это побуждение создает церкви, храмы и мечети. Мы забываемся в них или в иллюзии всемогущего Государства, а реальное проходит мимо. Незначительное становится всепоглощающим. Истина, или то, что вы пожелаете, не может быть найдена с помощью ума, мысль не может найти ее, к ней нет никакого пути, ее нельзя купить через поклонение, молитву или жертвоприношение. Если мы хотим успокоения, утешения, мы так или иначе получим его, но вместе с ним приходит боль и страдание. Желание утешения, безопасности имеет силу создавать любую форму иллюзии. Только когда ум молчит, есть возможность для возникновения реального.

Нас было несколько, и В. начал, спрашивая, необходимо ли получать помощь, если нам надо понять всю эту запутанную проблему жизни. Не должен ли быть направляющий, просвещенной личностью, кто сможет показать нам истинный путь?

«Не достаточно ли мы пресытились всем этим в течение многих лет? — спросил С. — Я из-за одного этого не ищу гуру или учителя».

«Если ты действительно не ищешь помощи, тогда, почему ты здесь? — настаивал В. — Ты хочешь сказать, что избавился от всякого желания руководства?»

«Нет, не думаю, что избавился, и мне хотелось бы исследовать побуждение искать руководство или помощь. Я теперь не засматриваюсь на витрины, как это бывало, бегая к различным учителям, древним и современным, как я однажды делал. Но я нуждаюсь в помощи, и хотел бы знать почему. И наступит ли когда-либо время, когда я больше не буду нуждаться в ней?»

«Лично я не присутствовал бы здесь, если бы мне не была нужна помощь чья-либо, —

сказал М. — мне помогли в предыдущих случаях, и именно поэтому я здесь снова. Даже при том, что вы указали на зло из-за следования совету кого бы то ни было, сэр, мне помогли вы, и я буду продолжать приходить на ваши беседы и обсуждения так часто, как смогу». Мы ищем свидетельство того, помогают ли нам или нет? Доктор, улыбка ребенка или прохожего, взаимоотношения, лист, унесенный ветром, изменение климата, даже учитель, гуру — все эти вещи могут помогать. Для человека, который внимателен, помощь есть всюду, но многие из нас в спящем состоянии по отношению ко всему окружающему нас, кроме определенного учителя или книги, и в этом наша проблема. Вы обращаете внимание, когда я говорю что-то, верно? Но когда кто-то другой говорит ту же самую вещь, возможно, иными словами, вы становитесь глухими. Вы слушаете того, кого считаете авторитетом, и не внимательны, когда говорят другие.

«Но я обнаружил, что то, что вы говорите, обычно имеет значение, — ответил М. — так что я слушаю вас внимательно. Когда другой говорит что-то, это часто простая банальность, глупый ответ, или, возможно, я сам глуп. Смысл в том, что мне помогают ваши слова, так почему я не должен делать этого? Даже если каждый будет упорно утверждать, что я просто повторяю за вами, я буду все же приходить так часто, как мне это удастся.

Почему мы открыты для помощи в одном особом направлении и закрыты для каждого другого направления? Сознательно или подсознательно вы можете отдавать мне вашу любовь, ваше сострадание, вы можете помогать мне понимать мои проблемы, но почему я упорно утверждаю, что вы — это единственный источник помощи, единственный спаситель? Почему я создаю вас как авторитет для себя? Я слушаю вас, я внимателен ко всему, что вы говорите, но я безразличен или глух к высказыванию другого. Почему? Не в этом ли проблема?»

«Вы не говорите, что мы не должны искать помощь, — сказал Л., — а вы спрашиваете нас, почему мы придаем важность тому, кто помогает, делая из него авторитет для нас. Верно?»

Я также спрашиваю, почему вы ищете помощь. Когда кто-то ищет помощь, что за побуждение скрывается за этим? Когда кто-то сознательно, преднамеренно приступает к поиску помощи, разве он хочет помощи, или спасения, утешения? Что же это, что мы ищем?

«Есть разные виды помощи, — сказал В. — От прислуги до наиболее выдающегося хирурга, от преподавателя средней школы до самого великого ученого — все они дают некоторую помощь. При любой цивилизации помощь необходима, не только обычного вида, но также и руководство духовного учителя, который достиг просветления и помогает установить порядок и мир человечеству».

Пожалуйста, давайте отставим обобщения и рассмотрим, что руководство или помощь значат для каждого из нас. Разве она не подразумевает решение индивидуальных трудностей, болей, печали? Если вы являетесь духовным учителем или доктором, я прихожу к вам для того, чтобы вы мне показали счастливый жизненный путь или вылечили от какой-то болезни. Мы ищем путь жизни у просветленного человека, а знания или информацию у ученого. Мы хотим достичь, мы хотим быть успешными, мы хотим быть счастливыми, поэтому ищем образец для жизни, который поможет нам достичь того, чего мы желаем, священного или светского. Перепробовав многое другое, мы думаем о истине как о высшей цели, окончательном успокоении и счастье, и мы хотим заполучить ее. Так что мы начеку, чтобы найти то, чего желаем. Но может ли желание когда-либо проделать свой путь к действительности? Разве желание чего-то, каким бы благородным это ни было, не порождает иллюзию? И когда желания действуют, разве они не основывают структуру авторитета, подражания и страха? Это фактический психологический процесс, ведь так? И помощь ли это или же самообман?

«Я с большим трудом не позволяю себя убедить в том, что вы говорите! — воскликнул В. — Я понимаю причину, значение этого. Но я знаю, что вы мне помогли, и я должен отрицать помощь?»

Если кто-то помог вам, и вы делаете из него авторитет, тогда не мешаете ли вы всей дальнейшей помощи, не только от него, но и от всего окружающего вас? Разве помощь не находится всюду вокруг вас? Зачем смотреть только в одном направлении? И когда вы так замкнуты, так привязаны, может ли какая-либо помощь достичь вас? Но когда вы открыты, бесконечная помощь присутствует во всех вещах, от пения птицы до зова человека, от листика травы до необъятности небес. Яд и коррупция начинаются тогда, когда вы относитесь к одному человеку как к вашему авторитету, вашему руководителю, вашему спасителю. Это ведь так, правда? «Кажется, я понимаю то, что вы говорите, — сказал Л., — но моя трудность вот в чем. Я был последователем, искателем руководства много лет. Когда вы указываете на более глубокое значение следования кому-то или чему-то, разумом я соглашаюсь с вами, но часть меня восстает против. Теперь как же мне объединить это внутреннее противоречие так, чтобы я больше не был последователем?»

Два противостоящих желания или импульса не могут быть объединены, и когда вы представляете третий элемент, который является желанием объединения, вы только усложняете проблему, вы ее не решаете. Но когда вы понимаете целостное значение просьбы о помощи, следования за авторитетом, пусть это будет авторитет другого человека или же вашего собственного выдуманного образца, тогда само восприятие кладет конец всему следованию.

Самолет был переполнен. Он летел на высоте в двадцать с лишним тысяч футов над Атлантическим океаном, а ниже был виден толстый ковер из облаков. Небо выше было яркосиним, а солнце — позади нас, мы держали курс на запад. Дети играли, бегали по проходу, а теперь, устав, спали. После долгой ночи взрослые не спали, курили и пили. Впереди сидящий мужчина рассказывал другому о своем бизнесе, а женщина на заднем сиденье описывала в довольных тонах те вещи, которые она купила, и размышляла на тему, сколько пошлины ей придется заплатить. На той высоте полет был ровным, не было ни одной воздушной ямы, хотя ниже нас дули резкие ветра. Крылья самолета были яркими в ясном солнечном свете, и пропеллеры вертелись плавно, разрезая воздух с фантастической скоростью. Ветер был позади нас, и мы летели с скоростью более, чем три сотни миль в час.

Двое мужчин на расстоянии всего лишь узкого прохода говорили довольно громко, и было трудно не подслушать то, о чем они говорили. Они были крупными людьми, а один имел красное, обветренное лицо. Он объяснял, каков бизнес охоты на китов, насколько опасен, какая прибыль и насколько бурными были моря. Некоторые киты весили сотни тонн. Считалось, что матерей с детенышами нельзя убивать, и при этом не разрешалось убивать больше, чем определенное количество китов в пределах указанного времени. Убийство этих огромных монстров, очевидно, разрабатывалось большей частью с научной точки зрения, каждая группа имела специальную наработку для выполнения того, для чего она была технически обучена. Запах промышленного судна был почти невыносим, но к нему привыкаешь, как почти к любому. Но в этом крутились большие деньги, если все шло хорошо. Он начал объяснять то удивительное очарование от убийства, но в тот момент принесли напитки, и предмет беседы сменился.

Людам нравится убивать, неважно, друг друга ли, или безвредного, ясноглазого оленя в глубине леса, или тигра, который охотится на домашних животных. Змею на дороге специально переезжают, устанавливают капкан, и волк или койот попадает. Хорошо одетые, смеющиеся люди выходят с их драгоценным оружием и убивают птиц, которые недавно пели друг другу. Мальчик убивает трещащую синюю сойку из духового ружья, а взрослые не говорят слов сочувствия в адрес птички, а, напротив, хвалят его за меткий выстрел. Убийство ради так называемого спортивного интереса, пропитания, страны, мира — не имеет разницы. Оправдание — это не ответ. Остается только одно: не убивать. На Западе считают, что животные существуют для наших желудков или ради удовольствия убийства, или ради меха. На Востоке же в течение столетий каждый родитель учил и повторял: не убивайте, будьте сострадательными, жалейте. Здесь у животных нет души, так что они могут быть убиты безнаказанно, там — животные имеют души, так что подумайте и позвольте вашему сердцу познать любовь. Убивать животных и птиц для пищи здесь расценивается как нормальное, естественное явление, санкционированное церковью и рекламными объявлениями, там же не так, и вдумчивые, религиозные личности по традиции и культуре никогда этого не делают. Но это также быстро разрушается. Здесь мы всегда убивали от имени Бога и страны, и теперь убийство происходит всюду. Оно распространяется, почти внезапно древние культуры отметаются в сторону, и продуктивность, жестокость и средства разрушения тщательно лелеются и укрепляются. Мир не приходит вместе с политическим деятелем или священником, не приходит он и с адвокатом или полицейским. Мир — это состояние ума, в котором присутствует любовь.

Он был мелким бизнесменом, соперничающим, но способным лишь сводить концы с концами.

«Я не пришел, чтобы говорить о своем деле, — сказал он. — Оно дает мне все, что мне нужно, а так как мои потребности невелики, я справляюсь. Будучи не слишком амбициозным, я не участвую в игре жестокой конкуренции. Однажды, когда я проходил мимо, и увидев толпу под деревьями, остановился, чтобы послушать вас. Это было пару лет назад, но то, что вы сказали, что-то во мне затронуло. Я не очень образован, но теперь я читаю ваши беседы и вот я здесь. Раньше я был доволен своей жизнью, мыслями и во мне присутствовала вера во что-нибудь, что не обременяло мой мозг. Но с того воскресного утра, когда я блуждал по той долине на своем автомобиле и случайно наткнулся и услышал вас, то стал постоянно недоволен. Мое недовольство, в меньшей мере связано с моей работой, но оно охватило все мое существо. Раньше я испытывал жалость к людям, которые были недовольны. Они были так несчастны, ничто не удовлетворяло их, а теперь я присоединился к их рядам. Когда-то я был удовлетворен своей жизнью, друзьями, и тем, чем я занимался, но теперь я недоволен и несчастен».

Если позволите спросить, что вы подразумеваете под словом «недовольство»?

«До того воскресного утра, когда я услышал вас, я был удовлетворенный человек, и, как предполагаю, довольно скучный для других, теперь же я вижу, насколько глуп я был, и я пробую быть разумным и внимательным ко всему вокруг себя. Я хочу равняться на что-то, добраться куда-нибудь, и это побуждение, естественно, приводит к недовольству. Раньше я как будто спал, если можно это так выразить, но теперь я пробуждаюсь».

Вы пробуждаетесь или вы пробуете погрузиться снова в сон через желание стать кем-то? Вы говорите, что спали, но теперь пробуждены, и это пробужденное состояние делает вас недовольным, ничто не радует вас, причиняет вам боль, и, чтобы убежать от этой боли, вы пытаетесь стать кем-то, следовать за идеалом и так далее. Это подражание погружает вас снова в сон, не так ли?

«Но я не хочу возвратиться к моему прежнему состоянию, и мне действительно хочется остаться бодрствующим».

Не очень ли странно, как ум обманывает себя? Ум не любит, когда его беспокоят, он не любит, когда с него вытряхивают старые образцы, его удобные привычные мысли и действия. Будучи потревоженным, он ищет пути и средства, чтобы установить новые границы и пастбища, в которых он может безопасно жить. Именно эту зону безопасности ищет большинство из нас, и именно это желание быть в безопасности, оставаться непотревоженным погружает нас в сон. Обстоятельства, слово, жест, переживание могут пробудить нас, потревожить, но мы хотим снова, чтобы нас погрузили в сон. Это происходит все время с большинством из нас, и не является состоянием пробуждения. Что нам надо понять, так это способы, которыми ум погружает себя в сон. Ведь так?

«Но, должно быть, имеется очень много способов, с помощью которых ум погружается в сон. Возможно ли знать их всех и избежать их?»

Можно указать несколько, но это не решило бы проблему, не так ли?

«Почему нет?»

Просто изучить способы, которыми мнение погружает себя в сон, означает снова найти средство, возможно, иное, чтобы быть безмятежным, быть в безопасности. Важно вот что: не спать и не спрашивать, как не спать, преследование «как» — это побуждение быть в безопасности.

«Тогда что же делать?»

Оставайтесь с недовольством, не желая умиротворить его. Именно это желание быть безмятежным должно быть понято. Это желание, которое принимает многие формы, является побуждением убежать от того, что есть. Когда эти побуждения уйдут одно за другим, но не из-за какой-либо формы принуждения, сознательной или неосознанной, только тогда боль

недовольства прекращается. Сравнение того, что есть, с тем, что должно быть, приносит боль. Прекращение сравнения — это не состояние довольства, это состояние бодрствования без деятельности «я».

«Все это довольно-таки ново для меня. Мне кажется, что вы вкладываете в слова совершенно иное значение, а общение возможно только, когда оба из нас одновременно вкладывают одно и то же значение в одно и то же слово».

Общение — это взаимоотношения, верно?

«Вы преждевременно используете более широкое значение, чем я сейчас способен уловить. Я должен глубже вникнуть во все это, и, возможно, тогда я пойму».

Река была очень широкой в этом месте, почти в милю. По середине реки воды были чистыми и голубыми, но ближе к берегам — в грязных пятнах, и медленно текущими. Солнце садилось за огромным, раскинувшимся за рекой городом. Дым и пыль города придавали изумительные цвета садящемуся солнцу, которые отражались в широких, танцующих водах. Это был прекрасный вечер, и каждая травинка, деревья и щебечущие птицы были охвачены бесконечной красотой. Ничто не было отделено, отвержено. Шум поезда, грохочущего по отдаленному мосту, был частью этого полного спокойствия. Недалеко пел рыбаки. По обоим берегам были широкие, засаженные полосы, и в течение дня зеленые, сочные поля улыбались и манили, но сейчас они были темными, тихими и отчужденными. На этой стороне реки было большое, незасаженное место, где дети из деревни запускали бумажных змеев и шумно играли, громко ликуя, и где развешивались сети рыбаков для просушки. Там же они ставили на якорь их примитивные лодки.

Деревня располагалась чуть-чуть выше, вдоль берега, и обычно люди устраивали там пение, танцы или какие-нибудь другие шумные мероприятия. Но этим вечером, хотя они и вышли из хижин и расселись по округе, сельские жители были тихими и удивительно задумчивыми. Группа их спускалась с крутого берега, неся на бамбуковых носилках мертвое тело, накрытое белой тканью. Они прошли мимо, и я последовал за ними. Подойдя к краю реки, они поставили носилки почти у самой воды. С собой они принесли быстро горящую древесину и тяжелые бревна, и, сделав из них погребальный костер, положили на него тело, обрызгивая его водой из реки и накладывая на него больше веток и сена. Костер зажег очень молодой человек. Нас было приблизительно двадцать человек, и все мы собрались вокруг. Среди присутствующих не было женщин, мужчины сидели на корточках, обернувшись белой тканью, полностью затихнув. Пламя становилось сильно обжигающим, и нам пришлось отступить назад. Обугленная черная нога поднялась из огня и была задвинута назад с помощью длинной палки, но она не слушалась, и на нее бросили тяжелое бревно. Яркое желтое пламя отражалось в темной воде, также как и звезды. С заходом солнца утих легкий ветерок. За исключением треска костра все было очень тихим. Там была смерть. Посреди всех тех неподвижных людей и живого огня было бесконечное пространство, неизмеримое расстояние, глубокая уединенность. Это не было чем-то обособленно разделенным и отдельным от жизни. Там было начало, вечное начало.

Только что череп треснул, и сельские жители начали расходиться. Последний, кто должен был уйти, должно быть, был родственником, он скрестил руки, попрощался и медленно пошел вверх по берегу. Теперь там мало что осталось, вздымающееся пламя затихло, и лишь тлеющие угольки остались. Несколько костей, которые не сгорели, завтра утром бросят в реку. Необъятность смерти, ее неминуемость, и так близко! Вы так же умирали вместе со сгоранием того тела. Это было полное уединение и все же не обособленность, уединение, но не изоляция. Изоляция исходит от ума, а не от смерти.

Уже в годах, со спокойными манерами и достоинством, у него были ясные глаза и живая улыбка. В комнате было холодно, и он закутался в теплую шаль. Говоря по-английски, так как получил образование за границей, он объяснил, что ушел на пенсию после работы в правительстве и имел множество свободного времени. Он изучал различные религии и философии, но долго не решался обсуждать такие вопросы.

Раннее утреннее солнце стояло над рекой, и воды искрились подобно тысячам драгоценных камней. На веранде сидела маленькая золотисто-зеленая птица, греясь на солнце, в безопасности и спокойствии.

«Для чего я действительно пришел, — продолжил он, — это спросить или, быть может, обсудить то, что больше всего тревожит меня: смерть. Я читал «Тибетскую книгу мертвых» и знаком с тем, что наши собственные книги говорят по этому поводу. Христианские и исламские предположения о смерти слишком поверхностны. Я говорил с различными религиозными учителями здесь и за границей, но для меня, по крайней мере, все их теории кажутся абсолютно неудовлетворительными. Я много думал на предмет смерти и часто медитировал над ним, но я, кажется, не продвигаюсь дальше. Мой друг, который недавно услышал вас, рассказал мне кое-что из того, что вы говорили, поэтому я и пришел. Для меня проблема — это не только страх смерти, страх может не быть, но верно также и то, что происходит после смерти. Это являлось проблемой для человечества на протяжении веков, и никто, кажется, не решил ее. Что вы скажете?»

Давайте сначала избавимся от побуждения убежать от факта смерти через некую форму верования, типа перевоплощения или восстания из мертвых, или через легкое рационалистическое объяснение. Ум так жаждет найти разумное объяснение смерти или удовлетворяющий ответ на эту проблему, что он с легкостью проскальзывает в некую иллюзию. Из-за этого надо быть чрезвычайно осторожным.

«Но не это ли одна из наших самых больших трудностей? Мы жаждем некоего заверения, особенно от тех, кто, как мы считаем, обладает знаниями или опытом в этом вопросе. И когда мы не можем найти такого заверения, мы придумываем из-за отчаяния и надежды наши собственные успокаивающие верования и теории. Таким образом, вера, самая возмутительная или самая разумная, становится потребностью».

Каким бы удовлетворяющим ни было спасение, оно никоим образом не привносит понимание проблемы. Само это бегство — вот причина страха. Страх приходит при движении прочь от факта, от того, что есть. Вера, какой бы утешительной она ни была, имеет внутри себя семя страха. Каждый отстраняется от факта смерти, потому что каждый не хочет смотреть на него, а веры и теории предлагают легкий выход. Итак, если ум хочет обнаружить чрезвычайную значимость смерти, он должен отказаться легко, без сопротивления, от стремления к некоему обнадеживающему утешению. Это довольно очевидно, разве вы так не думаете?

«Не просите ли вы слишком много? Чтобы понять смерть, мы должны быть в отчаянии, не это ли вы хотите сказать?»

Абсолютно нет, сэр. Есть ли отчаяние, когда нет того состояния, которое мы называем надеждой? Почему мы всегда думаем противоположностями? Является ли надежда противоположностью отчаяния? Если является, тогда надежда содержит в себе семя отчаяния, и такая надежда имеет оттенок страха. Если мы хотим понимания, не важно ли быть свободным от противоположностей? Состояние ума имеет наибольшую важность. Деятельность отчаяний и надежды мешают пониманию или переживанию смерти. Движение противоположностей должно прекратиться. Ум должен приблизиться к проблеме смерти с полностью новым осознанием, при котором знакомое с процессом узнавания отсутствует.

«Боюсь, что не совсем понимаю ваше утверждение. Думаю, я с трудом схватываю значение ума, являющегося свободным от противоположностей. Хотя это и чрезвычайно трудная задача, думаю, что я вижу необходимость этого. Но то, что означает быть свободным от процесса узнавания, в целом мне неясно».

Узнавание — это процесс известного, это результат прошлого. Ум пугается того, что ему незнакомо. Если бы вы знали смерть, не было бы никакого страха из-за нее, никакой потребности в сложных объяснениях. Но вы не можете знать смерть, это что-то совершенно новое, никогда не испытанное прежде. То, что испытано, становится известным, прошлым, и именно от этого прошлого, от этого известного отталкивается узнавание. Пока существует это

движение от прошлого, новое не может быть. «Да, да, я начинаю чувствовать это, сэр» То, о чем мы разговариваем вместе, — это то, о чем нужно думать позже, а надо непосредственно переживать, когда мы продолжаем. Это переживание не может храниться для того, чтобы стать памятью, а память, способ узнавания, блокирует новое, неизвестное. Смерть — это неизвестное. Проблема не в том, чем такая смерть является и что случается после нее, а в том, как уму очистить себя от прошлого, известного. Тогда живой ум может войти в обитель смерти, он может встретить смерть, неизвестное. «Вы говорите, что можно узнать смерть, все еще оставаясь живым?»

Несчастный случай, болезнь и старость приводят к смерти, но при таких обстоятельствах невозможно быть полностью осознающим. Существует боль, надежда или отчаяние, страх изоляции, и ум, «я», сознательно или подсознательно борется против смерти, неизбежного. Мы умираем в страхе и сопротивлении смерти. Но возможно ли без сопротивления, без болезненности, без садистского или убийственного побуждения и, оставаясь при том полностью живым, мысленно энергичным, войти в дом смерти? Это возможно только, когда ум умирает по отношению к известному, к «я». Так что наша проблема — это не смерть, а то, как уму освободить себя от столетиями накопленного психологического опыта, от вечно увеличивающейся памяти, укрепления и облагораживания «я».

«Но как это нужно сделать? Как может ум освободить себя от собственной неволи? Мне кажется, что необходимо какое-то внешнее содействие, или же высшая и более благородная часть ума должна вмешаться, чтобы очистить ум от прошлого».

Это весьма сложная задача, верно? Внешнее содействие может быть влиянием окружающей среды, или оно может быть чем-то вне границ ума. Если внешнее содействие — это влияние окружающей среды, то именно самое влияние, с его традициями, верами и культурами, удерживало и удерживает ум в неволе. Если внешнее содействие — это что-то вне, тогда мысль в любой ее форме не может касаться этого. Мысль — это результат времени, мысль поставлена на якорь у прошлого, она никогда не сможет быть свободной от прошлого. Если мысль освобождает себя от прошлого, она прекращает быть мыслью. Размышлять над тем, что же там, за пределами ума, совершенно бесполезно. Для вмешательства того, что вне мысли, мысль, которая является «я», должна прекратить быть. Ум должен быть без всякого движения, он должен быть спокоен спокойствием безо всякого повода. Ум не может пригласить его. Ум может действительно делить его собственную область действий на благородную и позорную, желательную и нежелательную, высшую и низшую, но все такие деления и подразделения все еще в пределах границ самого ума. Так что любое движение ума в любом направлении является реакцией прошлого, «я», времени. Эта истина — вот единственный фактор освобождения, и тот, кто не прочувствует, что это истина, будет вечно в неволе, что бы он ни делал. Его кара, клятвы, дисциплины, жертвы могут иметь социологическое и успокаивающее значение, но они не имеют никакой ценности по отношению к истине.

Зависть и одиночество

Под деревом тем вечером было очень тихо. Ящерица бегала вверх и вниз по все еще теплой скале. Ночь будет холодной, и солнца вновь не будет в течение многих часов. Домашние животные были утомлены и медленно возвращались с отдаленных полей, где они трудились с людьми. Сова громко кричала с вершины холма, которая служила ей домом. Каждый вечер приблизительно в это время она начинала, и, когда становилось темнее, крики становились реже, но иногда поздно ночью можно было слышать их снова. Одна сова кричала другой через долины, и их глубокий крик, казалось, придавал большую тишину и красоту ночи. Это был прекрасный вечер, и молодая луна садилась позади темного холма.

Сострадания нетрудно достичь, когда сердце не наполнено хитрыми уловками ума. Именно ум с его требованиями и страхами, его подтверждениями и опровержениями, его намерениями и побуждениями уничтожает любовь. И насколько трудно быть простым относительно всего этого! Вы не нуждаетесь в философиях и доктринах, чтобы быть нежным и добрым. Эффективные и властные люди земли организуют все, чтобы прокормить и одеть людей, обеспечить их защитой и медицинским обслуживанием. Это неизбежно с быстрым увеличением производства, это функция хорошо организованного правительства и сбалансированного общества. Но организация не придает щедрости сердцу и руке. Щедрость приходит от совершенно иного источника, источника вне всякой меры. Амбиция и зависть уничтожают его так же основательно, как пожар. Этого источника нужно коснуться, но нужно прийти к нему с пустыми руками, без просьбы, без жертвы. Книги не могут научить, как и любой гуру не сможет привести к этому источнику. Его нельзя достичь через культивирование добродетели, хотя добродетель необходима, ни через способность и повиновение. Когда ум безмятежен, безо всякого движения, он — там. Ясность — она есть без повода, без стремления к большему.

Она была молодой леди, но довольно болезненного вида. Но не физическая боль так сильно беспокоила ее, а боль другая. Телесную боль она способна контролировать с помощью лекарств, но агонию ревности она никогда не способна усмирить. Она была с нею с детства, объяснила она. В том возрасте это было капризом, с которым мирились и над которым смеялись, но теперь она превратилась в болезнь. Она была замужем и имела двух детей, но ревность уничтожала все ее взаимоотношения.

«Я, кажется, ревную не только моего мужа и детей, но и почти любого, кто имеет больше, чем я, лучший сад или более красивое платье. Все это может казаться довольно глупым, но меня это замучило. Некоторое время назад я ходила к психологу и временно нашла успокоение, но вскоре это началось снова».

Разве культура, в которой мы живем, не поощряет зависть? Рекламные объявления, конкуренция, сравнение, поклонение успеху с его многочисленными последствиями, разве все эти вещи не поддерживают зависть? Требование большего — это ревность, верно?

«Но...»

Давайте рассмотрим саму зависть в течение нескольких минут, а не вашу борьбу с ней. Мы вернемся к ней позже. Хорошо?

«Да, конечно».

Зависть поощряется и уважается, не так ли? Дух конкуренции лелеют с детства. Идея о том, что вы должны делать и быть лучше, чем другие, повторяется постоянно различными способами. Примеры успеха, героя и его храброго поступка бесконечно шумят в голове. Существующая культура основана на зависти, на жадности. Если вы не жадно стремитесь к мирским вещам, а вместо этого следуете за неким религиозным учителем, вам обещают соответствующее место в

будущем. Мы все воспитаны на этом, и желание преуспеть глубоко укоренилось почти в каждом. Преуспевание преследуется различными способами, преуспевание в качестве художника, делового человека, религиозного деятеля. Все это является формой зависти, но только, когда зависть становится беспокоящей, болезненной мы пытаемся избавиться от нее. Пока она дает компенсацию и радость, зависть является принятой частью природы. Мы не видим, что в самом этом удовольствии есть боль. Привязанность дает удовольствие, но она также порождает ревность и боль, и это не любовь. В этой сфере деятельности мы живем, страдаем и умираем. Только, когда боль этого самоизолированного действия становится невыносимой, мы боремся, чтобы прорваться через нее.

«Я думаю, что туманно мне все понятно, но что мне делать?»

Перед тем, как рассмотреть, что же делать, давайте посмотрим, в чем проблема. Так в чем проблема? «Меня замучила ревность, и я хочу освободиться от нее».

Вы хотите освободиться от боли из-за нее, но разве вы не хотите держаться за особое удовольствие, которое приходит с обладанием и привязанностью?

«Конечно, да. Вы же не ожидаете, что я откажусь от всего моего имущества, не так ли?»

Нас не интересует отказ, а желание обладать. Мы хотим обладать людьми также, как вещами, мы цепляемся за верования также, как за надежды. Откуда это желание иметь вещи и людей, эта страстная привязанность?

«Я не знаю, я никогда не думала об этом. Кажется, естественно завидовать, но это стало ядом, страшно пугающим фактором в моей жизни».

Мы нуждаемся в некоторых вещах, продовольствии, одежде, защите и так далее, но они используются для психологического удовлетворения, которое вызывает много других проблем. Таким же образом, психологическая зависимость от людей порождает беспокойство, ревность и страх.

«Предполагаю, что в этом смысле я завишу от определенных людей. Они для меня маниакальная потребность, и без них я была бы полностью потерянна. Если бы я не имела мужа и детей, думаю, что я бы медленно сходила с ума или же я бы привязалась к кому-то другому. Но я не вижу, что плохого в привязанности».

Мы не говорим, что это правильно или неправильно, а рассматриваем ее причины и следствия, верно?

Мы не осуждаем и не оправдываем зависимость. Но почему один в психологическом отношении зависит от другого? Не в этом ли проблема и не в том, как освободиться от попыток ревности? Ревность — это просто следствие, призрак, и было бы бесполезно иметь дело только с призраком. Почему один в психологическом отношении зависит от другого?

«Знаю, я зависима, но я по-настоящему не думала об этом. Я принимала как должное, что один зависит от другого».

Конечно, мы физически зависим друг от друга и всегда будем зависеть, что является естественным и неизбежным. Но пока мы не поймем нашу психологическую зависимость от другого, разве вы не считаете, что боль ревности продолжится? Так почему же существует эта психологическая потребность в другом?

«Я нуждаюсь в моей семье, потому что я люблю их. Если бы я не любила их, то не заботилась бы о них».

Вы говорите, что любовь и ревность приходят вместе?

«Мне так кажется. Если бы я не любила их, я, конечно же, не ревновала бы».

В таком случае, если вы освободились бы от ревности, вы также избавились бы от любви, не так ли? Тогда почему вы хотите освободиться от ревности? Вы хотите удержать удовольствие от привязанности, но избавиться от боли из-за нее. Это возможно?

«Почему бы нет?»

Привязанность подразумевает опасение, не так ли? Вы боитесь того, чем вы являетесь, или того,

чем вы будете, если другие покинут вас или умрут, и вы являетесь привязанными из-за этого опасения. Пока вы поглощены удовольствием от привязанности, страх скрыт, заперт далеко, но, к сожалению, он всегда рядом, и пока вы не освободитесь от своего страха, пытки ревности будут продолжаться. «Чего я боюсь?»

Вопрос не в том, чего вы боитесь, но осознаете ли вы, что боитесь?

«Сейчас, когда вы целенаправленно задаете этот вопрос, предполагаю, что да. Хорошо, я боюсь».

Чего?

«Того, что растеряюсь, буду не в безопасности, того, что не будут любить, заботиться, боюсь быть одинокой, одной. Я думаю, что этого: я боюсь быть одинокой, не способной выстоять перед жизнью одной, поэтому-то я завишу от мужа и детей, я отчаянно держусь за них. Во мне живет всегда страх, что что-то с ними случится. Иногда мое отчаяние принимает форму ревности, безудержной ярости и тому подобное. Я была бы испугана в меньшей степени, если бы мой муж ушел к другой. Меня съедает беспокойство. Клянусь вам, я провела многие часы в слезах. Все это противоречие и суматоха — это то, что мы называем любовью, и вы спрашиваете меня, является ли это любовью. Является ли это любовью, когда есть привязанность? Понимаю, что нет. Это уродливо, совершенно эгоистично, я думаю все время о самой себе. Но что же мне делать?»

Осуждать, называть себя ненавистной, уродливой, эгоистичной, это никоим образом не уменьшает проблему, напротив увеличивает ее. Важно понять это. Осуждение или оправдание мешает вам взглянуть, что же скрывается за страхом, это является активным отвлечением от столкновения с тем фактом, что реально происходит. Когда вы говорите «я ужасна и эгоистична», слова нагружены осуждением, а вы усиливаете обвинительную характеристику, которая является частью «я».

«Я не уверена, что понимаю вас».

Осуждая или оправдывая действие вашего ребенка, вы понимаете его? У вас нет времени или желания объяснить, таким образом, чтобы получить немедленный результат, вы говорите «делай» или «не делай». Но вы не поняли ребенка. Точно так же осуждение, оправдание или сравнение мешают пониманию вас самих. Вы должны понять сложную сущность, которой являетесь вы сами.

«Да, да, я схватываю это».

Тогда вникайте в суть дела медленно, без осуждения или оправдания. Вы обнаружите, что это довольно трудно — не осуждать и не оправдывать, потому что столетиями опровержения и утверждения были обычными явлениями. Наблюдайте за вашими собственными реакциями, старайтесь освободиться от страха. Что такое страх? Как он возникает?

«Он точно есть, но какой он, я не знаю».

Страх не может существовать в изоляции, он существует только относительно чего-то, не так ли? Есть состояние, которое вы вызываете одиночеством, и когда вы ощущаете то состояние, возникает страх. Так что страх не существует отдельно. Чего вы боитесь на самом деле?

«Наверное, моего одиночества, как вы говорите».

Почему, наверное? Разве вы не уверены?

«Я колеблюсь, но одиночество — одна из моих самых глубоких проблем. Оно всегда было там, на заднем плане, но только теперь, в нашем разговоре, я вынуждена взглянуть на него прямо, чтобы увидеть, что оно здесь, рядом. Это огромная пустота, пугающая и неизбежная».

Возможно смотреть на эту пустоту, не давая ей названия и какой-либо формы описания? Простое обозначение состояния не подразумевает то, что мы понимаем его, напротив, это помеха для понимания.

«Я понимаю, что вы имеете в виду, но я не могу не обозначить ее, это практически мгновенная реакция».

Чувствование и обозначение происходят почти одновременно, верно? Могут ли они быть отделены? Может ли быть промежуток между чувствованием и обозначением этого? Если этот промежуток действительно испытан, то произойдет то, что мыслитель прекращает быть как сущность, отделенная и отличная от мысли. Процесс словесного обозначения — это часть «я», эго, сущности, которая ревнует и которая пытается преодолеть собственную ревность. Если вы действительно поймете суть этого, то страх прекратится. Обозначение имеет физиологическое, также как психологическое следствие. Только когда нет никакого обозначения, тогда воз можно полностью осознать то, что называется пустотой одиночества. Тогда ум не отделяет себя от того, что есть.

«Я нахожу, что чрезвычайно трудно следовать за всем этим, но чувствую, что по крайней мере поняла часть из сказанного, и позволю пониманию раскрыться».

Смятение ума

Весь день стоял туман, и, когда к вечеру он исчез, с востока подул ветер, сухой, резкий, сдувающий сухие листья и иссушающий землю. Это была бурная и грозная ночь, ветер усиливался, дом скрипел, и ветки отрывались от деревьев. Следующим утром воздух был настолько ясен, что вы могли почти прикоснуться к горам. Вместе с ветром возвратилась высокая температура, но, как только ветер стих в конце полудня, туман от моря снова расстелился.

Как необычно красива и богата земля! Нет никакой усталости от нее. Высохшие русла реки полны живых существ: горсы, маки, высокие желтые подсолнечники. На валунах лежали ящерицы, с коричневыми и белыми кольцами королевская змея грелась на солнце, ее черный язык выстреливал туда и обратно, а через ущелья лаяла собака, преследуя суслика или кролика.

Довольство никогда не является результатом полного удовлетворения, достижения или обладания вещами, это не рождено в действии или бездействии. Оно приходит с полнотой того, что есть, а не с его изменением. То, что является полным, не нуждается в изменении, замене. Именно незавершенное, которое пытается стать полным, знает суматоху недовольства и изменения. То, что есть неполное, оно не является полным. Полное нереально, а стремление к нереальному — это боль недовольства, которую никогда не излечить. Сама попытка излечить боль — поиск нереального, из-за которого недовольство возникает. Нет никакого выхода из недовольства. Осознавать недовольство означает осознавать то, что есть, и в полноте этого возникает состояние, которое может называться довольством. Оно не имеет никакой противоположности.

Дом был с видом на долину, и самый высокий пик отдаленных гор сверкал в лучах заката. Его скалистая масса казалась подвешенной над небом и освещенной изнутри, и в темнеющей комнате красота того света была неземной.

Он был молодежьим мужчиной, нетерпеливым и стремительным.

«Я прочел несколько книг по религии и религиозным практикам, по медитации и различным методам, пропагандирующих самые высокие достижения. Я был в одно время приверженцем коммунизма, но скоро нашел, что это было движение к регрессу, несмотря на многих интеллектуалов, его сторонников. Меня также привлекал католицизм. Некоторые из его доктрин понравились мне, и какое-то время я подумывал о том, чтобы стать католиком, но однажды, разговаривая с очень ученым священником, я внезапно почувствовал, как похож католицизм на тюрьму коммунизма. Во время моих скитаний, когда я был моряком на грузовом судне, я отправился в Индию и провел там почти год, и подумывал о том, чтобы стать монахом, но это было слишком далеко от жизни и слишком идеалистично и нереально. Я пробовал жить один, чтобы медитировать, но этому тоже наступил конец. После всех прошедших лет я все еще, кажется, совсем неспособен контролировать свои мысли, и это именно то, о чем мне хочется поговорить. Естественно, у меня есть и другие проблемы, секс и тому подобное, но если бы я мог управлять своими мыслями, то тогда смог бы обуздать свои горячие желания и побуждения».

Приведет ли контроль над мыслями к успокоению желания или же просто к его подавлению, что, в свою очередь, породит другие и более глубокие проблемы?

«Вы, конечно, не поощряете потакание желаниям. Желание — это путь мысли, и моими попытками управлять мыслями я надеялся поработить мои желания. Желания должны быть либо порабощены, либо возвышены, но даже при их возвышенности сначала они должны быть удержаны под контролем. Большинство учителей настаивает на том, что нужно переступить

пределы желания, и они предписывают различные методы для этого».

Что думаете вы по этому поводу? Решит ли простой контроль над желаниями многие проблемы? Будет ли подавление или возвышение желания вызывать его понимание или освободить вас от него? С помощью определенных упражнений, религиозных или иных, ум можно дисциплинировать постоянно. Но занятый ум — это не свободный ум, и, конечно, только свободный ум может осознать бесконечный творческий потенциал.

«Неужели нет освобождения через переступание пределов желания?»

Что вы подразумеваете под переступанием пределов желания?

«Для реализации собственного счастья и также наивысшего, необходимо не попасть под влияние желания, не оказаться пойманным в ловушку его порыва и замешательства. Чтобы держать желание под контролем, необходима некая форма покорения. Вместо преследования в жизни тривиальных вещей, это самое желание может искать возвышенное».

Вы можете изменить объект желания от дома до знания, от низкого к самому-самому высокому, но это все еще деятельность желания, не так ли? Можно не хотеть мирового признания, но побуждение достичь небес — это все равно преследование выгоды.

Желание вечно ищет реализации, достижения, и именно это движение желания должно быть понято и не должно отгоняться или рассеиваться. Без понимания путей желания простой контроль над мыслью имеет небольшое значение.

«Но надо вернуться к сути, с которой я начал. Даже, чтобы понять желание, необходима концентрация, и это для меня настоящая трудность. Кажется, я не могу управлять своими мыслями. Они блуждают повсюду, наталкиваясь друг на друга. Нет ни одной мысли, которая бы доминировала и была непрерывной среди всех ненужных мыслей».

Ум подобен механизму, работающему день и ночь, стремительному и постоянно занятому, спит ли он или бодрствует. Он быстр и столь же беспокоен, как море. Другая часть этого запутанного и сложного механизма пробует управлять всем движением, и таким образом начинается конфликт между противостоящими желаниями и побуждениями.

Одну часть можно называть высшее «я», а другую — низшее «я», но оба находятся в пределах области ума. Действие и реакция ума, мысли являются почти одновременными и почти автоматическими. Этот целостный сознательный и неосознанный процесс принятия и отрицания, приспособления и стремления быть свободным является чрезвычайно быстрым. Так что вопрос не в том, как управлять этим сложным механизмом, поскольку контроль порождает трение и только рассеивает энергию, а в том, может ли этот очень быстрый ум замедлиться?

«Но как?»

Если это можно напомнить, сэр, проблема не в «как». «Как» просто приводит к результату, к цели без особого значения, а после того, как его получают, начнется поиск другой желаемой цели, с ее страданием и противоречием.

«Тогда что же делать?»

Вы неправильно задаете вопрос, не так ли? Вы не обнаруживаете сами истину или ошибочность замедления ума, а заинтересованы в получении результата. Получение результата сравнительно легко, верно? Действительно ли это возможно для ума — замедлиться без применения тормоза?

«Что вы подразумеваете под замедлением?»

Когда вы очень быстро едете в автомобиле, близлежащий пейзаж размыт, только при скорости равной ходьбе вы можете рассматривать в деталях деревья, птиц и цветы. Самопознание приходит с замедлением ума, но это не значит что ум надо вынуждать быть медленным. Принуждение только приводит к сопротивлению, но при замедлении ума не должно быть никакой растраты энергии. Это так, верно?

«Думаю, что я начинаю понимать, что усилия, которые каждый прилагает, чтобы управлять мыслью, расточительны, но я не понимаю того, что еще нужно сделать».

Мы еще не подошли к вопросу о действии, не так ли? Мы пробуем понять, что для ума важно замедлиться, но не рассматриваем, как замедлить его. Ум может замедляться? И когда это случается?

«Я не знаю, никогда прежде об этом не думал».

Вы не заметили, сэр, что когда за чем-либо наблюдаете, ум замедляется? Когда наблюдаете автомобиль, движущийся по дороге, или пристально смотрите на любой физический объект, разве ваш ум не функционирует более медленно? При наблюдении, рассматривании ум действительно замедляется. Рассматривание картины, изображения, объекта помогает успокоить ум, как происходит и при повторении фразы. Но тогда объект или фраза становятся очень важными, а не замедление ума и то, что таким образом обнаруживается.

«Я наблюдаю за тем, что вы объясняете, и возникает осознание спокойствия ума».

Мы когда-либо действительно наблюдаем за чем-нибудь или же вставляем между наблюдателем и наблюдаемым призму различных предубеждений, ценностей, суждений, сравнений, осуждений?

«Почти невозможно не иметь эту призму. Я не думаю, что способен наблюдать без искажения».

Если можно, я предложу вам, не блокируйте себя словами или умозаключениями, уверенным или отрицательным. Может ли быть наблюдение без этой призмы? Чтобы выразиться по-другому, есть ли внимание, когда ум занят? Только незанятый ум может следить. Ум замедлен, насторожен, когда есть наблюдательность, которая является вниманием незанятого ума.

«Я начинаю испытывать то, о чем вы, сэр, говорите».

Давайте исследуем это далее. Если нет оценки, нет призмы между наблюдателем и наблюдаемым, то есть ли тогда разделение, разрыв между ними? Не является ли наблюдатель наблюдаемым?

«Боюсь, что не успеваю понять».

Алмаз не может быть отделен от его качеств, не так ли? Чувство зависти не может быть отделено от переживающего это чувство, хотя иллюзорное разделение существует, которое порождает конфликт, а в ловушке этого конфликта оказывается ум. Когда это ложное разделение исчезает, появляется возможность свободы, и только тогда ум спокоен. Только когда переживающий прекращает быть, возникает творческое движение реальности.

Бегство от того, что есть

Это был довольно-таки приятный сад, с большими деревьями, полностью окружившими зеленые лужайки с цветущими кустарниками. Виднелась дорога, бегущая по одной его стороне, и можно было случайно услышать громкий разговор, особенно вечерами, когда люди направлялись домой. Иногда в саду было очень тихо. Трава поливалась водой утром и вечером, и в это время в сад слеталось очень много птиц, снующих в поисках червей по лужайке. Они были так нетерпеливы в своем поиске, что забыв об осторожности, подходили весьма близко к сидящему человеку под деревом. Две птицы золотисто-зеленые, с квадратными хвостами и длинными, тонкими торчащими перьями, плоскими головами, длинными, узкими глазами и темными клювами постоянно прилетали, и усаживались на кусты роз. Они были в тон только что раскрывшихся листьев, и увидеть их было почти невозможно. Иногда они устремлялись вниз дугой к земле, ловили насекомое и возвращались на ветку покачивающегося розового куста. Это было самое прекрасное зрелище, полное свободы и красоты. Нельзя было подобраться к ним поближе, они были слишком пугливы, но если посидеть под деревом, почти не двигаясь, можно было увидеть, как они резвятся, а солнце играет на золотистых крыльях.

Частенько большая мангуста появлялась из густых кустарников, ее красный нос нервно подрагивал, острые глаза следили за каждым движением в округе. Увидев человека, сидящего под деревом, она очень встревожилась, но вскоре привыкла к его присутствию. Она неторопливо пересекала сад, ее длинный плоский хвост касался земли. Иногда она проходила вдоль края лужайки, прижимаясь к кустам, была настороженной, нюхая воздух. В это время вышло целое семейство мангустов. Впереди шел крупный самец, за ним — самка и двое детенышей. Двигались они гуськом. Малыши останавливались несколько раз, чтобы поиграть, но мать чувствуя их отсутствие за спиной, резко поворачивала голову в их сторону, и они догоняя родителей, пристраивались за ними.

В лунном свете сад казался сказочным. Неподвижные, сонные деревья отбрасывали длинные, черные тени на лужайку с притихшими кустарниками. После дневной суматохи и болтовни птицы уселись на ночь в темной листве. Дорога опустела, но иногда вдалеке можно было услышать песню или звуки флейты, на которой кто-то играл следуя в деревню. В это время сад был притихшим, наполненным нежным шепотом. Казалось ни один лист не шелохнулся, и деревья едва просматривались на фоне туманно-серебристого неба.

Воображению нет места при медитации, необходимо полностью отстраниться, поскольку ум, пой мантый в ловушку воображения, может только породить заблуждение. Ум должен быть ясным, без движения, и в свете той ясности приоткрывается бесконечное.

Он был стариком с седой бородой, а его тощее тело едва прикрывала шафрановая одежда саньяси-на. Он был вежлив в манерах и речи, но его глаза были полны печали, печали из-за тщетного поиска. В возрасте пятнадцати лет он оставил свою семью, отрекся от мира и много лет блуждал по всей Индии, в бесконечном поиске, посещая ашрамы, изучая, медитируя. Какое-то время он даже жил в ашраме религиозно-политического лидера, который очень напряженно трудился ради свободы Индии, и останавливался в другом ашраме, на юге, где было приятное песнопение. В зале, где молча жил один святой, он также, как и многие другие, оставался молча, все еще ища. Были также ашрамы на восточном и на западном побережье, где он останавливался, исследуя, вопрошая, обсуждая. Он также побывал на далеком севере, среди снегов и в холодных пещерах, и медитировал около бурлящих вод священной реки. Живя среди аскетов, он страдал физически и проделывал длительные паломничества в священные храмы. Он был сведущим в санскрите, и пение, когда он переходил с места на место, приводило его в

восторг.

«Я искал Бога всеми возможными способами с пятнадцатилетнего возраста, но не нашел Его, и сейчас мне уже за семьдесят. Я пришел к вам, как приходил к другим, надеясь найти Бога. Я должен найти Его прежде, чем я умру, если же, конечно, Он не является всего лишь очередным из многочисленных мифов человечества».

Если можно спросить, сэ, вы думаете, что неизмеримое можно найти, ища его? Через следование различными путями, через дисциплину и самоистязание, через жертву и преданное служение, неужели ищущий натолкнется на вечное? Естественно, сэ, существует ли вечное или нет, неважно, и суть этого может быть раскрыта позже, но что важно, так это понять, почему мы ищем, и что есть то, что мы ищем. Почему мы ищем?

«Я ищу, потому что без Бога жизнь мало что значит. Я ищу Его из-за печали и горечи. Я ищу Его, потому что хочу умиротворения. Я ищу Его, потому что Он постоянен, неизменен, потому что есть смерть, а Он бессмертен. Он — это порядок, красота и совершенство, и по этой причине я ищу Его».

То есть, находясь в агонии из-за непостоянного, мы с надеждой преследуем то, что мы называем постоянным. Повод нашего поиска — это найти утешение в идеале постоянного, а сам этот идеал рожден непостоянством, он вырос из боли постоянного изменения. Идеал нереален, в то время, как боль реальна, но мы, кажется, не понимаем факт боли, и поэтому мы цепляемся за идеал, за надежду безболезненности. Таким образом существует рожденное в нас дуальное состояние факта и идеала с его бесконечным конфликтом между тем, что есть, и тем, что должно быть. Поводом нашему поиску служит побег от непостоянства, от печали туда, что, как думает ум, является состоянием постоянства, вечного блаженства. Но сама эта мысль непостоянна, поскольку она рождена в горечи. Противоположность, как бы ни была она возвеличена, содержит в себе семя ее собственной противоположности. В таком случае, наш поиск является просто побуждением убежать от того, что есть.

«Вы хотите сказать, что мы должны прекратить искать?»

Если мы обратим наше неразделенное внимание на понимание того, что есть, тогда в поиске, каким мы его знаем, вообще не будет необходимости. Когда ум освобожден от печали, какая потребность тогда в поиске счастья?

«Может ли когда-либо ум быть свободным от печали?»

Делать заключение, может ли он или не может быть свободным, означает положить конец всякому исследованию и пониманию. Мы должны нацелить все наше внимание на понимание печали, но не можем сделать этого, если пытаемся убежать от печали, или же если наши умы заняты поиском ее причины. Должно быть полнейшее внимание, а не уклончивое беспокойство.

Когда ум больше не ищет, больше не порождает конфликт из-за своих потребностей и жажды, когда он молчит из-за понимания, только тогда может возникнуть неизмеримое.

Можно ли знать, что есть хорошо для людей?

В комнате нас было несколько человек. Двое просидели в тюрьме много лет по политическим причинам, они страдали и жертвовали ради получения свободы для страны и были хорошо известны. Их имена часто упоминались в газетах, и хотя они были скромны, но высокомерие из-за достижения и известности все-таки мелькало в глазах. Они были начитаны, речь их была красивой, которая приходит с практикой публичных выступлений. Один был крупным мужчиной с острым взглядом, политиком, полным всяких проектов и желанием подняться по служебной лестнице, не против карьеризма. Он также попал в тюрьму по той же самой причине, но теперь занимал должность во власти, и его взгляд был уверенным и целеустремленным. Он мог манипулировать идеями и людьми. Был еще другой, который отказался от материальных благ и голодал ради того, чтобы делать добро. Много знавший и владевший подходящими цитатами, он обладал улыбкой, которая была искренне добродушной и приятной, в настоящее время он путешествовал по всей территории страны, разговаривая, убеждая и голодая. Было еще трое или четверо человек, которые также стремились подняться по политической или духовной лестнице признания или смирения.

«Я не могу понять, — начал один из них, — почему вы настроены против активных действий. Жизнь — это действие, без действия жизнь — процесс застоя. Мы нуждаемся в преданных людях действия, чтобы изменить социальные и религиозные условия этой несчастной страны. Наверное, вы не против реформы: чтобы люди, владеющие землей, добровольно отдали часть земель безземельным, за обучение сельских жителей, за улучшение деревень, за прекращение кастовых разногласий и так далее».

Реформа, хотя и необходимая, только порождает потребность в дальнейшей реформе, и нет этому конца. Что на самом деле необходимо — так это революция в мышлении человека, а не частичная реформа. Без фундаментального преобразования в умах и сердцах людей реформа просто погружает нас в сон тем, что помогает далее быть удовлетворенными. Это довольно очевидно, не так ли?

«Вы имеете в виду, что мы не должны проводить никакие реформы?» — спросил другой с напряжением, которое удивляло. «Думаю, что вы не понимаете его, — пояснил мужчина постарше. — Он имеет в виду, что реформа никогда не вызовет полное преобразование человека. Фактически, реформа препятствует тому полному преобразованию, потому что она усыпляет человека, давая ему временное удовлетворение. Умножая эти приносящие удовлетворение реформы, вы будете медленно накачивать наркотиками вашего соседа до удовлетворенности.

Но если мы строго ограничимся одной существенной реформой, скажем, добровольная отдача земли безземельным, пока этого не произошло, не будет ли это выгодно?» Вы можете отделить одну часть от целой области существования? Можете ли вы выставить забор вокруг нее, сконцентрироваться на ней, не воздействуя на оставшиеся части области?

«Задействовать полностью всю область существования — это точно то, что мы планируем сделать. Когда мы доведем до конца одну реформу, мы перейдем к следующей».

Можно ли всеобщность жизни понять через часть? Или же сначала нужно воспринять и понять целое, и только тогда можно исследовать и изменить части по отношению к целому? Без постижения целого, просто концентрация на части только порождает дальнейший беспорядок и страдания.

«Вы хотите сказать, — потребовал напряженный, — что мы не должны действовать или совершать реформы без предварительного изучения целостного процесса существования?»

«Это, конечно, абсурд, — вставил политик. — У нас просто нет времени, чтобы найти полное значение жизни. Это придется оставить мечтателям, гуру и философам. Нам приходится иметь дело с каждодневным существованием, мы должны действовать, издавать законы, управлять и создавать порядок из хаоса. Нас интересуют дамбы, ирригация, улучшение сельского хозяйства. Мы занимаемся торговлей, экономикой и должны иметь дело с иностранными силами. Этого достаточно для нас, если нам удастся жить изо дня в день без какого-либо произошедшего главного бедствия. Мы люди практики на ответственных должностях и должны действовать, прилагая все наши способности, чтобы делать добро для людей».

Если можно спросить, откуда вы знаете, что хорошо для людей? Вы слишком много предполагаете. Вы начинаете с такого большого количества умозаключений, и, когда начинаете с умозаключения, вашего ли собственного или чьего-то другого, прекращается всякое размышление. Спокойное предположение, что вы знаете, а другой нет, приводит к большему страданию, чем страдание из-за возможности питаться только раз в день. Потому что именно тщеславие из-за умозаключений вызывает эксплуатацию человека. В нашем рвении действовать ради того, чтобы сделать хорошее для других, мы, кажется, причиняем много вреда.

«Некоторые из нас думают, что мы действительно знаем то, что хорошо для страны и ее народа», — объяснил политик.

«Конечно, оппозиция тоже считает, что она знает, но оппозиция не очень сильна в этой стране, к счастью для нас, так что мы победим и окажемся в состоянии, чтобы испытать то, что, как мы думаем, хорошо и выгодно».

Каждая партия знает или думает, что знает, что хорошо для народа. Но то, что по-настоящему хорошо, не создаст антагонизма как на родине, так и за границей, оно вызовет единство между одним человеком и другим. То, что по-настоящему хорошо, коснется всего человечества полностью, а не какой-то поверхностной выгоды, которая может привести только лишь к большему бедствию и страданию. Оно положит конец разделению и вражде, которую создали национализм и организованные религии. И так ли легко найти хорошее?

«Если нам придется учесть все значения, что есть хорошо, мы ни к чему не придем, мы окажемся не способными действовать. Немедленные потребности требуют немедленных действий, пусть даже эти действия могут принести несущественный беспорядок, — ответил политический деятель. — Просто у нас нет времени для обдумывания и философствования. Некоторые из нас заняты с раннего утра до позднего вечера, и мы не можем отсиживаться, чтобы рассмотреть полное значение каждого действия, которое нам нужно предпринять. Мы буквально не можем позволить себе удовольствие глубокого размышления, и мы оставляем это удовольствие для других».

«Сэр, вы, кажется, предлагаете, — сказал один из тех, кто до настоящего времени молчал, — что прежде, чем мы исполним то, что мы считаем хорошим поступком, мы должны обдумать полностью значение того поступка, так как, даже при том, что он кажется выгодным, такой поступок может принести больше страдания в будущем. Но возможно ли так глубоко осознавать наши собственные действия? В момент действия мы можем считать, что имеем то осознание, но позже мы можем обнаружить нашу слепоту».

В момент действий мы восторженны, мы в порыве, мы увлечены идеей или личностью лидера. Все лидеры, от тирана до самого набожного политического деятеля, заявляют, что они действуют для блага человечества, но все ведут к могиле. Но тем не менее мы уступаем их влиянию и следуем за ними. Разве вы, сэр, не оказывались под влиянием такого лидера? Возможно, его уже нет в живых, но вы все еще думаете и действуете согласно его санкциям, формулам, образу жизни, или же вы находитесь под влиянием более современного лидера. Так

что мы идем от одного лидера к другому, бросая их, когда это нам удобно, или когда появляется лидер получше с еще большими обещаниями чего-нибудь «хорошего». Своим энтузиазмом мы и других впутываем в сеть собственных убеждений, и часто они остаются в этой сети, тогда как сами мы перешли к другим лидерам и другим убеждениям. Но то, что хорошо, свободно от влияния, принуждения и удобства, и любой поступок, который не хорош в этом смысле, обязательно породит беспорядок и страдания.

«Думаю, что все мы можем признавать себя виновными в нахождении под влиянием лидера, напрямую или косвенно, — согласился последний говоривший, — но наша проблема вот в чем. Осознавая, что мы получаем много выгоды от общества, а отдаем назад очень мало, при этом видя так много нищеты всюду, мы чувствуем, что несем ответственность за общество, что должны что-то делать, чтобы уменьшить это бесконечное страдание. Большинство из нас, однако, чувствует себя довольно потерянными, так что мы следуем за сильной личностью. Его преданность, очевидная искренность, его мысли и действия оказывают на нас очень сильное влияние, и различными путями мы становимся его последователями. Под его влиянием мы вскоре оказываемся в ловушке действий либо за освобождение страны, либо за улучшение социальных условий. В нас имеется закоренелое принятие авторитета, и от этого принятия авторитета вытекает действие. То, что вы нам рассказываете, так противоречит всему, к чему мы приучены, но это не дает нам права судить и действовать. Я надеюсь, что вы понимаете наше затруднение».

Конечно, сэр, любой поступок, основанный на авторитете книги, пусть даже священной, или на авторитете человека, возможно благородного и святого, является бездумным поступком, который должен неизбежно привести к беспорядку и горе. В этой и в других странах лидер получает авторитет благодаря интерпретации так называемых священных писаний, которые он свободно цитирует, или благодаря его собственному опыту, который обусловлен прошлым, или благодаря строгости его жизни, что опять же основано на образе священных записей. Так что жизнь лидера так же повязана авторитетом, как и жизнь последователя, оба являются расами книг, опыта или знания другого. С этим всем в качестве основы вы хотите переделать мир. Это возможно? Или же вам необходимо отбросить весь этот авторитарный, иерархический взгляд на жизнь и приблизиться ко многим проблемам со свежим, жаждущим умом? Проживание и действие неотделимы, они находятся во взаимосвязи, это объединенный процесс, но сейчас вы отделили их, верно?

Вы расцениваете ежедневное проживание с его мыслями и поступками как отличное от действия, которое собирается изменить мир.

«И снова, это верно, — продолжал последний говоривший. — Но как же нам отбросить этот хомут авторитета и традиции, которые мы охотно и с радостью принимали с детства? Эта традиция еще с незапамятных времен, и тут вы приходите и советуете нам отбросить все это в сторону и положиться на самих себя! Из того, что я услышал и прочитал, вы утверждаете, что сам Атман не имеет постоянства. Так что вы понимаете, почему мы сбиты с толку».

Не может ли быть так, что вы никогда на самом деле не исследовали авторитарный путь существования? Если ставишь авторитет под вопрос — это уже конец авторитету. Нет ни метода, ни системы, по которой ум может освободиться от авторитета и традиции, а если бы имелся, то система стала бы доминирующим фактором.

Почему вы принимаете авторитет, в более глубоком смысле того слова? Вы принимаете авторитет так же точно, как это делает гуру, чтобы быть в безопасности, быть уверенным, быть успокоенным, преуспеть, доплыть до другого берега. Вы и гуру — поклоняющиеся успеху, вы оба ведомые амбицией. Где есть амбиция, нет любви, а действие без любви не имеет никакого значения.

«Разумом я понимаю, что то, о чем вы говорите, истинно, но внутри, эмоционально, я не чувствую подлинность этого».

Не существует никакого разумного понимания: или мы понимаем, или мы не понимаем. Это разделение нас самих на два водонепроницаемых отсека — еще одна нелепость с нашей стороны. Нам лучше признаться, что мы не понимаем, чем придерживаться того, что существует разумное понимание, это только порождает высокомерие и противоречие, вызванное нами самими.

«Мы отняли у вас так много времени, но, возможно, вы позволите нам прийти снова».

«Я хочу найти источник радости»

Солнце было за холмами, город был озарен вечерним сиянием, и небо было наполнено светом. При затянувшихся сумерках кричали и играли дети, у них перед ужином было все еще много времени. Вдали звонил диссонирующий колокол храма, а от близлежащей мечети чей-то голос призывал к вечерним молитвам. Попугаи возвращались из далеких лесов и полей к плотно насаженным вдоль всей дороги деревьям с густой листвой. Они создавали ужасный шум перед тем, как усесться на ночь. К ним присоединились вороны с их хриплым криком, были еще другие птицы, и все щебетали и шумели. Это была окраина города, и звуки движения транспорта тонули в громком щебетании птиц. Нос наступлением темноты стали более тихими, и через нескольких минут они умолкли и были готовы ко сну.

К группе людей болтающих и смеющихся под деревом, освещенных светом электрической лампы сверху, подошел мужчина, с предметом на шее, напоминающим толстую веревку, один конец которой держал в руке. Подойдя к группе, он положил веревку на землю. Послышались испуганные крики, люди стали убегать, так как «веревка» оказалась большой коброй, шипящей и надувающей свой капюшон. Смеясь, мужчина толкнул ее голыми пальцами ноги и тотчас поднял снова, держа ее прямо над головой. Конечно, ее клыки были удалены, в действительности она была безвредной, но страшной. Мужчина предложил мне обвязать змею вокруг моей шеи, он был польщен, когда я погладил ее. Она была холодной и покрыта чешуей, с сильными, слегка подрагивающими мускулами, глаза ее были черными и смотрели не мигая, так как у змей нет век. Мы прошли несколько шагов вместе, кобра на его шее вела себя спокойно.

При свете уличных фонарей звезды казались тусклыми и далекими, но Марс был красным и ярким. Рядом прошел нищий, едва передвигаясь медленными, усталыми шагами. Он был укутан в лохмотья, а его ноги были обернуты рваными кусками холста, привязанными к ним крепкой нитью. Он опирался на длинную палку и что-то бормотал себе под нос. Когда мы прошли мимо, он даже не взглянул. Дальше по улице располагалась шикарная гостиница, со стоящими перед ней дорогими автомобилями разных марок.

Молодой профессор одного из университетов, довольно нервный, с высоким голосом и блестящими глазами, сказал, что проделал длинный путь, чтобы задать вопрос, который был для него самым важным.

«Я познал различные радости: супружеской любви, здоровья, увлечения и хороших товарищеских отношений. Будучи профессором литературы, я много читал и находил восторг в книгах. Но я обнаружил, что каждая радость мимолетна по своей природе, от самой маленькой до самой огромной, и все однажды заканчиваются. Кажется, все, чего бы я ни касался, не имеет постоянства, даже литература — самая большая любовь моей жизни, начинает терять постоянную радость. Я чувствую, что должен существовать постоянный источник всякой радости, но хотя и искал его, я его не нашел».

Поиск — это удивительный феномен, вводящий в заблуждение, не так ли? Будучи неудовлетворенными настоящим, мы ищем кое-что вне его. Страдая от боли настоящего, мы исследуем будущее или прошлое, и даже то, что мы находим, поглощается настоящим. Мы никогда не прекращаем расследовать полное содержание настоящего, но всегда преследуем мечты о будущем. Или же из числа мертвых воспоминаний прошлого мы выбираем самые насыщенные и придаем им жизнь. Мы цепляемся за то, что было, или отклоняем его в свете завтрашнего дня, так что настоящее получается размытым. Оно просто становится проходом, который нужно как можно быстрее пройти. «Неважно, в прошлом это или в будущем, но я хочу найти источник радости, — продолжил он. — Вы знаете то, что я имею в виду, сэр. Я больше не

ищу объекты, от которых можно получить радость: идеи, книги, люди, природа, а источник самой радости, вне всей скоротечности. Если не найти тот источник, можно быть постоянно охваченным печалью непостоянного».

Не думаете ли вы, сэр, что нам надо понять значение слова «поиск»? Иначе не поймем друг друга. Отчего возникает побуждение искать, это беспокойство, чтобы найти, это принуждение достичь? Возможно, если нам удастся раскрыть мотив и понять его значение, мы сможем понять значение и поиска.

«Мой мотив прост и ясен: я хочу найти постоянный источник радости, потому что каждая радость, которую я познал, была проходящим явлением. Побуждение, которое заставляет меня искать, — это страдание из-за неимения чего-то длящегося. Я хочу уйти от этой печальной неуверенности и не думаю, что в этом есть что-нибудь неправильное. Любой, кто хоть немного задумывается, должно быть ищет ту радость, которую ищу. Другие могут давать ей разные названия: Бог, истина, блаженство, свобода, Мокша, и так далее, но, по сути, это одно и то же».

Охваченный болью из-за непостоянства ум заставляет искать постоянное под любым названием, и само его стремление к постоянному создает постоянное, которое является противоположностью тому, что есть. Так, в действительности нет никакого поиска, а лишь желание найти успокаивающее удовлетворение в постоянном. Когда ум осознает, что находится в состоянии постоянного непрерывного изменения, он продолжает строить противоположность того состояния, таким образом оказываясь в ловушке конфликта индивидуальности. А затем, желая убежать от этого конфликта, он преследует еще одну противоположность. Таким образом ум оказывается привязанным к колесу противоположностей.

«Я осознаю этот противодействующий умственный процесс, как вы это объясняете, но нужно ли вообще отказаться от поиска? Жизнь была бы очень скучной, если бы не было открытий».

Открываем ли мы что-нибудь новое через поиск? Новое — это не противоположность старого, не противопоставление тому, что есть. Если новое — это проекция старого, то оно является всего лишь видоизмененным продолжением старого. Всякое узнавание основано на прошлом, и то, что является узнаваемым, не новое. Поиск является результатом боли из-за настоящего, поэтому то, что разыскивается — уже известное. Вы ищете утешения, и, вероятно, вы его найдете. Но оно также будет мимолетным, поскольку само побуждение найти — непостоянно. Всякое желание чего-либо, будь то радости, Бога или чего-то другого, является мимолетным.

«Правильно ли я вас понимаю, что так как мой поиск — это результат желания, а желание мимолетно, мой поиск напрасен?»

Если вы понимаете суть этого, тогда сама мимолетность — это радость.

«Как мне осознать суть этого?» Не существует никакого «как», никакого метода. Метод порождает идею о постоянном. Пока ум имеет желание прийти к чему-то, получить, достичь, он будет в противоречивом состоянии. Противоречие — это нечувствительность. Но только лишь чувствительный ум осознает истину. Поиск рождается из-за противоречия, а с прекращением противоречия нет надобности искать. Вот тогда наступает блаженство.

Удовольствие, привычка и аскетизм

Дорога вела к югу от шумного раскинувшегося города с его кажущимися бесконечными рядами новых зданий. Дорога была переполнена автобусами, автомобилями, телегами запряженными волами и сотнями велосипедистов, которые ехали домой после трудового дня, выглядя изнуренными после дня рутинной работы, которая не доставляла им радости. Многие останавливались на открытом рынке у обочины, чтобы купить увядшие овощи. Мы направились в предместье города. По обеим сторонам дороги стояли деревья с сочными зелеными листьями, недавно омытыми ливнями. Солнце — огромный золотой шар — садилось справа от нас, над отдаленными холмами. Среди деревьев паслось много козлов, и друг за другом бегали дети. Изгибающаяся дорога шла мимо красной башни одиннадцатого века, возвышающейся среди руин Хинду и Могулов. Здесь и там располагались древние могилы, а роскошный, разрушенный сводчатый проход (арка) говорил о прежней славе. Автомобиль остановился, и дальше мы пошли пешком по дороге. Группа женщин возвращалась с работы на полях, и после дня тяжелого труда они пели веселую песню. Голоса звучали красиво и бодро. Когда мы приблизились, они застеснялись и прекратили пение, но как только мы прошли — продолжили.

Вечерний свет разливался среди пологих холмов, а деревья были темными на фоне вечернего неба. На огромной выступающей скале возвышались полуразрушенные зубчатые стены древней крепости. Изумительная красота окутывала землю, она была всюду, заполняя каждый укромный уголок земли и наши сердца и умы. Есть только любовь к Богу и человеку, ее нельзя разделить. Большая сова тихо пролетела в свете луны, а группа молодых сельчан громко спорила: ехать или нет в город, чтобы сходить в кино. Они вели себя агрессивно, выйдя на середину дороги.

В мягком лунном свете было приятно находиться, а тени на земле были ясными и четкими. По дороге ехал грузовик грохоча и громко сигналил. Деревня погрузилась в тишину ночи.

Он был умным, здоровым молодым человеком лет тридцати и работал в каком-то правительственном учреждении. Был доволен своей работой, получая довольно хорошее жалованье и перспективное будущее. Был женат и имел четырехлетнего сына, которого хотел взять с собой на нашу встречу, но мать мальчика решила, что ребенок будет мешать. «Я посетил одну или две ваших беседы, — сказал он, — и, если позволите, хотел бы задать вопрос. У меня есть вредные привычки, которые беспокоят меня. В течение нескольких месяцев я пробовал избавиться от них, но безуспешно. Что мне делать?»

Давайте рассматривать непосредственно саму привычку, а не делить ее на хорошую и плохую. Культивирование привычки, какой бы хорошей и благородной она ни была, только делает ум тупым. Что мы подразумеваем под привычкой? Давайте поразмыслим над этим, а не будем зависеть от простого определения.

«Привычка — это часто повторяемый акт».

Это механический импульс к движению в некотором направлении, либо приятном, либо неприятном, он может сработать сознательно или подсознательно, обдуманно или бездумно. Так ли это?

«Да, сэр, правильно».

Некоторые чувствуют потребность в кофе по утрам, так как не выпив его у них болит голова. Поначалу организм, возможно, требовал этого, но постепенно он привык к приятному вкусу и возбуждению после него, и теперь он страдает, когда лишен этого удовольствия.

«Но действительно ли кофе — необходимость?»

Что вы подразумеваете под необходимостью?

«Хорошая пища необходима для хорошего здоровья».

Естественно, но язык привыкает к пище определенного типа или вкуса, и тогда организм чувствует себя плохо и беспокоится, когда не получает то, к чему привык. Это настойчивое требование пищи особого типа указывает, что привычка была сформирована, а привычка основана на удовольствии и памяти о нем, ведь так?

«Но как можно покончить с привычкой, доставляющей удовольствие? Избавиться от неприятной привычки сравнительно легко, но моя проблема в том, как избавиться от приятных привычек».

Как я сказал, мы не рассматриваем приятные и неприятные привычки или как покончить с любой из них, а пытаемся понять саму привычку. Мы видим, что привычка формируется, когда имеется удовольствие и требование продолжения удовольствия. Привычка основана на удовольствии и воспоминании о нем. Изначально неприятный опыт может постепенно стать приятной и «необходимой» привычкой.

А теперь, давайте, немного продвинемся в теме. В чем ваша проблема?

«Среди многих привычек сексуальное удовлетворение стало мощной и всепоглощающей привычкой для меня. Я пробовал держать ее под контролем, дисциплинируя себя по отношению к этому, сидел на диете, занимался различными опытами и так далее, но несмотря на все мое сопротивление привычка продолжается».

Возможно, в вашей жизни нет другого способа выхода энергии, нет другого интереса. Вероятно, вам надоела ваша работа, и вы этого не осознаете. А Религия для вас может быть только скучным ритуалом, набором догм и верований вообще без всякого значения. Если вы чувствуете дискомфорт, расстроены, тогда секс становится для вас единственным выходом. Надо быть внимательным внутренне, пересмотреть отношение к вашей работе, обществу, выяснять для самого себя истинное значение религии, вот это то, что освободит ум от порабощения любой привычкой.

«Какое-то время я уделял много внимания религии и литературе, но сейчас у меня нет свободного времени для занятий любимым делом, так как все мое время занято работой. На самом деле я не чувствую себя несчастным из-за этого, но понимаю, что работа, как добыча средств к существованию — это не все. И, может быть, это так, как вы говорите, если мне удастся найти повод для более широких и более глубоких интересов, это поможет сломать привычку, которая беспокоит меня».

Как мы сказали, привычка — это повторение поступка, приносящего радость, вызванного стимулирующими воспоминаниями и образами, которые пробуждают ум. Выделения слюнных желез в случае голода, это не привычка, а нормальный физический процесс организма, но когда ум увлекается ощущениями, стимулируемыми мыслями и изображениями, тогда естественно запускается механизм формирования привычки. Пища необходима, требование особого вкуса пищи основано на привычке. Находя удовольствие в неких мыслях — действиях, тонких или грубых, ум настаивает на их продолжении, таким образом порождая привычку. Повторяющийся акт, как, например, чистка зубов по утрам, становится привычкой, когда ему не уделяется внимание. Внимание освобождает ум от привычки.

«Вы подразумеваете, что мы должны избавиться от всех удовольствий?»

Нет, сэр. Мы не пытаемся избавляться от чего-нибудь или приобретать что-нибудь. Мы стараемся понять полное значение привычки, а также мы должны понять проблемы удовольствия. Многие саньясины, йоги, святые отказывали себе в удовольствии, они истязали себя и вынуждали ум сопротивляться, быть нечувствительными к удовольствию в любой его форме. Удовольствие видеть красоту: дерева, облака, отражение лунного света на воде или человека, и отрицать это удовольствие — значит отрицать красоту.

С другой стороны, есть люди, которые не хотят замечать уродливого и цепляются за прекрасное. Они хотят остаться в прекрасном саду их собственного творения и закрыться от шума, вони и тирании, которые существуют за стеной. Очень часто это удается. Но закрываясь от уродливого и наслаждаясь только красотой, можно стать тупым, нечувствительным. Вы должны быть чувствительны к печали, также как к радости, а не сторониться одного и стремиться к другому. Жизнь является и смертью, и любовью. Любить — значит быть уязвимым, чувствительным, а привычка порождает нечувствительность, она уничтожает любовь.

«Я начинаю чувствовать красоту того, о чем вы говорите. Это правда, я сделал себя тупым и глупым. Раньше я любил ходить в лес, слушать птиц, наблюдать лица людей на улицах, а теперь вижу, что позволил привычке сделать со мной. Но что такое любовь?»

Любовь — это не простое удовольствие, воспоминание, это состояние интенсивной ранимости и красоты, которое уходит, когда ум строит стены из эгоцентричной деятельности. Любовь — это жизнь, и поэтому она также смерть. Отрицать смерть и цепляться за жизнь означает отрицать любовь.

«Я действительно начинаю проникать во все это и в самого себя. Без любви жизнь на самом деле становится механической и во власти привычки. Работа, которую я выполняю в офисе, в значительной степени механическая, как в действительности и остальная часть моей жизни. Я пойман в сети рутины и скуки. Я спал, а теперь я должен пробудиться».

Само осознание, что вы спали, — это уже пробуждение. Нет никакой потребности в воле.

Теперь, давайте продвинемся в вопросе немного далее. Нет никакой красоты без простоты, верно?

«Это то, что я не понимаю, сэр».

Простота не заключается в каком-то внешнем символе или поступке: носить набедренную повязку или одежду монаха, питаться только один раз в день или жить жизнью отшельника. Такая дисциплинированная простота, пусть даже строгая, это не простота, это просто внешний показ, не имеющий внутренней реальности. Простота — это простота внутреннего уединения, простота ума, который очищен от всякого конфликта, который не в ловушке пожаре желания, даже наивысшего желания. Без этой простоты не будет никакой любви, а красота исходит от любви.

Внутренняя пустота

Она несла на своей голове большую корзину, поддерживая ее одной рукой. Должно быть, она была весьма тяжелой, но вес не изменил ритмичное покачивание ее поступи. Походка была грациозной, легкой и плавной. На руке были большие металлические браслеты, которые издавали тихое позвякивание, а на ногах — старые, поношенные сандалии. Ее старенькое тори было ветхим и грязным. Обычно она ходила в компании знакомых женщин, которые несли корзины, но тем утром она была одна. Солнце было еще не слишком жарким, и высоко в синем небе несколько стервятников летали широкими кругами, лениво взмахивая крыльями. Вдоль дороги неторопливо бежала река. Было тихое утро, и одинокая женщина с большой корзиной на голове, казалось, была образцом красоты и изящества. Она как бы слилась с природой, и казалось не она шла впереди меня, а это я шел с той корзиной на голове. Это была не иллюзия, не выдумка, не желаемое и не искусственное отождествление, что было бы чрезмерно неприятно, а переживание, которое было естественным и сиюминутным. Несколько шагов, которые отделяли нас, время, память и широкое расстояние, которое порождается мыслью, полностью исчезли. Была только женщина, и я, любующийся ею. Был долгий путь к городу, где она будет продавать содержимое своей корзины. К вечеру она возвратится по той дороге и пересечет маленький бамбуковый мост по пути к своей деревне, только чтобы вновь появиться с полной корзиной следующим утром.

Он был уже не молод, но с отменным здоровьем, серьезен, и у него была приятная улыбка. Сидя со скрещенными ногами на полу, он объяснил на английском, немного запинаясь, из-за чего немного смущался, что учился в колледже и сдал экзамены на степень магистра, но так много лет не говорил по-английски, что почти забыл его. Он читал много литературы на санскрите, и частенько слова санскрита слетали с его губ. Он пришел, чтобы задать несколько вопросов о внутренней пустоте, пустоте ума. Затем он начал петь на санскрите, и комната тут же наполнилась глубоким чистым и проникновенным голосом. Он пел в течение некоторого времени, доставляя удовольствие присутствующим. Его лицо светилось смыслом, который он придавал каждому слову, и любовью, которую он чувствовал к содержанию каждого слова. Он был лишен всякой напыщенности и был слишком серьезен, чтобы притворяться.

«Я очень счастлив спеть эти слова в вашем присутствии. Для меня они имеют большое значение и красоту, я много лет медитировал с ними, и они для меня были источником руководства и силы. Я приучил себя не волноваться, но они вызывают слезы на моих глазах. Само звучание слов, с их богатым значением заполняет мое сердце, и тогда жизнь — это больше не мука и страдание. Как и любой человек, я познал горе; в жизни были и смерть, и боль. У меня была жена, которая умерла прежде, чем я покинул комфортные условия в доме своего отца, и теперь мне известно значение добровольной бедности. Я рассказываю вам это не для того, чтобы объяснить что расстроен, одинок или что-то в этом роде. Мое сердце восхищается многими вещами, но раньше мой отец рассказывал мне кое-что о ваших беседах, и один знакомый убедил меня встретиться с вами, и вот я здесь.

Я хочу, чтобы вы поговорили со мной о неизмеримой пустоте, — продолжил он, — у меня есть ощущение этой пустоты, и я думаю, что прикоснулся к ней в своих медитациях и размышлениях». Затем он процитировал слог, чтобы пояснить и подтвердить свое переживание. «Чей-то авторитет, пусть даже этот кто-то велик, не является доказательством истинности вашего опыта. Правда не нуждается ни в каком доказательстве с помощью действия, так же как она не зависит от какого-либо авторитета. Так что давайте отбросим всякий авторитет и традицию и попробуем выяснить суть этого вопроса самостоятельно.

Для меня это было бы очень трудно, потому что я погряз в традициях, не в обычных мирских традициях, а в учениях Гиты, «Упанишад» и тому подобном. Правильно ли с моей стороны позволить всему этому исчезнуть из моей жизни? Не будет ли это неблагодарностью с моей стороны?»

Ни благодарность, ни неблагодарность здесь ни при чем. Мы заинтересованы в обнаружении истинности или ошибочности той пустоты, о которой вы говорили. Если вы пойдете путем следования авторитету и традиции, что является знанием, вы переживете только то, что пожелаете пережить, а авторитет и традиция будут вам помогать. Это не будет открытием, это будет уже известным явлением, которое было узно и испытано. Авторитет и традиция могут быть ошибочными, они могут быть утешающей иллюзией. Чтобы обнаружить, является ли эта пустота истинной или ложной, существует ли она в действительности или же это просто еще одно изобретение ума, ум должен быть свободен от пут авторитета и традиции.

«А может ли ум когда-либо освободить себя от этих пут?»

Ум не может освободить себя, поскольку любое усилие быть свободным с его стороны лишь ткет другие пути, в которые он снова будет пойман. Свобода — это не противоположность, быть свободным не означает быть свободным от чего-то, это не состояние освобождения от неволи. Побуждение быть свободным порождает его собственную неволю. Свобода является состоянием бытия, которое не есть результат желания быть свободным. Когда ум это понимает и видит ошибочность авторитета и традиции, только тогда ложное по-настоящему уходит прочь.

«Может быть я был вынужден чувствовать определенные вещи из-за моего чтения и мыслей, основанных на этом чтении. Но помимо всего этого, я с детства чувствовал существование этой пустоты, как будто во сне. Всегда присутствовало какое-то указание на ее присутствие, ностальгическое чувство по отношению к ней, и когда я становился старше, чтение разного рода религиозной литературы только усиливало это чувство, придавая ему больше жизненности и смысла. Но я начинаю понимать то, что вы имеете в виду. Я почти полностью зависел от описания опытов других, как написано в священных писаниях. Я могу избавиться от этой зависимости, так как теперь понимаю необходимость этого, но смогу ли я возродить то подлинное, ничем не испорченное чувство того, что вне всяких слов?»

То, что возрождено, это не живое, не новое, это воспоминание, мертвая вещь, а дать жизнь мертвому вы не можете. Возродить и жить воспоминаниями значит быть рабом искусственного возбудителя, а ум, что зависим от возбудителя, сознательно или неосознанно, неизбежно становится тупым и нечувствительным. Возрождение — это увековечивание смятения. Обращаться к мертвому прошлому в момент живого острого переживания означает искать образец жизни, чьи корни уходят в глубь к распаду. То, что вы испытали, будучи юношей или только вчера, закончено и прошло, но если вы цепляетесь за прошлое, вы мешаете пульсирующему переживанию нового.

«Как я считаю, сэр, вы поймете, что я действительно искренен, и для меня стало безотлагательной потребностью понять ту пустоту и принадлежать ей. Что мне делать?»

Нужно освободить ум от известного, все знания, которые накопились, должны прекратить оказывать хоть какое-то влияние на живой ум. Знание вечно принадлежит прошлому, оно само является процессом прошлого, и ум надо освободить от этого процесса. Узнавание — это часть процесса знания, не так ли?

«Как это?»

Чтобы узнавать что-то, предварительно вы должны узнать или испытать это, и полученный опыт хранится как знание, как память. Узнавание исходит из прошлого. Когда-то давно вы, возможно, пережили эту пустоту, и, однажды пережив, вы жаждете ее снова. Первоначальный опыт возник без вашего стремления получить его, но теперь вы преследуете его, и то, что вы

ищите, — не пустота, а возобновление старого воспоминания. Если этому суждено снова случиться, всякое воспоминание, всякое знание должны исчезнуть. Всякий поиск должен прекратиться, поскольку он основан на желании испытать.

«Вы действительно имеете в виду, что я не должен этого искать? Это кажется невероятным!»

Мотив поиска имеет гораздо большее значение, чем сам поиск. Мотив обосновывает, направляет и формирует поиск. Мотив вашего поиска — это желание испытать непостижимое, познать его блаженство и необъятность. Из-за этого желания возник переживающий, который жаждет переживания. Переживающий стремится к более значительному, более обширному и более важному переживанию. Все другие переживания потеряли свой вкус, и переживающий теперь тоскует по пустоте. Итак, есть переживающий и то, что переживается. Таким образом, начинается противоречие между ними двумя, между преследователем и преследуемым.

«Это я очень хорошо понимаю, потому что нахожусь в точно таком состоянии. Теперь-то я понимаю, что оказался в сетях, мною же созданных».

Точно так же как каждый ищущий и не только ищущий истину, Бога, пустоту и так далее. Каждый амбициозный или алчный человек, который жаждет власти, положения, престижа, каждый идеалист, боготворящий государство, строитель совершенной утопии — все они пойманы в те же самые сети. Но если однажды вы поймете итоговое значение поиска, продолжите ли вы искать пустоту?

«Я уловил суть вашего вопроса и уже прекратил искать».

Допустим, что это факт, тогда что же это за состояние ума, которое не ищет?

«Не знаю. Все это настолько ново для меня, что мне придется сконцентрироваться и понаблюдать за собой. Можно подождать несколько минут, прежде чем мы пойдем дальше?»

После паузы он продолжил.

«Я ощущаю, как необычайно тонко, как трудно переживающему, наблюдателю не вмешиваться. Кажется, почти невозможно, чтобы мысль не создавала думающего. Но пока существует думающий, переживающий, очевидно будут разделение и конфликт с тем, что нужно переживать. А вы спрашиваете верно: что это за состояние ума, когда нет никакого конфликта?»

Конфликт существует, когда желание принимает форму переживающего и преследует то, что нужно переживать, так как то, что должно быть пережито, также придумано желанием.

«Пожалуйста, будьте терпеливы со мной и позвольте мне понять то, что вы говорите. Желание не только проектирует переживающего, наблюдателя, но также и дает жизнь тому, что переживается и наблюдается. Так что желание — это причина разделения между переживающим и тем, что переживается, и именно данное разделение поддерживает конфликт. Теперь же вы спрашиваете, что является тем состоянием ума, в котором больше нет конфликта, которое не ведомо желанием? Но можно ли ответить на этот вопрос без наблюдателя, кто наблюдает за переживанием состояния отсутствия желания?»

Когда вы осознаете ваше смирение, разве смирение не исчезает? Появляется ли добродетель, когда вы преднамеренно занимаетесь добродетелью? Такая практика — укрепление эгоцентричной деятельности, а это конец добродетели. В тот миг, когда осознаете что счастливы, вы прекращаете быть счастливым. Что это за состояние ума, которое не в ловушке противоречия желания? Побуждение выяснить — составляющая часть желания, которое породило переживающего и то, что переживается, так ли это?

Это так. Ваш вопрос оказался для меня западней, но я благодарен, что вы его задали. Я осознаю сейчас больше запутанных тонкостей желания».

Он не был западней, а естественным и неизбежным вопросом, который вы сами задали себе в ходе вашего исследования. Если ум крайне невнимателен, не осознает, вскоре он снова

окажется в сетях собственного желания.

«Один заключительный вопрос: действительно ли возможно, чтобы ум был полностью свободным от желания переживания, что сохраняет разделение между переживающим и тем, что переживается?»

Выясните, сэр. Когда ум полностью свободен от структуры желания, разве тогда ум отличается от пустоты?

Развращение ума

Вдоль крутого, длинного и широкого изгиба реки стоял город, священный, но очень грязный. В этом месте реки было сильное течение, которое часто омывало ступеньки старых зданий, ведущих к воде. Но какой бы ущерб она ни приносила в своем неистовстве, река все еще оставалась священной и прекрасной. Тем вечером было особенно красиво. Солнце садилось в сумерках за единственным минаретом, который, казалось, один из целого города достигал до небес. Облака были золотисто-красными от сияния заходящего солнца. Когда солнце село, над темным городом, появился молодой месяц, изящный и хрупкий. Он медленно поднялся над городом, в котором начали зажигаться огни.

На реке, хранящей свет вечернего неба, плавали сотни маленьких рыбацких лодок, управляемых длинными веслами загорелыми мужчинами, которые жили в деревне ниже города, промышляя рыболовством. Они будут рыбачить всю ночь, ловя крупную рыбу длиной до 10–15 дюймов, чтобы продать ее на следующий день.

Улицы города были переполнены телегами запряженными волами, автобусами, велосипедами и пешеходами, а иногда встречались коровы. Узкие переулки, бесконечно сворачивающие то вправо, то влево, тонули в грязи из-за недавних дождей и нечистоплотности людей. Один из переулков вел к широким ступенькам, которые спускались к самому краю реки, на которых несколько человек сидели близко к воде с закрытыми глазами в молчаливой медитации. Рядом пел мужчина перед восторженной толпой, которая протянулась далеко вверх по ступенькам. Чуть далее прокаженный нищий просил подаяния, протягивая усыхающую руку, а человек с пепельными, спутанными волосами что-то рассказывал людям. Поблизости опрятный саньясин, в свежестырированных одеждах сидел неподвижно, его глаза были закрыты, а ум был поглощен длительной и легкой медитацией. Человек сложив руки в виде чаши молил небеса наполнить ее. Молодая женщина грудью кормила младенца, отрешившись от всего. Далее вниз по реке, сжигались в огромных, ревуших кострах мертвые тела, принесенные из соседних деревень и из грязного города. Все это происходило здесь, поскольку это был самый священный и святой из городов. Красота плавно текущей реки, казалось, стирала весь хаос человеческой жизни, а небеса смотрели вниз с любовью и удивлением.

Нас было несколько человек: две женщины и четверо мужчин. Одна из женщин была умна, получившей хорошее образование дома и за границей. Другая была скромна, с печальным взглядом. Один из мужчин, бывший коммунист, который вышел из партии несколько лет назад, был настойчив и требователен; другой был художником, престарелым и застенчивым, но достаточно смелым, чтобы защитить свои права, когда того требовал случай. Третий был чиновником в правительстве, а четвертый — преподавателем, очень кротким, улыбочивым, и жаждущим учиться. Все молчали какое-то время. Первым заговорил бывший коммунист.

«Почему так много порочности в каждой сфере жизни? Я могу понять, как власть, даже от имени людей, является по существу злом и развращением, как вы заметили. Можно увидеть, как этот факт проявляется в истории. Семя зла и коррупции присуще всем политическим и религиозным организациям, как проявилось в церкви через столетия и в современном коммунизме, который так много обещал, но который сам стал коррумпированным и тираническим. Почему все обязательно ухудшается таким образом?»

«Мы много знаем о разных вещах, — добавила образованная леди, — но знание, кажется, не останавливает моральное разложение, которое есть в человеке. Я немного пишу, несколько моих книг были изданы, но я вижу, как легко ум может распасться на части, как только он в ловушке чего-либо. Изучите технику, как хорошо себя преподать, возьмите несколько интересных или

захватывающих тем, примите за привычку писать, и вы готовы для жизни, станете популярными, и все — вы испорчены. Я это говорю не из-за злобы или горечи, потому что я неудачница, или имею только посредственный успех, а потому что вижу этот процесс, происходящий в других и во мне самой. Мы, кажется, не уходим от коррозии рутины и возможностей. Чтобы начать что-то, потребуется энергия и инициатива, но когда это что-то начато, семя коррупции уже находится в нем. Можно ли когда-либо убежать от такого процесса ухудшения?»

«Я тоже, — сказал чиновник, — в ловушке рутины распада. Мы планируем будущее на пять или десять лет, строим дамбы и поддерживаем новые отрасли промышленности, все это хорошо и необходимо. Но даже при том, что дамбы могут быть красиво построены и превосходно обслуживаться, а механизмы сделаны, чтобы функционировать с максимумом эффективности, наш разум, с другой стороны, становится все более и более неэффективным, глупым и ленивым. Компьютеры и другие сложные электронные устройства превосходят человека на каждом шагу, но все-таки без человека они не могли бы существовать. Простой факт: несколько мозгов активно и творчески работают, а остальная часть живет благодаря им, сгнивая и часто радуясь нашей гнили».

«Я всего лишь преподаватель, но я заинтересован в иного рода образовании, которое предотвратит насаждение этого морального разложения ума. В настоящее время мы «обучаем» человеческое существо, как стать глупым бюрократом, простите меня, с важным постом и приличным жалованьем или с зарплатой клерка и куда более несчастным существованием. Я знаю, о чем говорю, потому что завяз в этом. Но, по-видимому, это именно тот вид образования, которое хочет правительство, потому что оно вкладывает в него деньги, и каждый так называемый педагог, включая и меня, помогает и содействует быстрому разращению человека. Положит ли конец этому разложению улучшенная методика или техника? Пожалуйста, поверьте мне, сэр, я очень серьезно интересуюсь данным вопросом, и не задаю его, чтобы просто поговорить. Я читал современные книги об образовании, и неизменно они имеют дело с той или иной методикой. И с тех пор, как услышал вас, я начал все это подвергать сомнению».

«Я художник широкого профиля, несколько музеев купили мои работы. К сожалению, я буду говорить о личном, против чего, я надеюсь, другие не будут возражать, поскольку их проблема — это и моя проблема. Я могу рисовать какое-то время, затем переключиться на работу с глиной и потом заняться какой-нибудь скульптурой. Это то же самое стремление, выражающее себя различными способами. Гений — это та сила, то необычайное чувство, которому нужно придать форму, а не человек или посредник, через которого она себя выражает. Может, я неправильно объяснил, но вы знаете, что я имею в виду. Именно эта творческая сила должна сохраниться живой, мощной, под огромным давлением, подобно пару в котле. Бывают периоды, когда чувствуешь эту силу, и, однажды испытав ее, ничто на земле не сможет помешать вашему желанию возвратиться обратно. С того самого момента вы терзаетесь неудовлетворенностью, потому что то пламя никогда не бывает постоянным и завершенным. Поэтому его надо подпитывать, лелеять, и каждая подпитка делает его более слабым, и менее полным. Таким образом пламя постепенно угаснет, хотя талант и техника продолжают существовать, и вы можете стать известным. Жест остается, но любовь прошла, сердце мертво, и так начинается ухудшение».

Ухудшение — это центральный фактор, верно? Каким бы ни был наш жизненный путь. Художник может чувствовать это одним способом, а преподаватель другим. Но если мы вообще заботимся о других и нашем собственном умственном процессе, это довольно очевидно и старым, и молодым, что ухудшение ума действительно происходит. Ухудшение, кажется, свойственное деятельности самого ума. Как механизм изнашивается через использование, так и ум, ухудшается через его собственное действие.

«Все мы знаем это, — сказала образованная леди. — Огонь, творческая сила исчезает после одного или двух всплесков, но способность остается, и этот возмещающий творческий потенциал становится на время заменой реальной вещи. Нам это слишком хорошо известно. Мой вопрос вот какой: как это творческое что-то может сохраниться, не теряя красоту и силу? Что является факторами ухудшения? Если узнать их, было бы возможно положить им конец».

«А имеются ли ясно определенные факторы, на которые можно указать? — спросил бывший член партии. — Ухудшение может быть свойственно самой природе ума».

Мнение — это творение общества, культуры, в которой он был воспитан, и поскольку общество всегда находится в состоянии коррупции, уничтожая себя изнутри, ум, который продолжает находиться под воздействием общества, обязательно будет в состоянии коррупции или ухудшения. Не так ли это?

«Несомненно. И именно потому, что мы восприняли этот факт, — объяснил экс-коммунист, — некоторые из нас трудились упорно и, довольно жестоко для того, чтобы создать новый и прочный образец, согласно которому, как мы полагали, общество должно функционировать. К сожалению, несколько коррумпированных личностей захватили власть, и результат всем нам известен».

А не может быть так, сэр, что это ухудшение неизбежно, когда создается образец для личной и коллективной жизни человека? От имени какого авторитета, кроме как хитрого авторитета власти, имеет право какой-то индивидуум или группировка создавать всем известный образец для человечества? Это сделала церковь с помощью силы страха, лести и обещания, превратить человека в заключенного.

«Я думал, что священник понимает, как жить человеку. Но теперь, как и многие другие вижу, какое глупое это высокомерие. Тем не менее факт остается фактом. Ухудшение — это наш удел, но может ли кто-нибудь избежать его?»

«Неужели мы не можем обучать молодежь, — спросил преподаватель, — так преподносить факты коррупции и ухудшения, что они будут инстинктивно избегать их, как избегали бы чумы?»

А не ходим ли мы вокруг да около предмета разговора, не понимая смысла? Давайте вместе рассмотрим это. Мы знаем, что наши умы ухудшаются различными путями, в зависимости от наших индивидуальных характеристик. Сейчас, можно ли положить этому процессу конец? И что мы подразумеваем под словом «ухудшение»? Давайте медленно вникнем в смысл слова. Действительно ли ухудшение — это состояние ума, которое стало известно через сравнение с неиспорченным состоянием, которое ум на мгновение испытал и теперь живет воспоминаниями, надеясь какими-то средствами восстановить его? Является ли ошибка состоянием ума, которое расстроено из-за своего желания успеха, самореализации и тому подобного. Ведь ум пытался и не сумел стать кем-то, и после этого не чувствует ли он сам, что ухудшается?

«Это все вместе, — сказала образованная леди. — По крайней мере, я, кажется, нахожусь в одном, если не во всех состояниях, которые вы только что описали».

Когда возникло то пламя, о котором вы говорили ранее?

«Оно пришло неожиданно, без моего стремления к нему, и когда оно прошло, я была неспособна вернуть его. Почему вы спрашиваете?»

Оно пришло, когда вы его не искали. Оно пришло ни благодаря вашему желанию успеха, ни из за страстного томления о том опьяняющем чувстве восторга. Теперь же, когда оно прошло, вы его преследуете, потому что это придало мгновенное значение жизни, которая иначе не имела смысла. А поскольку вы не можете вернуть его, то чувствуете, что началось ухудшение. Не так ли?

«Думаю, что это происходит не только со мной, но и с большинством из нас. Умные строят философию вокруг памяти о том переживании, и таким образом ловят невинных людей в их сети».

Разве все это не указывает на то, что может быть центральным и доминирующим фактором ухудшения?

«Вы имеете в виду амбицию?»

Это всего лишь один аспект накапливающего ядра: этот целеустремленный, эгоцентричный сгусток энергии, который является «я», эго, цензором, переживающим, который судит переживание. Не может быть так, что это является центральным, единственным фактором ухудшения?

«Неужели эгоцентричная, эгоистичная деятельность, — спросил художник, — это осознать то, что чья-то жизнь проходит без того творческого опьянения? Я едва могу поверить в это».

Это не вопрос доверия или веры. Давайте рассмотрим это далее. То творческое состояние возникло без вашего ведома, оно было там без вашего стремления к нему. Теперь же, когда оно исчезло и стало явлением прошлого, вы хотите его восстановить, что пробовали делать через различные формы стимуляции. Возможно, иногда касались его края, внешней грани, но этого недостаточно, и вы вечно голодаете по нему. Теперь, не всякое ли стремление, даже к самому высокому, является деятельностью «я»? Разве оно не эгоистично?

«Кажется, что да, когда вы это так поясняете, — согласился художник. — Но именно стремление в той или иной форме мотивирует нас всех, начиная от строгого святого и кончая неприятзательным крестьянином».

«Вы имеете в виду, — спросил преподаватель, — что всякое самосовершенствование эгоцентрично? Каждое усилие улучшить общество — это эгоцентричная деятельность? Разве суть образования не в расширении границ совершенствования, не в прогрессе в правильном направлении? Неужели эгоистично соответствовать улучшенному образцу общества?»

Общество всегда находится в состоянии вырождения. Нет совершенного общества. Совершенное общество может существовать в теории, но не в действительности. Общество основано на человеческих взаимоотношениях, мотивированных жадностью, завистью, алчностью, мимолетной радостью, стремлением к власти и так далее. Вы не можете улучшить зависть — она должна прекратиться. Наложить цивилизованное покрытие на насилие с помощью лицемерия идеалов не означает окончание насилия. Обучать студента соответствовать обществу — это только поощрять в нем ухудшающееся побуждение быть в безопасности. Восхождение по лестнице успеха, становиться кем-то, получать признание — это сама сущность нашей вырождающейся социальной структуры, и быть ее частью — значит ухудшаться.

«Вы предлагаете, — спросил преподаватель довольно тревожно, — что нужно отказаться от мира и стать отшельником, саньясином?»

Сравнительно легко и по-своему выгодно отказаться от внешнего мира, дома, семьи, имени, собственности. Но совсем другое дело положить конец, без всякого повода, без обещания счастливого будущего внутреннему миру амбиций, власти, достижения и по-настоящему быть как ничто. Человек начинает не с того конца и поэтому вечно остается в смятении. Начните с правильного конца, начните с ближнего, чтобы идти далеко.

«Не должна ли быть внедрена определенная практика, чтобы покончить с ухудшением, неэффективностью и ленью ума?» — спросил мужчина-чиновник.

Практика или дисциплина подразумевает стимул, получение результата, а это разве не эгоцентричная деятельность? Стать добродетельным — означает процесс личного интереса, приводящего к уважению. Когда вы возвращаете в себе состояние ненасилия, вы все еще являетесь жестоким, но под иным названием. Помимо всего этого, имеется другой фактор

вырождения: усилие, во всех его утонченных формах. Это не означает, что мы защищаем лень.

«О боже, сэр, вы, наверное, все отнимаете у нас! — воскликнул чиновник. — А когда вы отнимите все, что же от нас останется? Ничего!»

Творчество — это не процесс становления или Достижения, а состояние бытия, в котором полностью отсутствует эгоистическое усилие. Когда «я» делает усилие, чтобы отсутствовать, «я» присутствует. Всякое усилие со стороны этой сложной вещи, названной умом, должно прекратиться без всякого повода или стимула.

«Это означает смерть, не так ли?»

Смерть по отношению ко всему, что известно, что является «я». Только когда полностью весь ум утихнет, появляется творческое, не имеющее названия.

«Что вы подразумеваете под умом?» — спросил художник.

Сознательное, также как подсознательное, скрытые укромные уголки души, также как разумные частицы ума.

«Я послушала, — сказала молчавшая леди, — и теперь мое сердце понимает».

Внешнее изменение и внутренний распад

Поезд на юг был очень переполнен, но втискивалось еще большее количество людей с котомками и чемоданами. Все они были одеты по-разному. На некоторых были тяжелые пальто, в то время как другие были одеты легко, хотя было довольно холодно. Преобладали длинные пальто и тесные шерстяные шали, небрежно завязанные тюрбаны, и тюрбаны, которые были аккуратно завязаны, и все различных цветов. Когда пассажиры устроились, стали слышны крики торговцев на платформе станции. Они продавали почти все: газировку, сигареты, журналы, арахис, чай и кофе, конфеты и выпечку, игрушки, коврики и, что достаточно странно, даже флейту, сделанную из полированного бамбука. Ее продавец играл на такой же, и она издавала приятные звуки. Толпа продавцов возбужденно шумела. Появилась толпа людей, провожающая мужчину, который, должно быть, был довольно важным человеком, потому что на нем висело множество гирлянд. Они выделялись приятным ароматом среди резкой копоти двигателя и других неприятных запахов, связанных с железнодорожными станциями.

Несколько человек помогли тучной старухе зайти в купе, а она настаивала на том, чтобы занесли ее тяжелый багаж.

Кричал, что было силы, младенец, а мать пытаясь успокоить его, прижимать крепко к груди. Зазвонил звонок, загудел свисток, и поезд медленно двинулся, набирая скорость, чтобы уже не останавливаться в течение нескольких часов.

Это была красивая местность. Роса все еще виднелась на полях и на деревьях, растущих вдоль дороги. Мы ехали некоторое время вдоль полноводной реки, и сельская местность, казалось, раскрывалась в бесконечной красоте жизни. Изредка попадались маленькие, закопченные деревни с домашними животными, бродившими по полям или пьющими воду из колодцев. Мальчишка, одетый в грязные обноски, гнал несколько коров перед собой по дорожке. Он помахал, когда поезд прогрохотал мимо. В то утро небо было удивительно голубым, деревья омыты, а поля хорошо увлажнены недавними дождями, и люди шли на работу. В воздухе витало чувство чего-то священного, к чему тянулось все ваше существо. Некое благословение — удивительное и согревающее. Одинокий человек, идущий по той дороге, и лачуга у обочины — все купалось в нем. Вы никогда не нашли бы его в церквях, храмах или мечетях, потому что они искусственно созданы, а их боги выдуманы. Но там, на открытой местности, и в том грохочущем поезде чувствовалась неистошная жизнь, благословение, которое нельзя ни отыскать, ни получить. Оно уже присутствовало там, подобно маленькому желтому цветку, выросшему близко к рельсам. Люди в поезде болтали и смеялись или читали утренние газеты, но оно было там, среди них и среди нежных растений ранней весны. Благословение было там, неизмеримое и простое, как любовь, которую никакая книга не сможет передать, и к которой не сможет прикоснуться ум. Оно ощущалось там тем дивным утром.

Нас было восемь человек в комнате, но только двое или трое приняли участие в беседе. Снаружи на улице косили траву, кто-то точил косу, детские крики и голоса доносились в комнату. Те, кто пришел, были очень серьезными, они все упорно трудились различными способами ради улучшения общества, а не ради личной внешней выгоды, но тщеславие — странная вещь, оно прячется под одеянием достоинства и уважения.

«Учреждение, которое мы представляем, распадается, — начал самый старый, — оно тонуло в течение прошлых нескольких лет, и мы должны что-то сделать, чтобы остановить этот распад. Очень легко уничтожить организацию, но так трудно ее построить и поддерживать. Мы переживали многие кризисы, и, так или иначе, нам всегда удавалось преодолеть их, мы сталкивались с проблемами, но оставались способными функционировать. Теперь же, однако,

мы достигли точки, когда должны предпринять что-то решительное. Вот в чем наша проблема».

Что необходимо сделать, зависит от симптомов пациента и от тех, кто ответственен за него.

«Нам очень хорошо известны симптомы распада, они слишком очевидны. Хотя внешне учреждение признано и процветает, внутри оно гниет. Наши работники такие, как они есть, у нас есть различия, но мы сумели протянуть вместе больше лет, чем я могу припомнить. Если бы мы были удовлетворены простыми внешними проявлениями, то полагали бы, что все хорошо. Но те из нас, кто находится внутри системы, знают, что есть упадок».

Вы и другие, которые создали и ответственны за свое учреждение, сделали его таким, каким оно является. Вы и есть это учреждение. А распад свойственен любой организации, любой культуре, любому обществу, разве не так?

«Да, — согласился другой. — Как вы говорите, мир сотворен нами. Мир — это мы, а мы — это мир. Чтобы изменить мир, мы должны измениться сами. Наше учреждение является частью мира. Когда гноимся мы, гноится и мир, и учреждение. Обновление должно поэтому начинаться непосредственно с нас. Неприятность в том, сэр, что жизнь для нас — не целостный процесс. Мы действуем на различных уровнях, каждый в противоречии с другими. Учреждение — это одно, а мы — это другое. Мы менеджеры, президенты, секретари, высокопоставленные должностные лица, те, с чьей помощью управляется учреждение. Мы не расцениваем его как нашу собственную жизнь, это что-то вне нас, что-то, чем надо управлять и преобразовывать. Когда вы говорите, что наша организация есть то, чем являемся мы, мы признаем это на словах, но не внутри. Мы заинтересованы в управлении учреждением, а не нами самими».

Вы понимаете, что именно вам нужно хирургическое вмешательство?

«Я понимаю, что нам потребуется решительное хирургическое вмешательство, — сказал самый старый. — Но кто должен быть хирургом?»

Каждый из нас хирург и пациент, нет авторитета на стороне, который будет орудовать ножом. Само восприятие факта необходимости операции приводит в движение действие, которое само по себе послужит операцией. Но если ей суждено быть, это означает сильное вмешательство, дисгармонию, так как пациенту надо перестать жить общепринятым способом. Вмешательство неизбежно. Избегать всякого нарушения покоя вещей значит иметь гармонию как на кладбище, которое хорошо ухожено и упорядоченно, но полно захороненных гниющих останков.

«Но действительно ли возможно, при том что, мы так устроены?»

Сэр, задавая этот вопрос, вы не строите стену из сопротивления, которое мешает произойти операции? Таким образом вы подсознательно позволяете кризису продолжаться.

«Я хочу оперировать на самом себе, но, кажется, я не способен это делать».

Когда вы пытаетесь оперировать на себе, тогда вообще нет никакой операции. Приложение усилий для остановки кризиса — это еще один путь ухода от факта, который означает ухудшение ситуации. Сэр, в действительности вы не хотите операции, а хотите кое-как исправить, улучшить внешние проявления с помощью небольших изменений там и здесь. Вы хотите преобразовать, покрыть гниль золотом, чтобы вы могли иметь мир и учреждение, которые желаете. Но мы все стареем. Я вам это не навязываю, но почему бы вам не убрать вашу руку и не позволить там быть операции? Если вы не будете этому препятствовать, потечет чистая и здоровая кровь.

Где есть «я», там нет любви

Кусты роз прямо за воротами пестрели красными цветами, их сильный аромат притягивал бабочек. Там росли также и ноготки и цветущий сладкий горох. Сад выходил к реке, и тем вечером она сияла золотистым светом от лучей заходящего солнца. Рыбацкие лодки, в форме гондол, темнели на тихой глади реки. Деревня утопающая в деревьях на противоположной стороне была расположена на расстоянии свыше мили, и все же через воду ясно доносились голоса. От ворот шла тропинка, ведущая вниз к реке. Она присоединилась к грунтовой дороге, которая использовалась сельскими жителями для того, чтобы добираться в город и обратно. Дорога резко обрывалась у берега ручья, который впадал в большую реку. Это не был песчаный берег, в нем преобладало большее количество влажной глины, и ноги утопали в ней. Через ручей в этом месте вскоре построят бамбуковый мост, но сейчас плыла лишь неуклюжая баржа, на которой возвращались умиротворенные сельчане после торговли в городе. Двое мужчин перевезли нас через ручей, в то время как сельские жители сидели, поевиваясь от вечернего холода. Там имелась маленькая жаровня, которую зажгут, когда станет еще темнее, и луна даст им свет. Маленькая девочка несла корзину дров, которая была слишком для нее тяжела. Когда она пересекла ручей, то оказалось, что ей трудно поднять корзину, но с чьей-то помощью она аккуратно поставила ее на свою маленькую голову, и улыбка девочки, казалось, озарила Вселенную. Все мы поднялись осторожными шагами на крутой берег, и вскоре сельчане отправились, болтая, вниз по дороге.

Здесь была открытая местность, а почва была очень богата илом многих столетий. Ровная, хорошо вспаханная земля, местами с изумительными старыми деревьями, протянулась к горизонту. Преобладали поля озимой пшеницы и других зерновых, приятно пахнущего гороха, с белыми цветами. На одной стороне текла река, широкая и изгибающаяся, у реки стояла деревня, шумная от деятельности. Дорожка считалась очень древней, потому что по ней прошелся Просвещенный, и паломники пользовались ею в течение многих столетий. Путь считался священным, и то здесь, то там вдоль него стояли маленькие храмы. Манговые и тамариндовые деревья были тоже очень стары, и некоторые усыхали, повидав так много. На фоне золотого вечернего неба они казались величественными, а их ветви темными и загадочными. Немного далее росла бамбуковая роща, желтеющая от возраста, и в маленьком фруктовом саду коза, привязанная к дереву, бляла своему дитя, которое всюду скакало и прыгало. Тропа шла мимо водоема, куда приходил на водопой скот, в другую манговую рощу. Ощущалось спокойствие, затаившее дыхание, и все познало благословенный час. Земля и все на ней стало святым. Это не было так, что ум осознавал это спокойствие как что-то вне себя, что-то, что нужно запомнить и сообщить, а как полное отсутствие всякого движения Ума, нечто неизмеримое.

Он был молодежавым мужчиной, сказав, что ему чуть за сорок, и хотя ему доводилось стоять перед зрителями и говорить с большой уверенностью, он Довольно застенчиво вел себя. Как и многие другие из его поколения, он немного увлекался политикой, Религией и социальной реформой. Был склонен к написанию стихов и мог рисовать на холсте. Некоторые из выдающихся лидеров были его друзьями, и сам он мог продвинуться далеко в политике. Но сделал иной выбор и был доволен держать свой свет, укрытый в далеком городе в горах.

«Я желал повидаться с вами уже много лет. Вы можете не помнить, но я присутствовал однажды на том же самом теплоходе, что и вы, отправлявшемся в Европу до второй мировой войны. Мой отец очень интересовался вашим учением, но я ушел глубоко в политику и другие вещи. Мое желание поговорить с вами стало настолько постоянным, что я не смог больше откладывать. Я хочу открыть свое сердце. Несколько раз я посетил ваши беседы и обсуждения в

разных местах, но недавно у меня появилось сильное побуждение повидаться с вами с глазу на глаз, потому что я зашел в тупик».

Какой?

«Я, кажется, не способен «прорваться». Я выполнял определенный вид медитации, не ту, которая гипнотизирует вас, а которая помогает осознавать свое собственное мышление, и так далее. При этом процессе я обязательно засыпаю. Наверное оттого, что я ленив и легкомысленен. Я постился и пробовал различные диеты, но эта летаргия сохраняется»

Действительно ли это из-за лени или чего-то другого? Есть ли какое-то глубокое внутреннее расстройство? Стал ли ваш ум унылым, нечувствительным из-за событий вашей жизни? Если позволите спросить, не оттого ли это, что в нем нет любви?

«Не знаю, сэр. Я мало думал об этих вопросах и никогда не был способен выявить что-нибудь. Воз- можно, меня подавляли слишком многие хорошие и плохие явления. В некотором смысле жизнь была слишком легка для меня, с семьей, деньгами, определенными возможностями и тому подобным. Ничто не давалось очень трудно, и в этом, возможно, моя проблема. Общее чувство непринужденности и наличие возможности найти выход из почти любой ситуации, наверное, сделали меня мягким».

Так ли это? А может вы просто поверхностно описываете события? Если бы те вещи глубоко на вас воздействовали, вы вели бы иной образ жизни, вы следовали бы легким курсом. Но вы не следовали, тогда должен существовать другой процесс, который делает ваш ум вялым и неспособным.

«Тогда что это? Меня не слишком беспокоит секс, я баловался им, но он никогда не был страстью до такой степени, чтобы я стал его рабом. Это начиналось с любви, а заканчивалось разочарованием, но не расстройством. В этом я довольно уверен. Я не осуждаю, не преследую секс. Так или иначе, он не проблема для меня».

Ваше безразличие разрушило чувствительность? В конце концов, любовь уязвима, и ум, который построил защиту против жизни, прекращает любить.

«Я не думаю, что построил защиту против секса, но любовь — не обязательно секс, и я действительно не знаю, люблю ли я вообще».

Понимаете ли, наши умы так тщательно искусственно удобряются, что мы заполняем наши сердца вещами от ума. Мы отдаем большую часть нашего времени и энергии на добычу средств к существованию, накопление знаний, огню веры, патриотизму и поклонению государству, деятельности социальной реформы, преследованию идеалов и достоинств и многим другим вещам, которыми поглощен наш ум. Так что сердце стало пустым, а ум становится богатым своими хитростями. Это приводит к нечувствительности, не так ли?

«Это правда, что мы чересчур удобряем наши умы. Мы поклоняемся знанию, и в почете человек разумный, но немногие из нас любят в том смысле, о котором вы говорите. Говоря за себя, я честно не знаю, имею ли я любовь вообще. Я не убиваю, чтобы поесть, я люблю природу. Мне нравится ходить в лес и чувствовать его тишину и красоту, мне нравится спать под открытым небом. Но указывает ли все это на то, что я люблю?»

Чувствительность к природе — это часть любви, но не любовь, не так ли? Быть чутким и добрым, чтобы делать добро, не прося ничего взамен, является частью любви, но это не любовь, верно?

«Тогда, что есть любовь?»

Любовь — не только все эти составляющие, но и намного больше. Вся целостность любви находится вне всякого измерения ума, и, чтобы познать целостность, ум должен быть свободен от своих занятий, одинаково как благородных, так и эгоцентричных. Спрашивать, как освободить ум или как не быть эгоцентричным означает преследовать метод, а преследование

метода — это еще одно занятие мышления.

«Но возможно ли освободить ум без некоторого усилия?» Всякое усилие, «правильное», также как и «неправильное», поддерживает центр, ядро достижения, «я». Где «я», там нет любви. Но мы говорили об апатии ума, его нечувствительности. Вы много читали? А не могут знания быть частью этого процесса нечувствительности?

«Я не ученый, но читаю много, и мне нравится копаться в библиотеках. Я уважаю знания и не совсем понимаю, почему вы считаете, что они обязательно приводят к нечувствительности».

Что мы подразумеваем под знаниями? Наша жизнь большей частью — повторение того, чему нас учили, верно ведь? Мы можем добавлять что-то к нашим знаниям, процесс повторения продолжается и усиливает привычку накапливать. Что вы знаете помимо того, что прочитали, вам рассказали или вы испытали? То, что вы испытываете сейчас, формируется согласно тому, что вы испытывали прежде. Дальнейшее переживание — это то, что было уже испытано, только увеличено или видоизменено, таким образом, процесс повторения поддерживается. Повторение хорошего или плохого, благородного или тривиального явно приводит к нечувствительности, потому что ум перемещается только в пределах области известного. Не из-за этого ли ваш ум уныл?

«Но я не могу отбросить все то, что знаю и все то, что накопил как знание».

Вы и есть это знание, вы — это все, что вы накопили. Вы — это пластинка граммофона, которая вечно повторяет то, что записано на ней. Вы — это песня, шум, болтовня общества, вашей культуры. Есть ли неразвращенный «вы», не считая всей этой болтовни? Этот центр «я» теперь стремится освободить себя от вещей им же собранных. Но то усилие, которое он предпринимает, чтобы быть свободным, — это все еще часть процесса накопления. У вас есть для проигрывания новая пластинка, с новыми словами, но ваш ум все еще вялый, нечувствительный.

«Я прекрасно вас понимаю. Вы очень хорошо описали мое состояние ума. Я в свое время изучил жаргоны различных идеологий: и религиозных, и политических, но, как вы заметили, суть моего ума остается той же самой. Теперь я очень четко осознаю это, а также то, что целостный процесс делает ум поверхностно внимательным, умным, внешне гибким, в то время как ниже поверхности он все еще тот же самый старый эго-центр, который есть «я».

Вы осознаете все как факт, или вы знаете это только через описание другого? Если это не ваше собственное открытие, что-то, что вы выяснили сами, то это все еще только слово, а не факт, который является важным.

«Я не совсем вас понимаю. Пожалуйста, помедленней, сэр, и объясните снова».

Вы знаете что-нибудь или вы только признаете? Признание — процесс ассоциации, памяти, которая является знанием. Это верно, не так ли?

«Думаю, что понимаю, что вы имеете в виду. Я знаю, что та птица — это попугай только потому, что мне так сказали. Через ассоциацию, память, которые являются знаниями, возникает признание, и затем я говорю: «Это попугай».

Слово «попугай» блокировало ваш взгляд на птицу, существо, которое летает. Мы почти никогда не смотрим на факт, а лишь на слова или символы, которые стоят за фактом. Факт отступает, и слово, символ становятся существенно важными. А сейчас вы можете посмотреть на факт, независимо от того, что это может быть, отдельно от слова, символа?

«Мне кажется, что восприятие факта и понимание слова, представляющего факт, происходит в уме одновременно».

Может ли ум отделить факт от слова?

«Не думаю, что может».

Возможно, мы усложняем, чем есть на самом деле. Тот объект называется деревом, слово и

объект — два отдельных явления, так?

«Фактически так, но, как вы утверждаете, мы всегда смотрим на объект через слово».

Вы можете отделить объект от слова? Слово «любовь» — это не чувство, факт любви.

«Но, в некотором роде, слово — это тоже факт, не так ли?»

В некотором роде, да. Слова существуют для общения, а также чтобы помнить, фиксировать в уме мимолетный опыт, мысль, чувство. Так что сам ум — слово, опыт, память о факте в понятиях удовольствия и боли, хорошего и плохого. Этот целостный процесс происходит в пределах области времени, области известного. И любой переворот в пределах области — вовсе никакая не революция, а всего лишь видоизменение того, что было.

«Если я правильно вас понимаю, вы утверждаете, что я сделал свой ум унылым, апатичным, нечувствительным из-за традиционного или повторяющегося мышления, частью которого является самодисциплина. Чтобы положить конец процессу повторения, пластинка граммофона, которая является «я», должна быть сломана. А она может быть сломана только через видение факта, но не через усилие. Усилие, как вы говорите, только продолжает крутить механизм записи, так что на это нет надежды. Тогда что?»

Смотрите на факт, на то, что есть, и позвольте этому факту работать. Разве не вы работаете над фактом, а «вы» является механизмом повторения, с его мнениями, суждениями, знаниями.

«Я пробую», — сказал он искренне.

Пробовать — это смазывать механизм повторения, а не положить ему конец.

«Сэр, вы все у меня отнимаете, и ничего не остается. Но это может быть что-то новое».

Это и есть новое.

Важность изменения

Большие черные муравьи проделали путь сквозь траву, через небольшой участок песка, по груде щебня и через дыру в древней стене. Немного подалее от стены была нора, которая служила им домом. По этому пути шло интенсивное передвижение туда-сюда, непрерывная суeta в обоих направлениях. Каждый муравей задерживался на секунду, когда проходил мимо другого, их головы соприкасались, и снова они шли дальше. Их, наверное, были тысячи. Только когда солнце поднималось на самый верх, та дорожка становилась пустой, и тогда вся деятельность сосредотачивалась вокруг гнезда около стены. Они рыли землю, каждый муравей выносил песчаную частичку, гальки или немного земли. Когда поблизости вы слегка стучали по земле, они все начинали карабкаться. Муравьи выбегали из норы, ища агрессора, но вскоре успокаивались и возобновляли свою работу. Как только солнце склонилось на запад, и приятной прохладой подул вечерний бриз с гор, они снова стройными рядами вышли на свой путь, населяя тихий мир травы, песка и щебня. Они шли по тому пути на довольно-таки приличное расстояние, охотясь, и находили много чего: ногу кузнечика, мертвую лягушку, останки птицы, наполовину съеденную ящерицу или какое-нибудь зерно. Все атаковалось яростно. То, что не могло быть унесено сразу, съедалось на месте или уносилось домой частями. Только дождь останавливал их постоянную деятельность, но с последними каплями они снова выходили. Если бы вы сунули палец на их путь, они бы нюхали вокруг кончика, и некоторые поднялись бы вверх, только чтобы спуститься снова.

Древняя стена имела собственную жизнь. Рядом с верхом имелись отверстия, в которых яркие зеленые попугаи с загнутыми красными клювами свили свои гнезда. Они были застенчивой стаей и не любили, когда подходили слишком близко к гнездам. Визжа и цепляясь за рассыпающиеся красные кирпичи, они выжидали бы, и смотрели, что вы собираетесь делать. Если вы подходили еще ближе, попугаи забирались в отверстия, оставляя торчать только перья своего бледно-зеленого хвоста. После того, еще раз поерзав, исчезали перья, и показывались их красные клювы и красивые зеленые головы. Птицы успокаивались перед сном.

Стена окружала древнюю могилу, чей купол, ловя лучи заходящего солнца, пылал, как будто кто-то изнутри зажег свет. Вся конструкция хорошо выложенная и блестяще сооруженная, имела линии, которая могла бы раздражать вас, она выделялась на фоне вечернего неба, казалась освобожденной от земли. Все было ярко оживленным, и все: древняя могила, рассыпающиеся красные кирпичи, зеленые попугаи, занятые муравьи, свист отдаленного поезда, тишина и звезды, — было слито воедино жизнь. Это была благодать.

Хотя было поздно, они хотели прийти, так что все мы вошли в комнату. Надо было зажечь фонари, и в спешке один разбили, но оставшиеся два давали достаточно света для нас, чтобы видеть друг друга, когда мы сидели в круге на полу. Один из тех, кто пришел, был клерком в каком-то офисе. Он был маленький и нервный, а его руки находились в постоянном движении. У другого, должно быть, было немного больше денег, поскольку он имел магазин и вид человека, который прокладывает свой путь в мире. Грузного телосложения, довольно толстый, он имел склонность к раскатистому смеху, но сейчас оставался серьезным. Третий посетитель — старик, и после ухода на пенсию, объяснил он, имел больше времени, чтобы изучать Священные писания и исполнять пуджа, религиозную церемонию. Четвертый — художник с длинными волосами, наблюдал неподвижным взглядом за каждым нашим движением, жестом, он не собирался что-нибудь пропустить. Некоторое время все молчали. Через открытое окно можно было видеть одну или две звезды, и резкий аромат жасмина проникал в комнату.

«Мне бы хотелось сидеть вот так спокойно еще какое-то время, — сказал торговец. — Это

благословение чувствовать такую тишину, она обладает целебным свойством. Но я не хочу тратить время впустую, объясняя мои нынешние ощущения, и думаю, что лучше начать с того, ради чего я пришел поговорить. У меня была очень напряженная жизнь, больше, чем у большинства людей, и так как я никоим образом не богатый человек, я сейчас хорошо живу. Я всегда пробовал вести религиозную жизнь. Я не был слишком жаден, занимался благотворительностью и не обманывал других без надобности. Но когда вы занимаетесь бизнесом, иногда приходится не говорить абсолютную правду. Я бы мог заработать намного больше денег, но отказал себе в таком удовольствии. Я развлекаюсь простыми способами, но в целом веду серьезную жизнь. Могло бы быть и лучше, но в действительности все не так плохо. Я женат и имею двоих детей. Сэр, вот такая у меня личная история вкратце. Я читал некоторые из ваших книг и посетил ваши беседы, я пришел сюда, чтобы вы меня научили, как вести более глубокую религиозную жизнь. Но я должен позволить другим джентльменам высказаться».

«Моя работа — довольно утомительная рутина, но я не пригоден для какой-то другой работы, — сказал клерк. — У меня самого мало потребностей, и я не женат, но должен поддерживать родителей, и к тому же помогаю своему младшему брату учиться в колледже. Я совсем не религиозен в ортодоксальном смысле, но религиозная жизнь очень сильно меня влечет. Я часто соблазняюсь тем, чтобы отказаться от всего и стать саньясином, но чувство ответственности по отношению к моим родителям и моему брату заставляет меня повременить. В течение многих лет я каждый день медитировал, и с тех пор, как услышал ваше объяснение, что такое настоящая медитация, пробовал следовать ему. Но это очень трудно, по крайней мере для меня, и я не могу, кажется, вникнуть в ее суть. К тому же, моя должность клерка, которая требует, чтобы я работал целый день над чем-то, к чему я не питаю ни малейшего интереса, вряд ли способствует высокому мышлению. Но я глубоко жажду найти истину, если это когда-либо возможно для меня, и, пока я молод, хочу установить правильный курс для оставшейся части моей жизни. Поэтому я здесь».

«Что касается меня, — сказал старик, — я достаточно знаком со Священными писаниями, и с тех пор, как уволился с должностного поста в правительстве несколько лет назад, все мое время принадлежит мне. У меня нет никаких обязанностей, мои дети выросли и женаты, так что я свободен, чтобы размышлять, читать и говорить о серьезных вещах. Меня всегда интересовала религиозная жизнь. Время от времени я внимательно слушал того или иного учителя, но никогда не был удовлетворен. В некоторых случаях их учения совсем ребяческие, в то время как другие догматичны, православны и просто объяснительные. Я недавно посетил некоторые из ваших бесед и обсуждений, и во многом следую тому, что вы говорите, но есть определенные пункты, с которыми я не могу согласиться, или, скорее, которые не понимаю. Согласие, как вы объяснили, может существовать в отношении мнений, умозаключений, идей, но в отношении истины не можете быть никакого «согласия»: или вы видите ее или нет. Особенно я хотел бы получить дальнейшее разъяснение по поводу окончания мысли».

«Я художник, но еще не очень хороший, — сказал человек с длинными волосами. — Надеюсь однажды поехать в Европу изучать искусство. Здесь у нас посредственные учителя. Для меня красота в любой форме — это выражение действительности, аспект божественного. Прежде, чем я начинаю рисовать, я медитирую, как античные художники, над более глубокой красотой жизни. Я пробую пить из родника всей красоты, уловить проблеск возвышенного и только затем начинаю рисование. Иногда это проникает в душу, но чаще нет. Как усердно я ни пытаюсь, ничто, кажется, не получается, и целые дни, даже недели, потрачены впустую. Я также пробовал поститься, наряду с различными упражнениями, и физическими, и интеллектуальными, надеясь пробудить творческое чувство, но все напрасно. Все остальное вторично по отношению к этому чувству, без которого не может быть истинного художника, и я

пойду на край земли, чтобы его найти. Именно поэтому я пришел сюда».

Все мы сидели спокойно какое-то время, каждый в своих собственных мыслях.

Ваши проблемы разные или они похожи, хотя они могут казаться разными? Не может быть так, что есть одна основная тема, проходящая сквозь все?

«Я не уверен, что моя проблема каким-то образом связана с проблемой художника, — сказал торговец. — Он ищет вдохновения, творческого чувства, а я хочу вести более глубокую духовную жизнь».

«Это в точности то, что хочу делать и я, — ответил художник, — но выразил это по-другому».

Нам нравится думать, что наша специфическая проблема исключительна, что наша печаль полностью отличается от печали других. Мы хотим оставаться отделенными любой ценой. Но печаль есть печаль, неважно, ваша или моя. Если мы не поймем это, то не сможем продолжать, будем чувствовать себя разочарованными, расстроенными. Конечно, все мы здесь чего-то жаждем, проблема каждого — по существу проблема всех. Если мы по-настоящему почувствуем суть этого, то уже проделали длинный путь в нашем понимании, и можем исследовать вместе. Мы можем помогать друг другу, слушать и учиться друг у друга. Тогда авторитет учителя не имеет никакого значения, это становится глупым. Ваша проблема — проблема другого, ваше горе — горе другого. Любовь не исключительна. Если это ясно, господа, давайте продолжим.

«Думаю, что все мы теперь понимаем, что наши проблемы не связаны», — ответил старик, а другие закивали в знак одобрения.

Тогда, что является нашей общей проблемой? Пожалуйста, не отвечайте немедленно, давайте посмотрим, ни в том ли, господа, что должно произойти фундаментальное преобразование внутри себя? Без этого преобразования вдохновение всегда преходящее, и идет постоянная борьба за то, чтобы вернуть его. Без этого преобразования любое усилие вести духовную жизнь может быть только очень поверхностным, делом ритуалов, колокола и книги. Без этого преобразования мышление становится средством бегства, формой самогипноза.

«Это так, — сказал старик. — Без глубокого внутреннего изменения всякое усилие быть религиозным или духовным просто царапает по поверхности».

«Я полностью согласен с вами, сэр, — добавил человек из офиса, — я чувствую, что во мне должно произойти коренное изменение, иначе я буду продолжать жить так всю оставшуюся часть моей жизни, ища, спрашивая и сомневаясь. Но как вызвать это изменение?»

«Я также понимаю, что должно произойти резкое изменение внутри меня самого, если тому, что я ищу, суждено возникнуть, — сказал художник. — Радикальное преобразование в себе явно необходимо. Но, как тот джентльмен уже спросил, чем такое изменение должно быть вызвано?»

Давайте предадимся нашими умами и сердцами открытию способа, как это происходит. Что является важным, конечно, так это чувствовать срочную потребность измениться радикально, а не просто быть убежденным словами другого, что вы должны измениться. Захватывающее описание может стимулировать вас, чтобы вы ощутили, что вам надо измениться, но такое ощущение очень поверхностно, и оно пройдет, когда стимулирующее воздействие кончится. Но если сами вы увидите важность изменения, если почувствуете без какого-то принуждения, побуждения или влияния, что необходимо радикальное преобразование, тогда само это чувство будет действием преобразования.

«Но как развить данное чувство?» — спросил торговец.

Что вы подразумеваете под словом «как»?

«Если у меня нет чувства изменения, как я могу искусственно вызвать его?»

А вы можете вызвать искусственно это чувство? Не должно ли оно возникнуть спонтанно из

вашего собственного прямого восприятия чрезвычайной потребности в радикальной трансформации? Чувство создают его собственные средства действия. С помощью логического рассуждения вы можете прийти к выводу, что фундаментальное изменение необходимо, но такое интеллектуальное или словесное понимание не вызывает действие изменения.

«Почему нет?» — спросил старик.

Разве интеллектуальное или словесное понимание не поверхностный отклик? Вы слышите, вы рассуждаете, но все ваше бытие не вступает в это. Ваш поверхностный ум может соглашаться, что изменение необходимо, но полностью весь ваш ум не уделяет свое полное внимание, он разделен сам в себе.

«Вы имеете в виду, сэр, что действие изменения происходит только тогда, когда присутствует полное внимание?» — спросил художник.

Давайте это рассмотрим. Одна часть ума убеждена, что фундаментальное изменение необходимо, но остальную часть ума это не волнует. Она может во временном бездействии или спать, или активно противостоять такому изменению. Когда это случается, в пределах ума возникает противоречие, одна часть желает изменения, а другая безразлична или оппозиционно настроена в отношении изменения. В результате этого конфликт, в котором та часть ума, которая хочет изменения, пытается преодолеть упорствующую часть, называется дисциплиной, возвышением, подавлением. Ее также называют идеалом. Делаются попытки построить мост над пропастью внутреннего противоречия. Существует идеал, интеллектуальное или устное понимание, что быть фундаментальное преобразование, и неопределенное, но реальное чувство нежелания быть побеспокоенным, желание позволить вещам быть такими, какие они есть, опасение изменения, ненадежности. Таким образом, в уме происходит разделение, и преследование идеала — попытка слепить вместе две противоречащих части, что невозможно. Мы преследуем идеал, потому что это не требует немедленного действия, идеал — общепринятая и уважаемая отсрочка.

«Тогда попытка изменить себя — это всегда форма отсрочки?» — спросил человека из офиса.

А разве не так? Разве вы не заметили, что когда вы говорите: «я изменюсь», вы вообще не имеете никакого намерения измениться? Вы или изменяетесь, или нет, попытка измениться имеет фактически очень мало значения. Преследование идеала, попытка измениться, принуждение двух конфликтующих частей ума соединиться вместе актом воли, практикование метода или дисциплины, чтобы достичь такого объединения, и так далее — это все бесполезное и расточительное усилие, которое фактически мешает любому фундаментальному преобразованию центра, «я», эго.

«Я думаю, понимаю то, что вы доносите до нас, — сказал художник. — Мы играем с идеей изменения, но никогда не изменяемся. Изменение требует решительного, объединенного действия».

Да, и объединенное или интегрированное действие не может произойти, пока есть конфликт между противостоящими частями ума.

«Я понимаю вас, действительно понимаю! — воскликнул человек из офиса. — Никакой идеализм, никакое логическое рассуждение, никакие убеждения или умозаключения не могут вызвать изменение, о котором мы говорим. Но что тогда будет?»

Разве вы тем самым вопросом не мешаете самому себе обнаружить воздействие изменения? Мы так стремимся к результатам, что не делаем паузу между тем, что мы только что обнаружили как истинное или ложное, и раскрытием другого факта. Мы ускоряемся вперед без полного понимания того, что уже нашли.

Мы поняли, что рассуждение и логические умозаключения не вызовут изменение, это

фундаментальное преобразование центра. Но прежде, чем мы спросим, какой фактор вызовет его, мы должны полностью знать уловки, которые использует ум, чтобы убедить себя, что изменение является постепенным и должно быть произведено через стремление к идеалам и так далее. Видя истинность или ошибочность всего того процесса, мы можем продолжать спрашивать нас самих, что является фактором, необходимым для радикальной перемены.

А теперь, что же заставляет вас двигаться, действовать?

«Любое сильное чувство. Сильный гнев заставит меня действовать, я могу впоследствии сожалеть об этом, но чувство взрывается, перерастая в действие».

То есть, все ваше бытие находится в нем, вы забываете или игнорируете опасность, вы потеряны Для вашей собственной безопасности, надежности.

«В моем возрасте, — сказал старик, мне нечего терять в материальном смысле, но отказываться от старых идей и заключений — совсем другое дело.

Теперь я понимаю, по крайней мере, одну вещь: то, что фундаментальное изменение может происходить без пробуждения его чувства. Размышление необходимо, но оно не инструмент действия. Знать — не обязательно означает действовать».

Но действие чувства — также действие знания, эти двое неотделимы, они разделены только, когда причина, знание, умозаключение или вера стимулируют действие.

«Я начинаю очень четко понимать вас, и мое знание Священных писаний как основа для действия уже теряет свою власть над моим умом».

Действие, основанное на чьем-то авторитете, вообще никакое не действие, а простое подражание, повторение.

«А большинство из нас в ловушке данного процесса. Но можно из него вырваться. Я много понял этим вечером».

«Так же и я, — сказал художник. — Для меня наше обсуждение было сильно стимулирующим, но я не думаю, что возбуждение допустит какую-то реакцию. Я очень ясно кое-что увидел, и собираюсь преследовать это, не зная, куда оно приведет».

«Моя жизнь была порядочной, — сказал торговец, — и порядочность не способствует изменению, особенно фундаментальному, о котором мы говорили. Я очень искренне возвращал в себе идеалистическое желание измениться и вести истинную религиозную жизнь. Но я теперь вижу, что медитация над жизнью и способах изменения более необходимы».

«Могу я добавить еще слово? — спросил старик. — Медитация осуществляется не над жизнью, она сама по себе способ жизни».

Быть разумным — значит быть простым

Море было очень синим, и заходящее солнце едва касалось вершечек низко висевших облаков. Мальчик тринадцати или четырнадцати лет во влажной одежде стоял у автомобиля, дрожа и притворяясь глухим. Он попрошайничал и очень хорошо играл. Получив несколько монет, он ушел, перебегая через пески. Волны мягко накатывались, но полностью не стирали следы, когда проходили по ним. Крабы катались на волнах и избегали человеческих ног, они позволяли себе быть пойманными волной и сыпучими песками, но снова подползали, готовые к следующей волне. Сидя на нескольких бревнах, связанных вместе, какой-то мужчина прибыл только что из моря, и теперь плыл с двумя большими рыбинами. Он был смугл, обожженный жарким солнцем. Приближаясь к берегу с ловкостью и непринужденностью, он протянул свой плот далеко на сухой песок, вне досягаемости волн. Чуть дальше, выгибаясь в сторону моря, росла пальмовая роща, а за ней виднелся город. Пароход на горизонте стоял, как будто неподвижный, и с севера дул нежный ветерок. Это был час величественной красоты и спокойствия, в который земля и небо встречались. Вы могли сидеть на песке и наблюдать, как волны накатывались и откатывались бесконечно, и их ритмичное движение, казалось, передавалось земле. Ваш ум был оживлен, но не так, как беспокойное море. Оживленный, достигал горизонта. Не имея ни высоты, ни глубины, он не был ни далеко, ни близко, не было центра, от которого можно было бы измерить или объять целое. Море, небо и земля присутствовали там, но без наблюдателя. Ощущалось обширное пространство и неизмеримый свет. Свет садящегося солнца падал на деревья, в нем купалась деревня, и его можно было заметить за рекой. Но это был свет, который никогда не зажигают, свет, который сияет вечно. И, удивительно, в нем не было никаких теней, вы не отбрасывали тень ни с какой стороны. Вы не спали, вы не закрыли глаза, потому что сейчас звезды становились видимыми. Но закрывали ли вы глаза или держали их открытыми, свет всегда присутствовал там. Его было не поймать и не поместить в святыню.

Мать троих детей, она казалась простой, тихой и скромной, а ее глаза — живыми и наблюдательными, они принимали участие во многом. Когда она заговорила, ее довольно нервная застенчивость исчезла, но оставалась спокойная осторожность. Ее старший сын получил образование за границей и теперь работал инженером по электронике, второй сын имел хорошую работу на текстильной фабрике, и самый младший только заканчивал колледж. Они все были хорошими мальчиками, говорила женщина, и можно было видеть, что она гордилась ими. Несколько лет назад они потеряли отца, но он позаботился о том, чтобы они получили хорошее образование и могли себя обеспечить. То немногое, что он имел, он оставил ей, и она ни в чем не нуждалась, поскольку потребностей у нее было мало. В этот момент женщина прекратила говорить, очевидно ей было трудно рассказать о том, что не давало ей покоя. Чувствуя это, я осторожно спросил ее:

— Вы любите ваших детей?

«Конечно, люблю, — ответила она быстро, довольная началом. — А кто не любит своих детей? Я воспитала их с любовью и заботой и была занята все эти годы их прибытиями и продвижением, их печалью и радостями, и всеми другими вещами, о которых заботится мать. Они очень хорошие дети и очень добры ко мне. Они преуспели в учебе, и найдут свой путь в жизни. Возможно, они не оставят свой след в мире, но, в конце концов, немногие оставляют. Мы все сейчас живем вместе, и, когда они женятся, я останусь с одним из них, если будет необходимость. Конечно, у меня есть собственный дом, и в финансовом плане я не завишу от них. Но странно, что вы задали мне этот вопрос».

Правда?

«Ну, я никогда прежде ни кем не говорила о себе, даже с моей сестрой или с последним мужем, и, когда внезапно задают такой вопрос, это кажется довольно странным. Хотя я действительно хочу говорить с вами об этом. Потребовалось много храбрости чтобы прийти и встретиться с вами, но сейчас я довольна, что пришла, и что вы настолько облегчили для меня разговор. Я всегда была слушателем, но не в вашем смысле слова. Раньше я слушала мужа и его деловых партнеров всякий раз, когда они заходили. Я слушала своих детей и друзей. Но никто, казалось, не хотел послушать меня, и большей частью я молчала. Выслушивая других, сам учишься, но по большому счету из того, что слышишь, ничто не является незнакомым. Мужчины сплетничали так же, как и женщины, кроме того, жаловались на свою работу и жалованье, некоторые из них говорили о желанном для них продвижении по службе, другие о социальной реформе, о работе в деревне или что сказал гуру. Я слушала их и никогда не открывала кому-то из них сердце. Некоторые были более умны, а другие более глупы, чем я, но большей частью они не очень-то отличались от меня. Я наслаждаюсь музыкой, но я слушаю ее другим слухом. Я, кажется, слушаю того или иного почти все время, но также есть еще кое-что, что я слушаю, но что всегда ускользает от меня. Могу я говорить об этом?»

Разве вы здесь не поэтому?

«Да, наверное, это так. Понимаете, мне скоро сорок пять, большинство лет я отдала заботам о других. Я была занята тысячью и одной вещью целый День и каждый день. Муж умер пять лет назад, и с тех пор я была занята детьми больше обычного. А сейчас, странным образом, я все время думаю о себе. На днях я с моей невесткой посетила вашу беседу, и что-то в моем сердце защемило, то, что, как я всегда знала, было там. Я не могу очень хорошо это выразить, и надеюсь, что вы поймете, о чем таком я хочу поговорить».

Можно помочь вам?

«Хотелось бы, чтобы вы помогли».

Трудно быть простым до конца, не так ли? Мы испытываем что-то, что само по себе является простым, но вскоре становится сложным. Трудно удержать его в пределах границ первоначальной простоты. Разве вы не чувствуете, что это так?

«В некотором смысле, да. В моем сердце есть что-то простое, но я не знаю, что все это означает».

Вы сказали, что любите ваших детей. Каково значение слова «любовь»?

«Я сказала вам, что оно означает. Любить детей — значит заботиться о них, следить, чтобы они не причинили себе вреда, не наделали слишком много ошибок. Это значит помогать им готовиться к хорошей работе, видеть их счастливо женатыми и так далее».

И это все?

«Чего же больше может сделать мать?»

Если позволите спросить, любовь к детям заполняет вашу жизнь целиком, или только ее часть?

«Нет, — призналась она. — Я люблю их, но любовь никогда не заполняла мою жизнь целиком./ Взаимоотношения с моим мужем — это было другое. Он мог бы заполнить мою жизнь, но не дети. И теперь, когда они выросли, они живут своей жизнью. Они любят меня, и я люблю их, но отношения между женщиной и его женой другие, и они найдут свою полноту жизни в женитьбе на достойной женщине».

Вы никогда не хотели, чтобы ваши дети были правильно образованы, так, чтобы помогли бы предотвращать войны, не были убитыми ради какой-то идеи или удовлетворять жажду власти какого-нибудь политика? Разве ваша любовь не вынуждает вас хотеть помочь им построить иной вид общества, общества, в котором ненависть, антагонизм, зависть прекратят

существовать?

«Но что могу я сделать для этого? Я сама не была должным образом образована, и как так возможно, чтобы я могла помогать создавать новый социальный порядок?»

Разве вы не чувствуете в себе силы для этого?

«Боюсь, что нет. А мы вообще чувствуем в себе силу для чего-нибудь?»

Тогда любовь — это не кое-что сильное, жизненно важное, срочное?

«Она должна быть такой, но у большинства из нас это не так. Я люблю сыновей, молюсь, чтобы ничего плохого с ними не случилось. Если случится, что мне останется делать, кроме как проливать горькие слезы по ним?»

Если в вас есть любовь, разве она не достаточно сильна, чтобы заставить вас действовать? Ревность, как и ненависть, сильна, и она вызывает мощное, решительное действие, но ревность — это не любовь. Тогда знаем ли мы в действительности, что такое любовь.

«Я всегда думала, что любила своих детей, даже при том, что это не было самым великим в моей жизни».

Есть ли тогда более великая любовь в вашей жизни, чем ваша любовь к детям?

Было нелегко приближаться к этому вопросу, и она чувствовала себя неловко и смущенно, поскольку мы подошли к нему. В течение некоторого времени женщина молчала, и мы сидели, не проронив ни слова.

«Я никогда по-настоящему не любила, — тихо начала она. — Я никогда не питала очень глубоких чувств по отношению к кому либо. Бывало, я очень ревновала, и это было очень сильное чувство. Оно разъедало мое сердце и делало меня жестокой. Я плакала, устраивала сцены, и однажды, Боже, прости меня, я ударила. Но все это закончилось и прошло. Сексуальное желание было также очень сильным, но с каждым ребенком оно уменьшалось, и теперь полностью исчезло. Мои чувства к детям не такие, какими они должны быть. Я никогда не чувствовала что-нибудь очень сильно, кроме ревности и секса, а это не любовь, правда?»

Не любовь.

«Тогда что является любовью? Привязанность, ревность, даже ненависть, вот то, что я считала любовью, и, конечно, сексуальные взаимоотношения. Но теперь те сексуальные взаимоотношения — лишь очень маленькая часть чего-то намного большего. То большее я никогда не знала, и поэтому секс стал так всепоглощающе важным, по крайней мере, на какое-то время. Когда это прошло, я думала, что любила моих сыновей, но факт в том, что я любила их, если я вообще могу использовать это слово, только в очень маленькой степени. И хотя они хорошие мальчики, они точно такие же, как тысячи других. Наверное, все мы посредственны, удовлетворяемся мелочными вещами: амбицией, процветанием, завистью. Наши жизни мелки, живем ли мы во дворцах или в хижинах. Теперь мне все очень ясно, чего никогда не было раньше, но как вы знаете, я необразованный человек».

Образование не имеет к этому никакого отношения. Посредственность — не монополия необразованных. Ученый, исследователь, самый умный могут тоже быть посредственными. Освобождение от посредственности, от мелочности — это не вопрос класса или учености.

«Но я не думала много, я не чувствовала сильно, моя жизнь была печальной».

Даже, когда мы по-настоящему сильно чувствуем, это обычно происходит в отношении таких пустяков как личная и семейная безопасность, патриотизм, некий религиозный или политический лидер. Наше чувство — всегда за или против чего-то, оно не похоже на огонь, горящий ярко и без дыма.

«Но кто должен дать нам тот огонь?»

Зависеть от другого, обращаться к гуру, лидеру — означает отнять у огня уединение, чистоту, это порождает дым.

«Тогда, если мы не должны просить о помощи, то должны для начала иметь огонь».

Вовсе нет. Вначале там нет огня. Его нужно вынашивать, должна быть забота, мудрое, с пониманием избавление от тех вещей, которые расхолаживают огонь, которые уничтожают яркость пламени. Тогда только есть огонь, который ничто не сможет погасить.

«Но для этого нужен интеллект, которого у меня нет».

Да он у вас есть. При понимании как мала ваша жизнь, как мало вы любите, при восприятии природы ревности, при начале осознания себя в каждодневных отношениях уже имеется движение интеллекта. Интеллект — дело упорного труда, быстрого восприятия изоощренных уловок ума, рассматривания факта и ясного мышления без предположений или умозаключений. Чтобы разжечь огонь интеллекта и поддерживать его действующим, требуется настороженность и большая простота.

«Очень любезно с вашей стороны говорить, что я имею интеллект, но имею ли я его?»

Это хорошо спрашивать себя, а не утверждать,

что вы имеете или не имеете. Спрашивать правильно — вот само по себе начало интеллекта. Вы препятствуете интеллекту в самой себе из-за собственных убеждений, мнений, утверждений и опровержений. Простота — вот путь интеллекта, а не простой показ простоты внешне и в поведении, но простота" внутреннего небытия. Когда вы говорите: «я знаю» вы находитесь на пути не интеллекта, но когда вы говорите: «я не знаю» и действительно подразумеваете это, вы уже вступили на путь интеллекта. Когда человек не знает, он смотрит, слушает, спрашивает. |

«Знать» — значит накапливать, а тот, кто накапливает, никогда не будет знать, он не интеллектуален.

«Если я нахожусь на пути к интеллектуальности, потому что я проста и знаю немного...»

Мыслить понятиями «много» — значить быть невежественным. «Много» — это сравнительное слово, а сравнение основано на накоплении.

«Да, я это понимаю. Но, как я сказала, если находишься на пути интеллектуального развития, потому что ты прост и действительно не знаешь ничего, тогда интеллектуальность кажется эквивалентом невежеству».

Невежество — это одно, а состояние незнания — совсем другое, эти два понятия никоим образом не связаны. Вы можете быть очень умны, умелы, талантливы, и все же быть невеждой. Невежество существует, когда нет самопознания. Невежественный человек — тот, кто не знает себя, кто не знает, как обманывает себя, как становится тщеславным, как завидует и так далее. Самопознание — это свобода. Вы можете знать все о чудесах земли и неба и все-таки не быть свободным от зависти и печали. Но когда вы говорите «я не знаю», вы познаете. Познавать не значит приобретать знания, вещи или отношения. Быть интеллектуально развитым означает быть простым, но быть простым чрезвычайно трудно.

Что такое любовь?

Маленькая девочка по соседству была больна, она плакала целый день и до глубокой ночи. Это продолжалось в течение некоторого времени, и бедная мать совсем измучилась. На окне росло маленькое растение, которое она поливала каждый вечер, но в течение последних нескольких дней про него забыли. Мать осталась одна в доме, за исключением довольно беспомощной и нерадивой служанки, и казалась немного потерянной из-за того, что болезнь ребенка оказалась очень серьезной. Доктор несколько раз приезжал на большой машине, и мать становилась все более и более печальной. Банановый побег в саду, орошаясь водой из кухни, всегда имел влажную почву. Его листья были темно-зелеными, и один очень большой лист два или три фута в ширину и намного больше в длину, пока еще не был порван ветрами, как другие. Он очень мягко трепетал на легком ветерке, и его касалось лишь солнце на западе. Радовали глаз желтые цветы в виде спускающихся кружочков на длинном, свисающем стебле. Эти цветы вскоре станут молодыми бананами, а стебель — очень толстым, потому что бананов может быть множество: зеленых, аппетитных и тяжелых. Время от времени блестящий черный шмель летал среди желтых цветов, прилетали и порхали над ними черно-белые бабочки. Казалось, такое изобилие жизни было в том банановом дереве, особенно когда его грело солнце и листья шевелились на ветру. Маленькая девочка раньше часто играла возле него, она была жизнерадостной и с постоянной милой улыбкой. Иногда она провожала меня недалеко по переулку, а затем бегом возвращалась к своей маме, которая гуляла с ней. Мы не могли понять друг друга, так как говорили на разных языках, но это не мешало нам общаться.

Однажды в полдень мать девочки позвала меня в дом навестить ребенка. Болезнь превратила ее в скелетик, обтянутый кожей. Девочка слабо улыбнулась мне. Из-за крайнего истощения она не могла открыть глаз, тельце судорожно вздрагивало. Через открытое окно доносился шум кричащих и играющих детей. Мать была безмолвной, плакать она уже не могла — горе иссушило слезы. Она не стала садиться, а стояла рядом с маленькой кроваткой, и в воздухе витало отчаяние и тоска. Как раз в этот момент вошел доктор, и я ушел с тихим обещанием вернуться.

Солнце садилось за деревья, освещая огромные облака блестяще-золотистым цветом. Привычно кружились вороны. Прилетел попугай, крича и цепляясь за край дупла в большом сухом дереве, хвостом прижимаясь к стволу. Он помедлил, увидев так близко человека, но секундой позже исчез в дупле. По дороге шли несколько сельских жителей, проехал автомобиль с молодыми людьми. Недельный теленок был привязан к заборному столбу, а его мать-корова паслась поблизости. Вдоль дороги шла женщина с хорошо начищенными, сияющими медными сосудами на голове и на бедре. На фоне заходящего солнца, она была самой Землей в движении. Она несла воду из колодца.

Двое молодых людей приехали из близлежащего города. Автобус не довез их до села, и остальную часть пути они шли пешком. Приехать раньше они не могли, так как работали в офисе. Они переоделись в свежую одежду, и застенчиво улыбаясь вошли. Это были воспитанные молодые люди. Присев и освоившись в комнате, они все еще не определились, как облачить свои мысли в слова.

Какой вид работы вы выполняете?

«Мы работаем в одном офисе, я стенографист, а мой друг ведет книги по бухгалтерскому учету. Ни один из нас не ходил в колледж, потому что мы бедны, и не могли оплачивать учебу, мы также не женаты. Нам платят немного, но поскольку мы не женаты, этого достаточно для наших нужд».

«Мы не очень образованы, — добавил второй, — мы читаем иногда серьезную литературу, но наше чтение непостоянно. Мы проводим много времени вместе, а на выходные возвращаемся домой, к нашим семьям. В офисе мало кто интересуется серьезными вещами. На днях общий друг привел нас на вашу беседу, и мы решили навестить вас еще. Можно задать вопрос, сэр?»

Конечно.

«Что такое любовь?»

Вы хотите определения? Разве вы не знаете, что означает это слово?

«Существует так много идей о том, какой любовь должна быть, что все довольно запутанно», — сказал первый.

Какого рода идеи?

«Что любовь не должна быть страстной, развратной, что нужно любить соседа, как самого себя, что нужно любить отца и мать, та любовь должна быть безличной, любовь к Богу и так далее. Каждый человек высказывает мнение согласно его воображению».

Не считая мнения других, что думаете вы? У вас тоже есть мнения относительно любви?

«Трудно выразить словами то, что чувствуешь, — ответил второй. — Я думаю, что любовь должна быть универсальной, нужно любить все, без предубеждения. Именно предубеждение уничтожает любовь, именно классовое сознание создает барьеры и делит людей. Священные писания говорят о том, что мы должны любить друг друга и не быть эгоистичными или ограниченными в своей любви, но иногда мы обнаруживаем, что это очень трудно».

«Любить Бога — значит любить все, — добавил первый. — Есть только божественная любовь, остальное плотское, эгоистичное. Физическая любовь мешает божественной любви, а без божественной любви всякая другая любовь — просто бартер и обмен. Любовь — это не ощущения. Сексуальные ощущения должны сдерживаться, контролироваться, именно поэтому я против ограничения рождаемости. Физическая страсть разрушительна, путь к Богу лежит через целомудрие».

Прежде, чем мы пойдем далее, разве вы не полагаете, что мы должны выяснить, имеют ли все эти мнения какое-либо основание? Не является одно мнение столь же правильным, как и другое? Независимо от того, кому оно принадлежит, не является ли мнение формой предубеждения, пристрастности, созданной характером, опытом и тем, как кто-либо был воспитан?

«Не делаете ли вы невозможным исследование того, что такое любовь», — спросил второй.

Возможно ли исследовать сквозь ряд мнений, умозаключений. Чтобы исследовать правильно, нужно, чтобы мысль была освобождена от умозаключений, от сдерживающих знаний, традиции. Ум может освободить себя от одного ряда умозаключений и сформировать другой, который является снова лишь модифицированным продолжением старого.

Теперь, не является ли сама мысль движением от одного результата к другому, от одного влияния к другому? Вы понимаете, что я имею в виду?

«Я совсем не уверен, что понимаю», — сказал первый.

«А я не понимаю вообще», — сказал второй.

Возможно, вы поймете, когда мы пойдем далее. Позвольте, я выражу это таким образом: является ли мышление инструментом исследования? Поможет ли мышление понять, что такое любовь?

«Как я выясню, что такое любовь, если мне не позволено думать?» — спросил довольно резко второй.

Пожалуйста, будьте немного более терпеливы. Вы думали о любви, верно?

«Да. Мой друг и я много думали о ней».

Если позволите поинтересоваться, что вы имеете в виду, когда говорите, что вы думали о

любви?

«Я об этом читал, обсуждал с моими друзьями и сделал собственные выводы».

Это помогло вам выяснить, что такое любовь? Вы читали, обменивались мнениями друг с другом и пришли к определенным умозаклучениям относительно любви. Но все это называется мышлением.

Вы активно или пассивно описали, что такое любовь, иногда добавляя к этому, иногда удаляя что-то, что вы предварительно выучили. Это так?

«Да, это точно то, что мы делали, и наше размышление помогло прояснить наши умы».

Действительно? Или же вы все более укреплялись в своих мнениях?

Определенно, то, что вы называете прояснением, это процесс прихода к определенному словесному или интеллектуальному умозаклучению.

«Правильно. Мы не так запутаны, как раньше».

Другими словами, одна или две идеи ясно выделяются в этой куче учений и противоречивых мнений о любви. Это так?

«Да, чем больше мы изучали в деталях вопрос, что такое любовь, тем более понятным он становился».

Любовь стала понятной или то, что вы думаете о ней?

Давайте пойдем немного далее в этом, хорошо? Некий изобретенный механизм называется часами, потому что мы все согласились использовать это слово, чтобы обозначать специфическую вещь. Но слово «часы» — явно не сам механизм. Точно так же имеется чувство или состояние, которое мы все согласились называть любовью, но слово — не фактическое чувство, не так ли? И слово «любовь» обозначает так много различных вещей. Один раз вы используете его, чтобы описать сексуальное чувство, в другой раз вы говорите о божественной или безличной любви или утверждаете, какой любовью должна или не должна быть, и так далее.

«Если можно прервать, сэр, не может ли быть так, что все эти чувства являются лишь различными формами одного и того же?» — спросил первый.

Как это у вас проявляется?

«Я не уверен. Бывают моменты, когда любовь кажется одной, но в другие моменты она кажется чем-то совершенно иным. Это все очень запутывает. Не знаешь, где находишься».

Именно так. Мы хотим быть уверенными в любви, связать ее так, чтобы она не уклонилась от нас. Мы делаем умозаклучения, приходим к соглашению о ней, мы называем ее различными именами с их специальными значениями. Мы говорим о ней «моя любовь», также, как мы говорим «моя собственность», «моя семья», «мое достоинство» и надеемся надежно запереть ее, так чтобы мы могли приниматься за другое и также удостовериться. Но, так или иначе, она всегда убегает, когда мы меньше всего ожидаем этого.

«Я не совсем вникаю в ваши слова», — довольно озадаченно сказал второй.

Как мы увидели, непосредственно само чувство отличается от того, что о нем говорят книги. Чувство — не описание, не слово. А вот так намного понятней, верно?

«Да».

А теперь вы можете отделить чувство от слова и от ваших предвзятых мнений о том, каким оно должно и не должно быть?

«Что вы подразумеваете под, отделить?» — спросил первый.

Есть чувство и слово или слова, которые описывают это чувство или одобрительно, или неодобрительно. Вы можете отделить чувство от его словесного описания? Сравнительно легко отделить объективную вещь, как, например, эти часы от слова, которое описывает их. Но отделить само чувство от слова «любовь», со всеми его значениями, гораздо труднее и требует много внимания.

«Какая польза от этого?» — спросил второй.

Мы всегда хотим получить результат взамен выполнения чего-либо. Это желание результата, которое является иной формой стремления к умозаключению, мешает пониманию. Когда вы спрашиваете: «Какая мне польза от того, что я отделю чувство от слова «любовь»? Вы думаете о результате, поэтому на самом деле не исследуете, чтобы выяснить, что это за чувство, верно?»

«Я действительно хочу выяснить. Но я также хочу знать, каков будет результат отделения чувства от слова. Разве это не совершенно естественно?»

Возможно, но если вы хотите понять, вам придется уделить ваше внимание. Но понимания нет, когда одна часть вашего ума озабочена результатами, а другая пониманием. В таком случае у вас ничего не получается, и вы становитесь все более смущенным и несчастным. Если мы отделим слово, которое есть память и все его реакции, от чувства, то тогда это слово уничтожает чувство, после этого слово, память — это пепел без огня. Разве не это случилось с вами обоими? Вы так запутались в сетях слов, размышлений, что само чувство — единственно то, что имеет глубокое и жизненно важное значение, потеряно.

«Я начинаю понимать, что вы имеете в виду, — медленно сказал первый. — Мы не просты, мы не обнаруживаем что-нибудь сами, а просто повторяем то, что нам сказали. Даже, когда мы восстаем, то формируем новые умозаключения, которые опять же должны быть разрушены. На самом деле мы не знаем, что такое любовь, а просто имеем о ней мнения. Это так?»

А вы так не думаете? Конечно, чтобы познать любовь, истину, Бога, не должно быть никаких мнений, никакой веры, никаких предположений относительно этого. Если вы имеете мнение о факте, то мнение становится важным, а не факт. Если вы хотите знать истинность или ошибочность факта, то вы не должны жить в слове, в интеллекте. У вас может быть много знаний, информации о факте, но реальный факт — это совершенно иное. Уберите книгу, описание, традицию, авторитет и предпримите путешествие самооткрытия. Любите и не оказывайтесь в ловушках мнений и идей относительно того, что есть любовь или какой она должна быть. Когда вы любите, все будет правильно. Любовь имеет собственное воздействие. Любите, и вы познаете ее благословение. Держитесь подальше от авторитета, который говорит вам, что есть любовь и что не есть любовь. Ни один авторитет не знает, а тот, кто знает, не сможет сказать. Любите, и придет понимание.

Печаль из-за жалости к себе

Было прекрасное время года — стояла теплая весна. Солнце пригревало умеренно, поскольку легкий ветерок дул с севера, где горы покрыты белоснежным покрывалом. Дерево возле дороги, еще неделю назад голое, теперь покрыто молодыми зелеными листьями, которые блестели на солнце. Молодые листья выглядели очень хрупкими, нежными и маленькими в обширном пространстве ума, земли и синего неба. Все же за короткий промежуток времени они, казалось, заполнили пространство всех мыслей. Ветерок рассеял лепестки по земле, среди которых сидели несколько детей. Это были дети шоферов и других слуг. Они никогда не пойдут в школу, навсегда оставшись бедняками на этой земле, но среди упавших лепестков около грязной дороги дети были частью земли. Они были напуганы, увидев незнакомца, сидящего с ними, и внезапно замолчали. Прекратив играть с лепестками, они в течение нескольких секунд сидели неподвижно, как статуи. Но их глаза светились любопытством и дружелюбием.

В маленьком, заброшенном саду у обочины цвело множество ярких цветов. Среди листьев дерева в том саду в полдень ворона пряталась в тени от солнца. Ее тело опиралось на ветку, а перья прикрывали когти. Она звала или отвечала другим воронам, и в течение десяти минут в ее карканье было пять или шесть различных звуков. В ее арсенале, по всей видимости, было намного больше звуков, но в данный момент ее устроили эти несколько. Она была ярко-черной, с серой шеей, с необыкновенными глазами, которые никогда не были спокойными, с клювом твердым и острым. Она полностью расслабилась и в то же самое время оставалась полностью активной. Было удивительно, как ум полностью соединился с той птицей. Он не наблюдал за ней, хотя рассматривал каждую деталь, сам он не был птицей, поскольку не было никакого отождествления с ней, он был с птицей, с ее глазами и острым клювом, как море с рыбой. Он был с птицей, и все же он проходил сквозь нее и вне ее. Острый, агрессивный и испуганный ум вороны был частью ума, который охватывал моря и время. Этот ум был обширным, безграничным, вне всякой меры, и все же он осознавал малейшее движение глаз той черной вороны среди новых, блестящих листьев. Он осознавал падающие лепестки, но не имел никакого центра внимания, никакой точки, от которой можно было бы следить. В отличие от пространства, которое всегда имеет в себе что-нибудь: частицу пыли, земли или небес, — он был полностью пуст и являясь пустым, мог следить без причины. У его внимания не было ни корня, ни ветвей. Вся энергия была в той пустой неподвижности. Это не была энергия, созданная с намерением, которая скоро рассеется. Это была энергия всего начала, жизнь, что не имеет времени как окончания.

Несколько человек пришли вместе, и, как только каждый пытался изложить проблему, другие начинали объяснять ее и сравнивать с их собственными испытаниями. Но горе нельзя сравнивать. Сравнение порождает жалость к себе, и затем следует несчастье. Беду нужно встречать напрямую, не с мыслью, что ваше несчастье больше, чем несчастье других.

Теперь все они молчали, и через время один из них начал.

«Моя мать умерла несколько лет назад. Совсем недавно я потерял также моего отца, и полон раскаянья. Он был хорошим отцом, и я должен был быть многим для него, кем не был. Наши интересы не совпадали, соответствующие образы наших жизней отдаляли нас. Он был религиозным человеком, но мое религиозное чувство было не настолько самозабвенным.

Отношения между нами были часто натянутыми, но по крайней мере это были хоть какие-то отношения, а теперь, когда его нет, я убит горем. Мое ГОре — это не только раскаяние, но также и чувство внезапного одиночества. Прежде у меня никогда не было такого горя, и оно весьма острое. Что мне делать? Как я должен преодолеть его?»

Если позволите поинтересоваться, вы страдаете из-за вашего отца, или же горе возникает из-за отсутствия отношений, к которым вы привыкли?

«Я не совсем понимаю то, что вы имеете в виду», — ответил он.

Вы страдаете из-за того, что ваш отец умер, или из-за того, что вы чувствуете себя одиноким?

«Все, что я знаю, это то, что страдаю и хочу освободиться от этого. Я действительно не понимаю, что вы имеете в виду. Объясните, пожалуйста?»

Это довольно просто, разве нет? Либо вы страдаете во имя вашего отца, то есть потому, что он наслаждался жизнью и хотел жить, а теперь он умер, либо вы страдаете, потому что имелся разрыв в отношениях, которые так долго были столь значимыми, и вы внезапно осознаете одиночество. А теперь, которое из них? Вы страдаете, конечно же, не из-за вашего отца, а потому что вы одиноки, и ваша печаль — это то, что приходит из-за жалости к себе.

«Что точно является одиночеством?»

Вы никогда не чувствовали себя одиноким?

«Да, я часто предпринимал прогулки в уединении. Я длительное время гуляю один, особенно по выходным».

Разве нет различия между чувством одиночества и просто быть одному, как на прогулке в одиночку?

«Если есть, то не думаю, что я знаю, что означает одиночество».

«Не думаю, что мы знаем, вообще что хоть что-нибудь означает, ну кроме как на словах», — добавил кто-то.

Вы никогда сами не испытали чувство одиночества, как могли бы испытывать зубную боль? Когда мы говорим об одиночестве, мы испытываем психологическую боль из-за него или просто используем слово, чтобы указать на что-то, что никогда сами не испытывали? Мы действительно страдаем или только думаем, что страдаем?

«Я хочу знать, что такое одиночество», — ответил он.

Вы подразумеваете, что хотите его описание. Это переживание того, что вы полностью изолированы, чувство невозможности зависеть от чего-нибудь, быть отрезанным от всех взаимоотношений. «Я», эго по его собственной природе постоянно строит стену вокруг себя, вся его деятельность ведет к изоляции. Осознавая свою изоляцию, оно начинает отождествлять себя с добродетелью, с Богом, с собственностью, с человеком, со страной или идеологией, но такое отождествление — это часть процесса изоляции. Другими словами, мы убегаем всеми возможными способами от боли одиночества, от чувства изоляции, и поэтому никогда непосредственно сами его не испытываем. Это не подобно тому, когда боишься чего-то там, за углом, и никогда не сталкиваешься с этим, никогда не выясняешь, какое оно, а всегда убегаешь и находишь спасение в ком-то или в чем-то, что только порождает больший страх. Вы никогда не чувствовали себя одинокими, отрезанными от всего, полностью изолированными?

«Я вообще понятия не имею, о чем вы говорите».

Тогда, если можно поинтересоваться, вы действительно знаете, что такое горе? Вы испытываете горе так же сильно и остро, как испытывали бы зубную боль? Когда у вас болит зуб, вы действуете, вы идете к дантисту, но, когда есть горе, вы убегаете от него через объяснение, веру, спиртное и так далее. Вы действуете, но ваше действие — это не действие, которое освобождает ум от горя, не так ли?

«Я не знаю, что делать, и именно поэтому я здесь».

Прежде, чем вы узнаете, что делать, не должны ли вы выяснить, что такое горе фактически? Разве вы просто не сформировали идею, суждение о том, что такое горе? Конечно же, побег, оценка, страх мешают вам переживать его напрямую.

Когда вы страдаете от зубной боли, вы не формируете о ней идеи и мнения, вы только чувствуете ее и действуете. Но здесь нет никакого действия, немедленного или отдаленного, потому что вы в действительности не страдаете. Чтобы переносить и понимать страдание, вы должны смотреть на него, вы не должны убегать.

«Мой отец ушел безвозвратно, и поэтому я страдаю. Что я должен сделать, чтобы быть недосыгаемым для страдания?»

Мы страдаем, потому что не видим суть страдания. Факт и наше воображение относительно факта полностью отличаются, уводя в двух различных направлениях. Если можно спросить, вы обеспокоены фактом, действительностью или просто идеей страдания?

«Вы не отвечаете на мой вопрос, сэр, — настаивал он. — Что я должен делать?»

Вы хотите убежать от страдания или быть свободным от него?

Если вы просто хотите убежать, тогда таблетка, вера, объяснение, развлечение может «помочь» с неизбежными последствиями зависимости, страха и так далее. Но если вы желаете быть свободным от горя, вы должны прекратить убегать и осознавать его без суждения, без выбора.

Вы должны наблюдать его, изучать, знать все его сокровенные уловки, тогда вы не будете пугаться его, и больше не будет яда жалости к себе. С пониманием горя появляется свобода от него. Что-бы понимать горе, должно происходить фактическое его переживание, а не словесная фикция.

«Можно задать только один вопрос? — вмешался один из остальных. — Каким образом следует проживать обыденную жизнь?»

Как если бы вы жили в течение того единственного дня, в течение того единственного часа.

«Как?»

Если бы у вас был только один час, чтобы жить, что бы вы делали?

«Я действительно не знаю», — ответил он с тревогой.

Вы бы не организовали и исполнили то, что необходимо внешне, ваши дела, ваше желание и так далее? Вы бы не позвали вашу семью и друзей вместе и не попросили бы у них прощение за вред, который вам пришлось причинить им, и не простили бы их за всякий вред, который они могли бы причинить вам? Вы не умерли бы полностью по отношению ко всему, что связано с умом, с желаниями к миру? И если это можно сделать за час, тогда это также может быть сделано за дни и годы, которые остаются.

«Такое действительно возможно, сэр?»

Пробуйте это, и вы выясните.

Что означает быть серьезным?

Старик с длинной палкой в руке, сидевший на повозке был настолько тощим, что его кости выступали наружу. У него было доброе, морщинистое лицо, а кожа очень темной, сожженной палящим солнцем. Телега была нагружена дровами, и старик погонял быков ударами палки по их спинам. Они ехали долгий день из деревни в город. Извозчик и животные были измотаны, но нужно было осилить еще некоторое расстояние. На морде быков была пена, и старик, казалось, был готов остановиться, но присутствовала некая одержимость в том жилистом старом теле, и быки продолжили идти. Когда вы шли возле телеги, старик поймал ваш взгляд, улыбнулся и прекратил бить быков. Это были его быки, и он управлял ими в течение многих лет. Они знали, что он их обожал, и битье только временное явление. Он гладил их теперь, и они продолжили двигаться без понукания. Взгляд старика выражал терпение, усталость от бесконечно тяжелого труда. За дрова он не получит много денег, но этого будет достаточно, чтобы прожить какое-то время. Они будут отдыхать в течение ночи на обочине дороги, чтобы ранним утром отправиться домой. Телега будет пуста, а поездка назад — легче. Мы шли по дороге вместе, и быки, казалось, не возражали, чтобы незнакомец, который шел рядом, поглаживал их. Начинало темнеть, и через время извозчик остановился, зажег лампу, повесил ее под телегой и направился дальше по направлению к шумному городу.

Следующим утром солнце вошло над густыми, темными тучами. На этом большом острове часто шел дождь, и земля была богата растительностью. Всюду росли огромные деревья и ухоженные сады полные цветов, а рогатый скот был упитанным и умиротворенным. Люди были довольны жизнью. На одном из деревьев расположилось множество иволг с черными крыльями и покрытых желтыми перьями телами. Это были удивительно большие птицы, с нежными голосами. Они прыгали с ветки на ветку, подобно вспышкам золотистого света, и казались в пасмурный день даже более блестящими. Глубоким гортанным голосом кричала сорока, а вороны издавали свой обычный хриплый шум. Для пешей прогулки было прохладно, и приятно. Храм был полон стоящих на коленях молившихся людей, а площадка вокруг него была чистой. За храмом находился спортивный клуб, где играли в теннис. Всюду были дети, и среди них ходили священники с бритыми головами и с непременным веером (опахалом). Улицы были украшены, так как здесь пройдет религиозная процессия на следующий день, когда будет полнолуние. Над пальмами можно было заметить огромный кусок бледно-голубого неба, который спешили закрыть тучи. Среди людей, по улицам и в садах зажиточных людей, присутствовала великая красота, она была там постоянно, но немногие замечали ее.

Мужчина и женщина, прибыли из далеких мест, чтобы посетить беседы. Они могли бы быть мужем и женой, сестрой и братом или просто друзьями. Веселы и дружелюбны, их глаза говорили о древней культуре, которая осталась позади них. С приятными голосами и довольно застенчивые, уважительные, они оказались удивительно начитанными, а он знал и санскрит, немного путешествовал и знал пути мира.

«Мы многое испытали в жизни, — начал он. — Мы следовали за некоторыми политическими лидерами, были товарищами-путешественниками с коммунистами и видели своими глазами их зверства, обошли круг духовных учителей и занимались некоторыми формами медитации. Мы серьезные люди, но можем обманываться. Все эти вещи были сделаны с серьезным намерением, но ни одна из них, не глубока, хотя в то время мы так не считали. Мы оба активны по характеру, не мечтатели, но теперь мы пришли к выводу, что больше не хотим «попасть куда-то» или участвовать в методиках и организованной деятельности, которые малозначительны. Поняв, что в такой деятельности ничего нет, кроме запудривания мозгов и

самообмана. Сейчас мы хотим понять то, чему учите вы. Мой отец был в некоторой мере знаком с вашим подходом к жизни и имел обыкновение говорить со мной об этом, но я никогда сам не возвращался к исследованию вопросов, потому что мне «велели», что является, наверное, нормальной реакцией, когда вы молоды. Так получилось, что один наш друг посещал ваши беседы в прошлом году, и, когда он пересказывал нам кое-что из того, что он услышал, мы решили прийти. Я не знаю, с чего начать, и, возможно, вы сможете помочь нам».

Хотя его спутница не сказала ни слова, ее взгляд и поведение указывали на то, что она полностью согласна с тем, что говорилось.

Так как вы сказали, что оба серьезны, давайте начнем с этого. Интересно, что мы подразумеваем, когда говорим, что серьезны? Большинство людей серьезно относится к тому или другому. Политик с его разработками и в своем достижении власти, школьник с его желанием сдать экзамен, человек, который стремится делать деньги, профессионал и человек, который посвятил себя некой идеологии, или пойманный в сети веры — все они серьезны по своему. Невротик серьезен так же, как саньясин. Что тогда значит быть серьезным? Пожалуйста, не думайте, что я отклоняюсь от сути вопроса, но если бы мы смогли понять это, мы могли бы узнать намного больше о себе, и, в конце концов, это правильное начало.

«Я серьезна, — сказала его подруга, — в желании понять мою растерянность, и по этой причине я искала помощи тех, кто мог бы мне в этом помочь».

Я пробовала забываться в добрых делах, в том, чтобы дать счастье другим, и в этом я была серьезна. Я также серьезна в моем желании найти Бога».

Большинство людей серьезно относится к чему-либо. Скрыто или явно, их серьезность всегда имеет объект, религиозный или иной, и от надежды на достижение того объекта зависит их серьезность. Если по какой-либо причине надежда на достижение объекта их удовлетворения проходит, они все еще серьезны? Каждый серьезен в получении, достижении успеха, становлении, именно цель делает вас серьезным, в надежде получить или избежать. Так что важна цель, а не понимание того, что означает быть серьезным. Нас интересует не любовь, а то, что любовь будет делать. Выполнение, результат, достижение является существенным, а не сама любовь, которая имеет ее собственное действие.

«Я не совсем понимаю, как может быть серьезность, если вы не относитесь серьезно к чему-нибудь», — ответил он.

«Я думаю, понимаю, что вы имеете в виду, — сказала его подруга. — Я хочу найти Бога, и для меня важно найти Его, иначе жизнь не имеет значения, она всего лишь сбивающий с толку хаос, полный страдания. Я могу понять жизнь только через Бога, кто есть конец и начало всех вещей. Он один может вести меня в этой путанице противоречий, и потому я серьезно отношусь к желанию найти Его. Но вы спрашиваете, серьезность ли это вообще?»

Да. Понимание жизни, со всеми ее сложностями, это одно, а поиск Бога — другое. Сказав, что Бог наивысшая цель, которая придаст значение жизни, вы, наверное, привнесли в жизнь два противоположных состояния: жизнь и Бог. Вы боретесь за то, чтобы найти кое-что вдали от жизни. Вы серьезно относитесь к достижению цели, результата, который вы называете Богом, это серьезность? Возможно, такого нет, что сначала вы находите Бога, а затем живете. Может быть так, что Бог должен быть найден в самом понимании сложного процесса, называемого жизнью.

Мы пытаемся понять, что подразумеваем под серьезностью. Вы серьезны по отношению к формулировке, самопроецированию, к вере, что имеет отношение к действительности. Вы серьезно относитесь к порождениям ума, а не самому уму, который является прородителем всех их. Придавая серьезность достижению специфического результата, не стремитесь ли вы к собственному удовлетворению? Вот в чем каждый серьезен: в получении того, чего он хочет. И

это все, что мы подразумеваем под серьезностью.

«Я никогда прежде не смотрела на это с такой точки зрения, — воскликнула она, — по всей видимости, я в действительности несерьезна».

Давайте не делать поспешных выводов. Мы пробуем понять, что означает быть серьезным. Можно видеть то, что стремится к полному удовлетворению в любой форме, неважно, благородной или глупой, но не означает быть действительно серьезным.

Человек, который пьет, чтобы убежать от своего горя, человек, который жаждет власти, и человек, который ищет Бога, — все находятся на одном и том же пути.

«Если нет, тогда боюсь, ни один из нас не серьезен, — ответил он. — Я всегда принимал за должное, что я серьезен в своих свершениях, но сейчас я начинаю понимать, что существует в корне отличающийся вид серьезности. Не думаю, что я уже способен выразить это словами, но я начинаю чувствовать это. Вы не продолжите?»

«Я немного запуталась, — сказала его подруга. — Думала, что понимаю это, но оно ускользает от меня».

Когда мы серьезны, мы серьезно относимся к чему-либо. Это так, верно?

«Да».

Теперь, есть ли серьезность, которая не направлена на цель и не создает сопротивление? «Не совсем понимаю».

«Вопрос сам по себе весьма прост, — объяснил он. — Желая чего-то, мы приступаем к достижению этого и в отношении такого усилия считаем себя серьезными. А сейчас, он спрашивает, действительно ли это серьезность? Или же серьезность — это состояние ума, в котором достижение цели и сопротивление не существуют?»

«Позвольте мне разобраться, осознаю ли я это, — ответила она. — Пока я пробую получить или избежать чего-то, меня волнует только я сама. Получение цели — в действительности личный интерес, форма потакания своим желаниям, явная или утонченная, и вы утверждаете, сэр, что данное потакание своим желаниям не есть серьезность. Да, теперь мне это совершенно понятно. Но тогда что является серьезностью?»

Давайте исследовать и изучать вместе. Я вас не учу. Быть обучаемым и быть свободным для изучения — два полностью отличающихся явления, не так ли?

«Пожалуйста, немного помедленней. Я не очень понятлива, но возьму это настойчивостью. Я также немного упряма — разумное достоинство, но то, которое может быть неприятным. Надеюсь, вы будете со мной терпеливы. Каким образом быть обучаемым отличается от того, чтобы быть свободным для изучения?»

Когда вас обучают, всегда есть учитель, гуру, который знает, и ученик, который не знает. Таким образом, между ними всегда существует разделение. Это, по существу, авторитарный, иерархический подход к жизни, в котором не существует любви. Хотя учитель может говорить о любви, и ученик подтверждает свою преданность, их отношения не духовны, глубоко безнравственны, порождают много замешательства и страдания.

Это ясно, не так ли?

«Пугающе ясно, — вставил он. — Вы одним ударом отклонили целую структуру религиозного авторитета, но я вижу, что вы правы».

«Но руководство необходимо, и кто же будет действовать как руководитель?» — спросила его подруга.

А есть ли какая-либо необходимость в руководстве, когда мы постоянно учимся не у кого-либо в частности, а у всего, когда мы идем по жизни? Конечно же, мы ищем руководства только когда хотим быть в безопасности, защищенными, успокоенными. Если мы свободны чтобы учиться, мы будем учиться у падающего листа, при каждом виде взаимоотношений, при

осознании действия нашего собственного ума. Но большинство из нас не свободно чтобы учиться, потому что мы привыкли, что нас учат. Книги, родители, общество нам говорят что надо думать, и мы, как граммофоны, повторяем то, что на пластинке.

«И пластинка обычно ужасно поцарапана, — добавил он. — Мы проигрывали ее так часто. Наше мышление совершенно изношенное».

Тот факт, что нас учат, сделал нас повторяющимися, посредственными. Побуждение быть управляемым, с присущим ему авторитетом, повиновением, опасением, отсутствием любви и так далее, может только привести к темноте. Быть свободным, чтобы учиться, — это совершенно другой вопрос. И не может быть никакой свободы, чтобы учиться, когда уже есть умозаключение, предположение, или когда чей-либо взгляд на жизнь основан на опыте как знании, или когда ум сдерживается традицией, привязанной к вере, или когда имеется желание быть в безопасности, достичь определенной цели.

«Но невозможно быть свободным от всего этого!» — воскликнула она.

Вы не знаете, возможно ли это или невозможно, пока не попробовали.

«Нравится это или нет, — настаивала она, — но ваш ум обучают, и, если, как вы говорите, ум, который обучают, не может учиться, что же делать?»

Ум может осознать собственную неволю, и при том самом осознании он учится. Но прежде всего, ясно ли нам, что ум, который слепо удерживается в том, чему его учили, неспособен к изучению?

«Другими словами, вы говорите, что пока я просто следую традиции, я не могу узнать что-нибудь новое. Да, это вполне понятно. Но как я должен стать свободным от традиции?»

Не так быстро, пожалуйста. Накопленное умом мешает свободе, чтобы учиться. Чтобы изучать, не должно быть никакого приобретения знания, накопления опыта, как прошлого. Сами вы понимаете суть этого? Это факт для вас или только кое-что, с чем вы можете согласиться или не согласиться?

«Думаю, что я понимаю это как факт, — сказал он. — Конечно, вы не имеете в виду, что мы должны отбросить всякое знание, собранное наукой, что было бы абсурдно. Ваша точка зрения такова: если мы хотим изучать, мы не можем ничего принимать».

Изучение — это движение, но не от одной фиксированной точки к другой, и это движение невозможно, если ум обременен накоплением прошлого, умозаключениями, традициями, верованиями. Накопление, хотя оно может называться Атманом, душой, высшим «я» и так далее, является «я», эго.

«Я» и его постоянство предотвращают движение изучения.

«Я начинаю осознавать то, что понимается под движением: изучение, — сказала она медленно. — Пока я в заключении в пределах моего собственного желания безопасности, комфорта, умиротворения, не может быть никакого движения изучения. Тогда, как мне освободиться от этого желания?»

Не является ли такой вопрос неправильным? Нет метода, с помощью которого освобождаются. Сама безотлагательность и важность способности учиться освободит ум от умозаключений, от «я», созданного из слов, из памяти. Осуществление метода, это «как» и его дисциплина являются еще одной формой накопления, это никогда не освободит ум, а лишь запускает его в действие по иному образцу.

«Кажется, я понимаю кое-что из всего этого, — сказал он, — но так много затронуто. Интересно, когда-нибудь я действительно доберусь до сути этого?»

Не все настолько плохо. С пониманием одного или двух центральных фактов становится ясной целая картина. Ум, который учат или который желает быть управляемым, не может изучать. Мы теперь вполне ясно видим это, так что давайте вернемся к вопросу серьезности, с

которого мы начали.

Мы увидели, что ум не серьезен, если у него имеется некая цель, которую нужно получить или избежать. Тогда, что является серьезностью? Чтобы выяснить, нужно осознать, что ум выворачивается наизнанку для своего удовлетворения, получить или стать чем-то. Именно это осознание освобождает ум, чтобы изучить то, что означает быть серьезным, и нет конца изучению. Для ума, который изучает, небеса открыты.

«Я много узнала во время этой краткой беседы, — сказала его подруга, — но буду ли я способна учиться далее без вашей помощи?»

Вы видите, как вы блокируете себя? Если можно так сказать, вы жадны до большего, и эта жадность мешает движению изучения. Осознав значение того, что вы чувствовали и говорили, вы открыли бы дверь к тому движению. Не «дальнейшего» изучения, но лишь изучения, во время вашего продвижения. Сравнение возникает только тогда, когда происходит накопление. Умереть по отношению ко всему, что вы изучили, означает изучать. Такое умирание — это не заключительное действие: оно означает умирать от мгновения до мгновения.

«Я увидел и понял, и от этого распустился цветок доброты».

Откуда это побуждение обладать?

Дождь шел в течение нескольких дней, и надежды на его прекращение не было. Холмы и горы были окутаны черными тучами, а зеленый берег по ту сторону озера был скрыт густым туманом. Всюду были лужи, и дождь проникал через полуоткрытые окна автомобиля. Оставляя озеро позади и уходя серпантинном в горы, дорога проходила мимо множества небольших городов и деревушек, а затем поднималась по склону горы. Спустя некоторое время дождь прекратился. Мы поднимались выше, уже начали показываться заснеженные пики гор, искрясь под лучами утреннего солнца. Автомобиль остановился, и дальше мы пошли пешком по тропинке, которая удаляясь от дороги, вывела нас среди деревьев в открытые луга. Воздух был чистым и холодным, было здесь удивительно тихо. Не было ни людей, ни пасущихся коров со звоном колокольчиков. Тропинка была влажной, а сосна переливалась каплями прошедшего недавно дождя. Подойдя к краю утеса, мы увидели далеко внизу ручей, текущий от отдаленных ледников. Он питался несколькими водопадами, но их шум не достигал этого далекого местечка, и стояла полная тишина.

Мы тоже не могли нарушить ее. Это была чарующая тишина. Ваш ум больше не продолжал свое бесконечное блуждание. Его внешнее движение остановилось, и он отправился в путешествие к большим высотам и удивительным глубинам. Но вскоре даже это путешествие прекратилось, и не было ни внешнего, ни внутреннего движения ума. Он был полностью спокоен, но все же движение было. Движение, совершенно не связанное с уходом и приходом ума, движение, которое не имело причины, цели, центра. Это было движение в пределах ума, сквозь ум и за пределы ума. Ум мог следовать за всеми его действиями, даже запутанными и изощренными, но он был неспособен следовать за этим другим движением, которое не происходило из него самого.

Так что ум был спокоен. Его не заставили быть спокойным, его спокойствие не было организованным и не было вызвано каким-то желанием быть спокойным. Он был просто спокоен, и, от такого спокойствия, происходило бесконечное движение. Ум никогда не мог схватить его и поместить среди воспоминаний, он бы сделал так, если бы мог, но не мог узнать это движение. Уму оно было незнакомо, поскольку он никогда не знал его, поэтому и был спокоен, а бесконечное движение происходило вне пределов воспоминания.

Теперь солнце было позади далеких пиков, которые снова закрылись облаками.

«Я ожидал этого разговора много дней, и сейчас, когда я здесь, не знаю с чего начать».

Это был молодой человек, довольно высокий и худой, но держался с достоинством. Он сказал, что окончил колледж, но не был прилежным студентом, едва выдержал экзамен. И только благодаря тому, что отец тянул его за уши, он сумел получить перспективную работу, но и трудился без желания. Его совершенно не волновали события происходящие в мире. Он был женат и имел маленького сына — довольно хороший ребенок и удивительно умный, — добавил он, учитывая посредственность родителей. Но когда мальчик вырастет, он, вероятно, станет таким же, как остальная часть мира, преследуя успех и власть, если к тому времени мир все еще останется.

«Как видите, я могу достаточно свободно разговаривать о многих вещах, но то, о чем я действительно хочу поговорить, кажется очень сложным и трудным. Я никогда прежде не говорил о своей проблеме с кем-либо, даже с женой, и предполагаю, что это делает наш разговор трудным. Но если вы наберетесь терпения, я постараюсь объяснить».

Он сделал паузу на несколько мгновений, а затем продолжил.

«Я единственный сын, причем довольно избалованный. Хотя я увлекаюсь литературой и

хотел бы писать, у меня нет ни дара, ни возможности. Я не глуп и мог бы достичь кое-чего в жизни, но меня беспокоит снедающая меня проблема: я хочу беспредельно обладать людьми. Я стремлюсь не просто к обладанию, а к полному доминированию. Я не могу выносить, когда присутствует хоть какая-то свобода для человека, которым я обладаю. Я наблюдал за другими, и, хотя они также властны, все это настолько ревностно, без какой-либо реальной интенсивности. Общество с его понятием о хороших манерах удерживает их в пределах рамок. Но у меня нет никаких рамок, я просто обладаю, без любых качественных прилагательных. Не думаю, что кому-то известно то, через какие агонии я прохожу, каким пыткам подвергаюсь. Это не просто ревность, это буквально адский огонь. Чего-то ведь должно хватать, хотя пока ничего не хватает. Внешне я умею контролировать себя, и, вероятно, кажусь вполне нормальным, но внутри я бушую. Пожалуйста, не подумайте, что я преувеличиваю, мне только жаль, что это не так».

Что вызывает у нас желание обладать не только людьми, но и вещами, и идеями? Зачем это побуждение иметь, со всей его борьбой и болью? И когда мы действительно обладаем, это не решает проблему, а лишь порождает другие. Позвольте спросить, вы знаете, почему хотите обладать, и что означает обладание?

«Обладание собственностью отличается от обладания людьми. Пока наше нынешнее правительство действует, будет разрешено личное владение собственностью, не слишком много, конечно, но по крайней мере несколько акров, дом или два, и так далее. Вы можете принимать меры, чтобы охранять вашу собственность, держать ее на свое имя. Но с людьми по-другому. Вы не можете их закрепить или запереть. Рано или поздно они выскользывают из ваших рук, а затем начинается пытка».

Но откуда это побуждение обладать? И что мы подразумеваем под обладанием? В обладании, в чувстве, что вы имеете, присутствует гордость, некоторое ощущение власти и престижа, верно? Есть удовольствие от осознания, что это что-то является вашим: будь то дом, кусок ткани или редкая картина. Обладание способностью, талантом, возможностью достигать и признание, которое это приносит, — также придает вам ощущение важности, безопасную перспективу на жизнь. Пока люди обеспокоены, обладать и быть обладаемым — это часто взаимно удовлетворяющие отношения. Имеется также обладание с точки зрения верований, идей, идеологий, не так ли?

«Разве мы не входим в слишком широкую область?»

Но владение подразумевает все это. Вы можете хотеть обладать людьми, другой может обладать целым рядом идей, в то время как кто-то еще может быть удовлетворен, имея несколько акров земли. Но как бы сильно объекты не варьировались, всякое владение, по существу, одинаковое, и каждый будет защищать то, что он имеет, или в самом отказе будет обладать чем-то еще на другом уровне. Экономическая революция может ограничить или отменить владение частной собственностью, но быть свободным от психологической собственности людей или идей — это совершенно другой вопрос. Вы можете избавиться от одной специфической идеологии, но скоро найдете другую. Вы должны обладать любой ценой. А теперь, существует ли момент, когда ум не обладает или не обладаем? И почему хочется обладать?

«Я предполагаю, что при обладании чувствуешь себя сильным, в безопасности, и, конечно, всегда присутствует удовлетворяющее удовольствие в чувстве собственности, как вы говорите. Я хочу обладать людьми по нескольким причинам. С одной стороны, ощущение власти над другим придает мне чувство важности. При обладании также имеется ощущение благосостояния, чувствуешь себя комфортно и в безопасности».

И все же при этом всем есть конфликт и печаль. Вы хотите продолжить получать удовольствие от обладания и избегаете боли из-за него. А так можно делать?

«Вероятно, нет, но я продолжаю пробовать. Я качусь на стимулирующей волне обладания, прекрасно зная, что случится, и когда происходит падение, как это всегда и происходит, я поднимаюсь и сажусь на следующую волну».

Тогда у вас нет никакой проблемы, не так ли?

«Я хочу, чтобы эта пытка закончилась. Действительно невозможно обладать полностью и навсегда?»

Это кажется невозможным в отношении собственности и идей, и не намного ли это более невозможно в отношении людей? Собственность, идеологии и устоявшиеся традиции статичны, фиксированы, и их можно защищать в течение длительных периодов времени через законодательство и различные формы сопротивления, но с людьми все не так. Люди живые, как и вы, они тоже хотят доминировать, обладать или быть обладаемыми. Несмотря на кодексы морали и санкции общества, люди выскальзывают из-под одного образца обладания в другой. Не бывает такой вещи, как полное обладание чем-нибудь в любое время. Любовь никогда не является обладанием или привязанностью.

«Тогда, что я должен сделать? Я могу освободиться от этого страдания?»

Конечно можете, но это совершенно другое. Вы осознаете, что обладаете, но когда-либо осознаете момент, когда ум не обладает, не обладаем? Мы обладаем, потому что в нас самих мы ничто, а в обладании мы чувствуем, что кем-то стали. Когда мы называем себя американцами, немцами, русскими, индусами или кем угодно, ярлык придает нам ощущение важности, потому-то и защищаем его с мечом и хитрым умом. Мы ничто, кроме того, чем мы обладаем: ярлыком, счетом в банке, идеологией, человеком, — и это отождествление порождает вражду и бесконечную борьбу.

«Мне все это достаточно хорошо известно, но вы сказали кое-что, что задело струнку моей души. Я когда-либо осознаю момент, когда ум не обладает, не обладаем? Не думаю, что я осознаю».

Ум может прекратить обладать или быть обладаемым, обладать прошлым и быть обладаемым будущим? Может он быть свободен как от влияния пережитого, так и побуждения пережить?

«Это когда-либо возможно?»

Вам придется выяснить, полностью осознать пути вашего собственного ума. Вы знаете истину об обладании, о печали из-за него и удовольствии, но вы остановились там и пробуете преодолеть одно другим. Вы не знаете момента, когда ум не обладает, не обладаем, когда он полностью свободен от того, что было, и от желания стать. Исследовать это и самому обнаружить суть этой свободы — вот фактор освобождения, а не желание быть свободным.

«Я способен на такое трудное исследование и обнаружение? В некотором роде, да. Я был хитер и целеустремлен в обладании, с той же самой энергией я могу теперь начинать исследовать свободу ума. Я хотел бы возвратиться, если можно, после того, как я поэкспериментирую с этим».

Желание и боль противоречия

Два человека были заняты рытьем длинной, узкой могилы. Это был рыхлая песчаная почва, с примесью небольшого количества глины, и копание давалось легко. Теперь они подравнивали углы могилы и придавали ей опрятный вид. Несколько пальм нависали над могилой, и на них были большие связки золотистых кокосовых орехов. На мужчинах были только набедренные повязки, их голые тела блестели в лучах раннего утреннего солнца. Легкая почва была все еще влажной из-за недавних дождей, и листья деревьев, потревоженные нежным ветерком, искрились в ясном утреннем воздухе. Это был чудесный день, и поскольку солнце только что показалось над верхушками деревьев, еще не было слишком жарко. Море казалось бледно-синим и очень спокойным, а белые волны лениво накатывались на берег. В небе не было ни облачка, и убывающая луна еще находилась посередине неба. Трава ярко зеленела, повсюду летали птицы, перекликаясь разными голосами. На земле царил великое умиротворение.

Поперек узкой траншеи мужчины поместили две длинных доски и поперек них положили канат. Их яркие набедренные повязки и темные, загорелые тела придали жизнь пустой могиле, затем они ушли, и земля быстро высыхала на солнце. Это было большое кладбище, без особого порядка, но ухоженное. Ряды белых надгробий с выгравированными именами на них, потускнели из-за обильных дождей. Два садовника работали на кладбище целый день: поливая, подрезая, сажая и пропалывая. Один был высоким, а другой — низкорослым и полным. За исключением набедренной повязки, и повязки на головах, предохраняющей от палящего солнца, — на них ничего не было. Их кожа была почти черной. В дождливые дни, набедренная повязка также была единственным предметом одежды, и дожди смывали загар с тел. Высокий поливал кустарник, который он только что посадил. Из большого, круглого, глиняного горшка с узким горлом он расплескивал воду на листья и цветы. Горшок блестел на солнце, как и мускулы его смуглого тела, передвигающегося с непринужденностью, и в том, как он стоял, было изящество и достоинство. За ним было приятно наблюдать. Тени были длинными в утреннем солнце.

Внимание — странная вещь. Мы никогда не смотрим без призмы слов, объяснений и предубеждений, мы никогда не слушаем без суждения, сравнения и воспоминания. Сам факт, присвоения названия цветку или птице является отвлечением. Ум никогда не спокоен, чтобы смотреть, слушать. В тот момент, когда он смотрит, он отключен в его беспокойных блужданиях, в самом акте слушания присутствует интерпретация, воспоминание, удовольствие, а внимание отсутствует. Ум может быть поглощен вещью, которую видит, или тем, что слушает, как ребенок игрушкой, но это не внимание. Не является вниманием концентрация, так как концентрация — это способ исключения и сопротивления. Внимание есть только тогда, когда ум не поглощен внутренней или внешней идеей или объектом. Внимание — это полное добро.

Он был мужчиной средних лет, почти лысый, с ясными, внимательными глазами. Трудная жизнь, которая была полна волнений и тревог наложила отпечаток на его лицо — оно было испещрено морщинами. Отец нескольких детей, объяснил, что его жена умерла во время рождения последнего ребенка, и теперь они жили с какими-то родственниками. Хотя он все еще работал, его жалование было маленьким, и было трудно сводить концы с концами, но, так или иначе, они жили без особой нужды. Старший сын зарабатывал себе на жизнь сам, а второй ходил в колледж. Сам он был из семьи, которая имела строгие традиции многих столетий, и это воспитание теперь очень пригодилось ему. Но у следующего поколения, кажется, все будет по-другому, мир изменялся быстро, и старые традиции рушились. В любом случае, жизнь продолжалась, и было бесполезно ворчать. Он пришел не для того, чтобы говорить о своей семье

или будущем, а о самом себе.

«С тех пор, как я себя помню, кажется, что живу в состоянии противоречия. Я всегда имел идеалы и всегда был далек от них. С самых ранних лет я чувствовал тягу к монашеской жизни, жизни в одиночестве и медитации, а закончилось все семейной жизнью. Я когда-то думал, что хотел быть ученым, но вместо этого выполнял монотонную работу в офисе. Вся моя жизнь была рядом контрастов, и даже сейчас я в самой гуще внутренних противоречий, которые очень беспокоят меня, поскольку я хочу быть в мире с самим собой, но, кажется, не способен гармонизировать эти противоречивые желания. Что мне делать?»

Естественно, никогда не может быть гармонии или объединения противопоставленных желаний. Вы можете гармонизировать ненависть и любовь? Можно ли когда-либо соединить амбицию и желание мира? Разве они не всегда будут противоречащими?

«Но нельзя ли конфликтующие желания взять под контроль? Разве эти дикие лошади не могут быть приручены?»

Вы пробовали, не так ли?

«Да, много лет».

И вам удалось?

«Нет, но это оттого, что я не должным образом дисциплинировал желание, недостаточно усердно старался. Ошибка не в дисциплине, а в том, кто терпит неудачу в дисциплинировании».

Не является ли это самодисциплинирование желания, породителем противоречия? Дисциплинировать означает сопротивляться, подавлять, а не является ли сопротивление или подавление способом конфликта? Когда вы дисциплинируете желание, кто этот «вы», осуществляющий дисциплинирование?

«Это высшее "я"».

Действительно? Или это просто одна часть ума, пытающаяся доминировать над другой, одно желание, подавляющее другое? Это подавление одной части ума с помощью другой, которую вы называете «высшим "я"», может только привести к противоречию. Всякое сопротивление влечет за собой борьбу. Как бы сильно одно желание ни подавляло или дисциплинировало другое, это так называемое более высокое желание порождает другие, которые вскоре восстанут. Желания умножаются, не бывает только одно желание. Разве вы не заметили этого?

«Да, я заметил, что при дисциплинировании одного специфического желания рядом с ним возникает другое. Вам приходится удовлетворять их одно за другим».

И таким образом тратят всю жизнь, преследуя и сдерживая одно желание за другим, только чтобы в конце обнаружить, что желание все еще остается. Воля — это желание, и она тиранически может доминировать над всеми другими желаниями, но то, что побеждено, нужно побеждать снова и снова. Воля может стать привычкой, и ум, который функционирует по привычной колее, является механическим, мертвым.

«Я не уверен, что понимаю все тонкие моменты того, что вы объяснили, но я осознаю запутанность и противоречия желания. Если бы во мне было только одно противоречие, я мог бы покончить с его борьбой, но их несколько. Как мне добиться успокоения?» Понимать — это одно, а желать успокоения — это другое. С пониманием действительно приходит успокоение, но просто желание быть спокойным только усиливает желание, которое является источником всего конфликта. Сильное, доминирующее желание никогда не приносит успокоения, а лишь строит стену заключения вокруг себя.

«Тогда, как выбраться из этой сети внутренне противоречивых желаний?»

Действительно ли «как» является исследованием или требованием метода, с помощью которого можно положить конец противоречию?

«Возможно, я прошу метод. Но разве только не через терпеливую и суровую практику надлежащего метода можно покончить с борьбой?»

Опять же, любой метод подразумевает усилие контролировать, подавлять или сдерживать желание, и при этом усилие создается сопротивление в различных формах, скрытых или грубых. Это подобно проживанию в узком проходе, который закрывает от вас необъятность жизни.

«Вы, кажется, совсем против дисциплины».

Я только указываю на то, что дисциплинированный, созданный по шаблону ум, — это не свободный ум. С пониманием желания дисциплина теряет свою важность. Понимание желания имеет гораздо большее значение, чем дисциплина, которая является простым соответствием образцу.

«Если не должно быть никакой дисциплины, то как уму освободиться от желания, которое приносит все эти противоречия?»

Время, привычка и идеалы

Прошли сильные дожди, и вода в реке поднялась очень высоко. Она выходила из берегов, и некоторые из деревень затопило. Поля оказались под водой, и рогатый скот нужно было увести к более высоким пастбищам. Еще немного — она затопит мост, и тогда действительно будут неприятности.

Но когда вода в реке уже достигала опасной точки, дожди прекратились, и уровень воды начал понижаться. Немногие обезьяны, спасавшиеся на деревьях, были изолированы, и им пришлось оставаться там в течение дня или около того.

Однажды рано утром, когда вода спала, мы отправились в путь по открытой местности, которая была плоской почти до подножия гор. Дорога шла мимо деревни, и ферм, оборудованных современными машинами. Весна была в полном разгаре, и вдоль дороги цвели фруктовые деревья. Стояла тишина и только наш автомобиль гулом своего двигателя нарушал ее.

Ум молчит только при избытке энергии, когда есть то внимание, в котором прекращается все противоречие, натяжение желаний в различных направлениях. Борьба желаний за то, чтобы быть тихим, не приводит к тишине. Тишину не купить через какую-нибудь форму принуждения, это не награда за подавление или за избавление. Но ум, который не молчит, никогда не свободен, а небеса открыты лишь только для тихого ума. Благодать, которую ищет ум, не найти благодаря его поиску, и при этом она не скрыта в вере. Только тихий ум может получить то благословение, которое не дано церкви или вере. Для того, чтобы ум был тихим, все его противоречащие углы должны соединиться вместе и быть сплавленными воедино в пламени понимания. Тихий ум — это не размышляющий ум. Чтобы размышлять, должен быть наблюдатель и наблюдаемое, переживающий с грузом прошлого. Всякое желание — это противоречие, поскольку каждый центр желаний оппозиционно настроен в отношении другого центра. Спокойствие всего ума — это медитация. «Меня всегда интересовали религиозные вопросы, — сказал он, — и рано утром, прежде, чем встают дети и начинается домашняя суматоха, я провожу значительный период времени в практике медитации. Я считаю медитацию очень полезной для получения контроля над умом и культивирования некоторых необходимых добродетелей. Я услышал несколько дней назад вашу беседу о медитации, но поскольку плохо знаком с вашим учением, то не совсем способен понять. Но не об этом я хочу поговорить. Я пришел, чтобы говорить о времени, как о средстве для осознания наивысшего. Насколько я вижу, время необходимо для культивирования тех качеств и чувствительности ума, которые являются необходимыми, для достижения просвещения. Это так, не правда ли?»

Если вы начинаете с утверждения определенных вещей, тогда возможно ли отыскать истину вопроса? Не мешают ли умозаключения ясности мысли?

«Я всегда принимал как должное, что время необходимо для достижения освобождения. Это имен но то, что утверждает большинство религиозных книг, и я никогда не подвергал это сомнению. Из этого следует вывод, что иногда люди осознают возвеличенное состояние мгновенно, но лишь немногие. Я согласен с вами, что ясное мышление возможно только тогда, когда ум свободен».

И освободиться от них чрезвычайно трудно, верно?

Теперь, что мы подразумеваем под временем? Существует время по часам, время как прошлое, настоящее и будущее. Существует время как память, как расстояние при путешествии, и время как достижение, процесс становления кем-то. Все это то, что мы подразумеваем под временем. И возможно ли, чтобы ум был свободен от времени, вышел за пределы его ограничений? Давайте начнем с хронологического времени. Можно ли быть свободным от

времени в фактическом, хронологическом смысле?

«Нет, если хотите успеть на поезд! Чтобы быть нормально действующим в этом мире и поддерживать некоторый порядок, необходимо хронологическое время».

Тогда есть время как память, привычка, традиция и время как усилие, чтобы достичь, выполнить, стать. Очевидно, требуется время, для изучения профессии или приобретения навыков. Но необходимо ли время для осознания наивысшего?

«Мне кажется, что необходимо».

Что это, которое достигает, осознает?

«Я предполагаю, что это то, что вы называете

Что является связкой воспоминаний и ассоциаций как сознательных, так и неосознанных? Сущность, которая наслаждается и страдает, практикует достоинства, приобретает знание, накапливает опыт, сущность, которая познала удовлетворение и расстройство и думает, что есть душа, Атман, высшее «я». Эта сущность, «я», эго, является продуктом времени. Сама ее суть — это время. Она думает во времени, функционирует во времени и создает себя во времени. «Я», которое является памятью, думает, что через время оно достигнет наивысшего. Но эго «наивысшее» является тем, что оно само сформулировало, и поэтому также находится в пределах области времени, не так ли?

«Как вы это объясняете, то кажется, что прилагающий усилия и цель, за которую он борется, одинаковы в пределах сферы времени».

Через время вы можете достигать только того, что создало время. Мысль — это отклик памяти, и мысль может понимать только то, что она придумала.

«Вы говорите, сэр, что ум должен быть свободен от памяти и от желания достичь, осознать?»

Мы поговорим об этом позже. Если позволите, давайте подойдем к проблеме по-другому. Возьмите насилие, например, и идеал отказа от насилия. Сказано, что идеал отказа от насилия — это средство сдерживания насилия. Но так ли это? Скажем, я жесток, а мой идеал — не быть жестоким. Имеется интервал, промежуток между тем, кем я фактически являюсь, и тем; каким я должен быть, идеалом.

Чтобы покрыть это мешающее расстояние, требуется время. Идеал должен быть достигнут постепенно, и в течение этого интервала постепенного достижения я имею возможность баловаться удовольствием насилия. Идеал — это противоположность того, чем я являюсь, а все противоположности содержат в себе семена их собственных противоположностей. Идеал — это проекция мысли, которая является памятью, и осуществление идеала — это эгоцентричная деятельность, также как насилие. Об этом говорилось в течение столетий, и мы продолжаем повторять, что время необходимо для того, чтобы быть свободным от насилия. Но это простая привычка, и за ней нет никакой мудрости. Мы все еще жестоки. Так что время — не фактор освобождения, идеал отказа от насилия не освобождает от него ум. Неужели насилие не может просто прекратиться — не завтра или десять лет спустя?

«Вы имеете в виду мгновенно?»

Когда вы используете данное слово, разве вы все еще не мыслите или чувствуете понятиями времени? Может ли насилие прекратиться в какой-то данный момент?

«А такое возможно?»

Только с пониманием времени. Мы привыкли к идеалам, мы имеем обыкновение сопротивляться, подавлять, отбрасывать, заменять, все из перечисленного требует усилий и борьбы через время. Ум мыслит привычками, он обусловлен постепенностью и стал расценивать время как средство достижения свободы от насилия. С пониманием ошибочности всего процесса замечаешь суть насилия, и именно это фактор освобождения, а не идеал или время.

«Думаю, я понимаю то, о чем вы говорите, или, скорее, я чувствую истинность этого. Но не слишком ли трудно освободить ум от привычки?»

Это трудно только тогда, когда вы боретесь с привычкой. Возьмем привычку к курению. Борьба с такой привычкой означает придавать ей жизнь. Привычка механическая, и сопротивляться ей значит лишь кормить механизм, придавать ему больше мощи. Но если вы рассмотрите ум и понаблюдаете за формированием его привычек, тогда с пониманием более значимой проблемы, проблема поменьше становится незначительной и отпадает.

«Почему ум формирует привычки?»

Осознайте пути вашего собственного ума, и вы обнаружите почему. Ум формирует привычки, чтобы быть в безопасности, быть защищенным, уверенным, безмятежным, чтобы иметь продолжение. Память — это привычка. Говорить на каком-то языке — это процесс памяти, привычки, но то, что выражается с помощью языка, ряд мыслей и чувств, также обычны, основаны на том, что вам сказали, на традиции и так далее. Ум перемещается от известного к известному, от одной уверенности к другой, так как нет свободы от известного.

Это возвращает нас к тому, с чего мы начали. Принято, что время необходимо для осознания наивысшего. Но то, о чем может думать мысль, все еще в пределах области времени. Ум никоим образом не может сформулировать неизвестное. Он может размышлять о неизвестном, но его размышление — это не неизвестное.

«Тогда возникает проблема, как осознать наивысшее?»

Не с помощью какого-либо метода. Применять метод — значит искусственно создать еще один набор связанных временем воспоминаний, но осознание возможно только тогда, когда ум больше не в неволе времени.

«Может ли ум освободить себя от им же самим созданной неволи? Необходимы ли внешние силы?»

Когда вы обращаетесь к внешним силам, вы снова возвращаетесь к вашим условностям, и умозаключениям. Нас волнует лишь вопрос: «Может ли ум освободить себя от им же самим созданной неволи?» Все другие вопросы не относятся к делу и мешают уму уделять внимание данному вопросу. Нет никакого внимания, когда имеется повод, давление достичь, осознать. То есть когда ум стремится к результату, к цели. Ум обнаружит решение проблемы не через аргументы, мнения, убеждения или веру, а через сильное напряжение самого вопроса.

Природа желания

Это был спокойный вечер, но на озере было много белых парусников. На далеком расстоянии заснеженная горная вершина повисла, как если бы временно отстраненная от небес. Вечерний бриз с северо-востока еще не дул, но к северу на воде возникла рябь, и большее количество судов выходило в плаванье. Вода была очень синей, а небо было очень ясным. Это было широкое озеро, но в солнечные дни можно было видеть город на другой стороне. В этом небольшом заливе, изолированном и забытом, было очень умиротворенно, не было никаких туристов, и пароходы, которые ходили по озеру, никогда не прибывали сюда. Поблизости была деревня рыбаков, и поскольку погода обещала быть ясной, маленькие лодки с фонарями занимались рыбной ловлей до поздней ночи. В очаровании вечера готовились сети и лодки. Долины были в глубокой тени, но горы все еще провожали солнце. Мы шли пешком некоторое время и сели у тропинки, так как он пришел, чтобы поговорить.

«Насколько я могу помнить, у меня был бесконечный конфликт, главным образом внутри меня самого, хотя иногда он и проявляется внешне. Меня не очень-то волнует внешний конфликт, поскольку я научился приспособливаться к обстоятельствам. Это приспособление все же было болезненно, поскольку меня не просто убедить или довести надо мной. Жизнь была трудной, но я достаточно успешен, чтобы хорошо зарабатывать. Все это не проблема для меня. Чего мне не удается понять, так это внутренний конфликт, который я не способен контролировать. Я часто просыпаюсь в середине ночи из-за страшных снов, и кажется, нет минуты покоя от моего конфликта. Он происходит даже во время ежедневных дел и часто разрастается при более близких взаимоотношениях».

Что вы подразумеваете под конфликтом? Какова его природа?

«Внешне я довольно-таки деловой человек, и моя работа требует концентрации и внимание. Когда мой ум таким образом занят, мои внутренние конфликты забываются, но как только появляется затишье в работе, я вновь оказываюсь в своих конфликтах. Эти конфликты имеют свойство изменяться и на различных уровнях. Я хочу добиться успеха в своей работе, быть на вершине своей профессии, иметь много денег и всего остального, и я знаю, что могу быть таким. На другом уровне, я осознаю глупость моей амбиции. Мне нравятся все хорошие вещи в этой жизни, и в противовес этому, я хочу вести простое, почти аскетическое существование. Я ненавижу несколько человек, и все же я хочу забыть и простить. Я могу продолжать приводить вам примеры, но уверен, что вы можете понять природу моих конфликтов. Инстинктивно я мирный человек, все же легко вхожу в ярость. Я очень здоров, что может быть неудачей, по крайней мере в моем случае. Внешне я создаю вид, будто спокоен и стабилен, но я взволнован и сбит с толку моими внутренними конфликтами. Мне уже далеко за тридцать, и я по-настоящему хочу прорваться сквозь неразбериху из-за собственных желаний. Понимаете, другой моей трудностью является то, что я нахожу почти невозможным с кем-либо поговорить об этом. Это первый раз за много лет, когда я немного открылся. Я не скрытен, но испытываю крайне неприятное чувство, когда говорю обо мне самом, и так же я совершенно не могу поговорить с любым психологом. Зная все это, можете ли вы сказать мне, возможно ли для меня обрести некоторую внутреннюю ясность?»

Вместо попытки покончить с конфликтом, давайте посмотрим, можем ли мы понять это скопление желаний. Наша проблема состоит в том, чтобы понять природу желания, а не просто, чтобы преодолеть конфликт, поскольку именно желание вызывает конфликт. Желание стимулируется ассоциацией и воспоминанием, память — это часть желания. Воспоминание о приятном и неприятном лелеет желание и разбивает его на противопоставленные и

противоречащие желания. Ум отождествляет себя с приятным в противоположность неприятному, через выбор боли и удовольствия ум разделяет желание, подразделяя его на разные категории стремлений и ценностей.

«Хотя существует много противоречащих и противопоставленных желаний, все желания — это одно целое. Так ли это?»

Это так, а разве нет? И, действительно, важно понять это, иначе конфликт между противостоящими желаниями бесконечен. Двойственность желания, которую породил ум, является иллюзией. Нет никакой двойственности в желании, а лишь различные типы желания. Двойственность есть только между временем и вечностью. Наша задача в том, чтобы увидеть нереальность двойственности желания. Желание действительно делит себя на «хочу» и «не хочу», но предотвращение одного и преследования другого — это все еще желание. Нет никакого спасения от конфликта с помощью любой из противоположностей желания, так как само желание порождает его собственную противоположность.

«Я довольно-таки неясно понимаю, что то, о чем вы говорите, — это факт, но факт в том, что я все еще разрываюсь между многочисленными желаниями».

Да, все желания являются одним и тем же, и мы не можем изменить этот факт, манипулировать им, чтобы он подходил для нашего удобства и удовольствия, или же использовать его как инструмент для освобождения себя от конфликтов желания. Но если же мы поймем, что это истинно, тогда во власти этого будет освободить ум от порождения иллюзий. Так что нам надо осознать желание, распадающееся на отдельные и противоречивые части. Мы есть эти противопоставленные и противоречивые желания, мы — целая связка из них, каждое тянет нас в разном направлении.

«Да, но что мы можем поделать с этим?»

Не поймав в первую очередь проблеск желания как единого явления, что бы мы делали или не делали, все будет иметь очень небольшое значение, поскольку желания только умножают желание, и ум оказывается в ловушке этого противоречия. Свобода от конфликта возникает только тогда, когда желание, которое составляет «я» с его воспоминаниями и узнаваниями, приходит к концу.

«Когда вы говорите, что конфликт прекращается только с прекращением желания, это подразумевает конец активной жизни».

Может, да, а, может, нет. Это глупо с нашей стороны размышлять относительно того, какой будет жизнь без желания.

«Вы, конечно, не имеете в виду, что естественные потребности должны прекратиться».

Естественные потребности принимают форму и разрастаются благодаря психологическим желаниям, мы и говорим об этих желаниях.

«Можно ли глубже вникнуть в функционирование этих внутренних стремлений?»

Желания являются и открытыми, и скрытыми, сознательными и тайными. Скрытые имеют намного большее значение, чем явные, но мы не можем ознакомиться с более глубокими, если не понять и не приручить поверхностные. Не то, чтобы сознательные желания нужно подавлять, возвеличивать или придавать форму согласно любому образцу, но их необходимо наблюдать и усмирять. С усмирением поверхностного возбуждения возникает возможность для более глубоких желаний, мотивов и намерений выплыть на поверхность.

«Как же утихомирить поверхностное возбуждение? Я понимаю важность того, что вы говорите, но я не совсем понимаю, как подойти к этой проблеме, как поэкспериментировать с ней».

Экспериментатор неотделим от того, с чем он экспериментирует. Нужно понять суть этого. Вы, экспериментирующий с вашими желаниями, не являетесь сущностью, отделенной от этих

желаний, не так ли? «Я», которое говорит: «Я подавлю это желание и получу удовольствие от этого», само есть результат всякого желания, не так ли?

«Чувствую, что это так, но по-настоящему осознать это, весьма другое дело».

Если, как только возникает любое желание, происходит понимание его сути, то наступает освобождение от иллюзии экспериментатора как отделенной сущности, не связанной с желанием. Пока «я» из кожи вон лезет, чтобы освободиться от желания, оно только лишь усиливает желание в другом направлении, таким образом увековечивая конфликт. Если происходит понимание этого факта от мгновения до мгновения, воля надсмотрщика прекращает быть. И когда переживающий есть переживаемое, тогда вы обнаружите, что желанию с его многочисленными варьирующимися противоречиями приходит конец.

«Поможет ли все это обрести более спокойную и более полную жизнь?»

Конечно же, не по началу. Это, наверняка, пробудит больше тревог, и вероятно, придется сделать более глубокое приспособление, но чем глубже и шире вы проникните в эту сложную проблему желания и конфликта, тем проще она станет.